В. И. КОЗЛОВ

Люди особого склада

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мемуары Героя Советского Союза В. И. Козлова рассказывают о партизанской борьбе на территории Белоруссии. (Интернет). Литературная запись: Кулаковский Алексей Николаевич. Авторизованный перевод с белорусского: Мозольков Евгений Семёнович. Доработанное и дополненное издание.

- Василий Иванович Козлов
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
  - XIX
  - XX
  - XXI
  - XXII
  - XXIII
  - XXIV
  - XXV

Василий Иванович Козлов
Люди особого склада

В. И. КОЗЛОВ
Герой Советского Союза

Люди ОСОБОГО СКЛАДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1959

I

Перед войной я работал вторым секретарем Минского обкома партии. Мне приходилось близко встречаться со множеством людей разных профессий. Радостно было видеть, что все они поглощены живой, кипучей, созидательной деятельностью. В каждом уголке республики шло большое промышленное и жилищное строительство. В Минске заканчивался монтаж мощной электростанции, значительно расширялись станкостроительные заводы имени Ворошилова, имени Кирова.

До Великого Октября Борисов был небольшим городком, его даже не всегда наносили на карты. А перед войной он занял почетное место в промышленности не только Минской области, но и всей Белоруссии. В этом районном городе был построен спичечный комбинат, стеклозавод, фабрика по производству пианино и много других предприятий. В городах и селах области

щедро разливали свет и давали энергию новые электростанции. Более десяти торфопредприятий, заводы по выработке кирпича, черепицы и других строительных материалов работали в наших районах. Сеть машинно-тракторных станций, оборудованных самой передовой техникой, густо покрывала карту области.

Так же быстро менялся облик и других областей республики. В каждом городе, в каждом районе совершались небывалые преобразования, вырастали корпуса новых фабрик, заводов, электростанций, возводились жилые и культурно-бытовые здания.

Белоруссия становилась подлинно индустриальной республикой. У нас имелась уже своя крупная, основанная на передовой технике энергетическая, топливная, машиностроительная, станкостроительная промышленность, успешно развивались различные отрасли деревообрабатывающей промышленности, текстильной, кожевенной, пищевой. С каждым днем росли ряды рабочего класса Белоруссии.

На основе роста промышленности и подъема сельского хозяйства небывало быстро росли и меняли свой облик города. Широко развернулись работы по реконструкции столицы нашей республики. В Гомеле, Витебске, Могилеве, Бобруйске, Орше выросли сотни многоэтажных жилых зданий, новые предприятия, театры, кино, дворцы культуры, клубы, магазины, вокзалы. Рабочие коллективы на фабриках и заводах, на лесах новостроек самоотверженно боролись за досрочное выполнение плана третьей пятилетки.

Большой, плодотворной, творческой жизнью дышала столица Белорусской Советской Социалистической Республики. Академия наук, Государственный университет, десятки институтов, техникумов, средние школы, Театр оперы и балета, драматические театры — все это было создано после Великой Октябрьской социалистической революции. Бывшие рабочие, батраки, дети трудящихся крестьян, получив за годы советской власти высшее образование, уже сами руководили институтами, кафедрами, вместе со всем народом решали государственные дела. Сотни тысяч экземпляров газет, журналов, книг ежедневно расходились из столицы во все концы Белоруссии. Бессмертные творения классиков марксизма-ленинизма, лучшие художественные произведения русских классиков и советских писателей переводились на белорусский язык. Произведения народных поэтов республики Янки Купалы, Якуба Коласа и младшего поколения поэтов и прозаиков печатались на русском языке в Москве.

Москва по-братски, с исключительной теплотой встречала белорусских литераторов, артистов, новаторов промышленности

и сельского хозяйства. Представители белорусского народа вместе с представителями всех братских народов необъятного Советского Союза обсуждали и утверждали на Чрезвычайном VIII съезде Советов проект новой Конституции Советского государства.

Великие преобразования совершались не только в городах. В районах проводились гигантские по своему размаху мелиоративные работы. Весь белорусский народ двинулся в наступление на вековечную трясину. Мощные драги и экскаваторы день и ночь выпрямляли и углубляли русла полесских рек, тысячи тракторов поднимали жирную торфяную целину.

Родная Коммунистическая партия и правительство все в большей степени обеспечивали сельское хозяйство тракторами, комбайнами, сложными молотилками, сеялками, автомашинами. Из Москвы и Харькова, из Сталинграда и с Урала шли в Белоруссию эшелоны с сельскохозяйственными машинами и минеральными удобрениями. Колхозники отвечали на заботу партии и правительства вдохновенным и высокопродуктивным трудом.

Помню, в начале лета 1941 года я выехал в полесские районы Минской области. Побывал в Слуцке, Любани, Старобине. Наведался в совхоз «Жалы» на Любанщине. Что такое «Жалы» в недалеком прошлом? Это непролазные болота, трясина, комары. Здесь не ступала человеческая нога. А теперь это золотое дно. Колосистая пшеница стояла стеной, рожь — в рост человека. До революции люди в этих местах не ели хлеба досыта, ходили в лаптях. Повальные болезни и нищета были их уделом. Теперь же в совхозе «Жалы» и в соседних колхозах жизнь расцвела на диво. К кому ни зайдешь, с кем ни поговоришь — видишь веселые, приветливые взгляды, слышишь бодрую речь. Живет человек в новом доме, всего у него вдоволь, дети учатся в средних школах, техникумах, институтах. В селах клубы, избы-читальни, кино, лечебные учреждения. Колхозник по одежде и по всему виду похож на горожанина. Как будто никогда и не было забитого, придавленного горем Полещука!

Поехал на Червонное озеро. Здесь сходятся болотистые и лесистые границы трех районов. И деревни здесь называются по-особенному: Забродье, Ужадье, Замошье, Подлозье, Мокрый Бор, Вязники.

Побывал я в этих деревнях и еще раз убедился, что давным-давно устарели эти названия, не к лицу они нашим колхозам. Всюду грохот машин — колхозники осушают и осваивают вековечные трясины. Подлозцы, забродцы, ужадцы стали

хозяевами плодородных земель, мастерами высоких урожаев.

Ехал я тогда и думал: какие чудесные перспективы открыты перед каждым районом нашей области, какие здесь возможности для развития сельского хозяйства и промышленности! Что за люди-герои у нас!

Новые планы вырисовывались передо мной, новые задачи.

В Минск возвратился часов в десять вечера. Вскоре собралось бюро обкома. Мы обсуждали текущие вопросы строительства, полевых работ и поздно засиделись.

Летом я жил за городом в трех километрах от Минска. Приехав домой, прилег на кушетку, взял в руки газету и незаметно уснул.

Вдруг в квартире зазвонил телефон. Казалось, минуты не прошло, как я прилег: кто же мог звонить так рано?

Я вскочил и взял трубку. Говорил товарищ Авхимович, секретарь ЦК КП(б)Б, — меня вызывали в Центральный Комитет.

Шофер еще не спал.

— Поедем, Юзик, — полушепотом сказал я. — Иди разворачивай машину.

Потом вернулся к себе, взял свою папку и тихонько, чтобы не разбудить семью, вышел из квартиры.

По дороге я старался понять причину внезапного вызова. Что случилось, какие это необычайно срочные дела в ЦК?

Шофер, видимо, тоже был удивлен, хоть разное случалось за время его долгой работы в обкоме. Он изредка взглядывал на меня, должно быть, в надежде услышать что-нибудь, но не дождавшись, заметил:

— Наверно, что-нибудь важное, очень срочное…

— Не знаю, брат, — откровенно признался я. — Ничего не знаю…

Подъехали к зданию ЦК. Я зашел в Приемную первого секретаря. Там уже были члены бюро ЦК, руководящие работники Совнаркома, обкома партии. Мне сразу бросились в глаза сумрачно-суровые, озабоченные лица. Никто не сидел на месте: одни стояли, а другие молча ходили по комнате в каком-то напряженном ожидании.

Вышел товарищ Пономаренко. Он поздоровался и спокойным, ровным, как всегда, голосом пригласил в кабинет. Мы вошли и, как обычно, разместились по обеим сторонам стола.

— Получено официальное сообщение, — сказал товарищ Пономаренко. — Фашистская Германия напала на нашу Родину. Враг не объявлял войны. Он напал на нас по-воровски. Наши пограничники ведут тяжелые бои, мужественно отстаивают свои рубежи. Необходимо сейчас же бросить все на помощь фронту. На

нас возлагается большая, еще, может быть, небывалая в истории задача.

Тут же был принят план помощи войсковым частям и соединениям. В пограничные области и районы были направлены члены бюро Центрального Комитета партии и члены правительства с ответственными и срочными поручениями. В республике вводилось военное положение. Были определены мероприятия по проведению мобилизации призывных контингентов. Перед партийными, советскими организациями ставилась задача обеспечить бесперебойную работу транспорта, органов связи. Особое внимание уделялось вопросам защиты гражданского населения. Были приняты решения об укреплении службы противовоздушной обороны, об оборудовании в городах бомбо- и газоубежищ, об усилении охраны промышленных объектов, транспортных узлов, средств связи. Партийной организации Минска, областным и районным организациям было рекомендовано провести в центрах собрания партийного актива, а на фабриках и заводах, в колхозах, учреждениях — митинги.

Это было первое заседание бюро ЦК КП(б)Б и правительства нашей республики в условиях Великой Отечественной войны.

II

Зная, что впереди ждет меня большая и напряженная работа, я воспользовался свободной минутой и позвонил домой. В трубке послышался тревожный голос жены. Видно, в семье уже знали о войне.

— Что произошло? Когда ты приедешь? Что нам делать?

Никогда я еще не слышал такой взволнованности и тревоги в голосе дорогого мне человека. Каждый из нас обычно знал, что ему нужно делать сегодня, завтра, послезавтра. И вдруг война!.. И так в каждой семье, в сотнях семей!.. Война, развязанная черной фашистской ордой, взволновала, потрясла каждого советского человека. А в эту минуту, сдерживая бешеный натиск вражеских танков, насмерть стояли наши пограничники у Бреста и Перемышля, на Нарове и Сане. Героические воины Брестской крепости встретили фашистскую свору уничтожающим огнем. Своей неслыханной отвагой, самоотверженной стойкостью они парализовали механизированные части врага, задержали их. Тысячи лучших сынов Родины, жертвуя жизнью, самоотверженно защищали свою дорогую Отчизну на всех участках фронта!

— Сегодня я, видимо, не смогу приехать, — стараясь казаться как можно более спокойным, ответил я. — Сама понимаешь, что началось… Сейчас мы выезжаем на фабрики и заводы…

Наступило тяжелое и суровое время. С первых дней войны вражеские самолеты уже висели над городом, а в последующие дни тучи фашистских бомбардировщиков то и дело налетали на Минск, уничтожая мирное население, разрушая дома и заводы, культурные учреждения. Над городом шли тяжелые воздушные бои. Наши бесстрашные соколы проявляли чудеса героизма и отваги. Часто советские летчики бросались в бой один против пяти, а то и более вражеских самолетов.

Исключительную отвагу и мужество проявил в боях под Минском летчик Василий Коккинаки, брат прославленного пилота Героя Советского Союза Владимира Коккинаки. Он вместе со своими боевыми друзьями вел небывалую героическую борьбу с фашистскими бомбардировщиками и сбил около десятка вражеских самолетов. Машина Василия Коккинаки была повреждена в бою. Несмотря на это, отважный летчик продолжал уничтожать врага метким огнем.

Василий Коккинаки погиб мужественной смертью героя.

Трудно не только описать, но даже представить ту самоотверженность, с которой солдаты и командиры Красной Армии защищали подступы к Минску.

Навсегда останется в памяти белорусского народа мужество бойцов краснознаменной дивизии под командованием генерала Русиянова Ивана Никитовича: При поддержке других воинских частей и минского народного ополчения дивизия несколько суток сдерживала бешеный натиск полчищ Гудериана.

Перед коммунистами Минска и области встала ответственная и очень сложная задача. Нужно было немедленно принимать меры к спасению людей, материальных ценностей, защищать и охранять город.

Охранять от многих опасностей: от воздушных налетов и вражеских десантников, шпионов и диверсантов, сигнальщиков и поджигателей. А главное — не допустить паники, неорганизованности.

Большевики возглавили и повели за собой всех трудящихся. Минчан не испугали ни бешеные бомбардировки, ни другие трудности и испытания. Рабочие не отходили от своих станков. Город по-прежнему обеспечивался электроэнергией, водой. Железнодорожники мужественно и самоотверженно поддерживали порядок на транспорте и бесперебойно подавали эшелоны фронту. Часто бывало так, что враг повредит пути, а через какой-нибудь час снова идут наши поезда.

Люди бесстрашно боролись с пожарами, дежурили на улицах, крышах зданий, возводили укрепления на окраинах. Дружины самообороны несли боевую службу на подступах к городу. Трудящиеся Минска и районов области помогали родной Красной Армии всем, чем могли. Тысячи патриотов записывались добровольцами и шли на фронт.

Когда гитлеровские полчища стали угрожать Минску, возникла необходимость эвакуации населения, главным образом детей и стариков. Надо было своевременно вывезти промышленное оборудование, запасы зерна, технику МТС. Все это делалось в тяжелых прифронтовых условиях: враг подходил к Минску, все кругом горело и превращалось в руины от фашистских бомб и снарядов.

Минчане показали себя истинными патриотами Родины, проявили неслыханное мужество и выдержку. В эти дни мне пришлось побывать на Станкостроительном заводе имени Кирова. До сих пор ясно помню эту ужасную картину: вокруг сплошное пламя, цехи наполовину разрушены — казалось, что здесь уже нет ни одной живой души. На самом деле почти весь заводской коллектив был на месте: люди работали, обливаясь потом и кровью. Трудно было поверить, что всего за двое суток они демонтировали почти все оборудование, упаковали его и отгрузили. Рабочие, измученные, почерневшие от усталости,

разбирали и упаковывали сложные, дорогостоящие станки. Над заводом идет воздушный бой, а люди поглядывают на небо через разбитую крышу и продолжают свое дело. Казалось, забыли они об опасности, о своей крайней усталости и даже о своих ранах.

Я видел, как один пожилой мужчина взвалил себе на плечи такую тяжесть, которую при обычных условиях он не сдвинул бы с места. Я подошел к нему, хотел помочь, а он замахал на меня рукой и вытащил груз из цеха.

Позднее от секретаря партийной организаций я узнал, что это был Иван Петрович Липницкий — начальник кузнечного цеха.

Происходило все это на четвертый день войны. Враг, натолкнувшись под Минском на серьезное сопротивление, ринулся в обход города. Парторг и директор завода утром собрали коммунистов, передовых людей завода.

«Можно ли успеть все вывезти?» — вот главный вопрос, стоявший на этом коротком совещании.

Решили принять все меры к тому, чтобы полностью эвакуировать заводское оборудование, а то, что останется, закопать.

От имени бюро обкома я поддержал это решение коллектива.

Так поступали и на других предприятиях столицы. То, что нельзя было вывезти, прятали: только бы не досталось врагу.

Минск пылал. Море огня бушевало на Советской и на других улицах. Уже не одни сутки население работало без сна и отдыха. Когда стало невозможно оставаться в центре города, обком партии переместился на окраину и оттуда продолжал руководить оперативными делами и борьбой с врагом.

Обком держал тесную связь с районами области и готовил кадры для партийного подполья. Бюро областного комитета КП(б)Б провело совещание секретарей райкомов. На случай оккупации надо было своевременно подготовить партийные организации к переходу на нелегальное положение, создать повсюду дружины самообороны, отряды по борьбе с вражескими десантами, команды противовоздушной обороны. На места направлены уполномоченные члены бюро областного комитета партии, члены исполкома областного Совета. Секретарю обкома партии Иосифу Александровичу Бельскому поручили обеспечить оперативное руководство всеми делами в Борисове — втором после Минска промышленном центре области. Секретарь обкома партии Иван Денисович Варвашеня выехал в Старые Дороги и Слуцк. Прокурора области Алексея Георгиевича Бондаря направили в Смолевичский и Червенский районы. Член бюро Роман Наумович Мачульский работал первым секретарем Плещеничского райкома. Ему поручили обеспечить руководство

своим и соседним Логойским районами. Секретарь Руденского райкома партии Николай Прокофьевич Покровский, тоже член бюро обкома, должен был руководить своим и Пуховичским районами.

Не прерывалась наша связь и с другими районами области. Повсюду готовились базы для партизанских отрядов, проводилась подготовка к созданию широкого партийно-комсомольского подполья. Я связался по телефону с Любанью, одним из отдаленных районов нашей области. Секретарь райкома партии товарищ Гулицкий уже был призван в Красную Армию. К телефону подошел председатель райисполкома, член бюро райкома Луферов.

— Ну, как себя чувствуете, Андрей Степанович? — спросил я.

— Держимся, — ответил Луферов. — Организуем самооборону, возводим укрепления, всех в районе привели в боевую готовность.

— А со здоровьем как?

Мы все знали, что Андрей Степанович часто жаловался на свое здоровье, да и годы его были немолодые.

— Испугалась моя болезнь войны, — шутливо ответил Андрей Степанович, — отскочила от меня к фашистам.

— Какие у вас планы на дальнейшее?

— Насчет чего?

— Да вот насчет вашего места в случае оккупации района?

— Я думаю, что этого не будет, — ответил Луферов.

— Все делается для того, — заметил я, — чтоб этого не было, однако надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

— Куда пошлют, там и буду, — твердо ответил Луферов.

— Готовьтесь к тому, чтобы остаться на месте, — предупредил я. — Подберите проверенных, честных людей, способных работать в сложных условиях. Определите явки на периферии. У вас найдутся надежные помощники?

— Есть такие, — уверенно ответил Андрей Степанович, и из этого я заключил, что в районе идет активная подготовка к подпольной работе.

За короткое время мне удалось переговорить и с другими руководителями райкомов и райисполкомов области.

К вечеру 26 июня в Минске уже мало кто оставался: все организации и учреждения выехали, мужчины, годные к военной службе, ушли на фронт, большинство же гражданского населения было направлено на восток по Московской и Могилевской магистралям. Все, что можно было спасти за такое короткое время, было спасено.

Областному комитету КП(б)Б также нужно было выезжать из

города: враг уже прорвался к северным окраинам столицы. На последнем заседании бюро решили перевести обком восточнее Минска — в районный центр Червень. Партийные организации Дзержинского, Заславского, Минского районов, а также города Минска в случае оккупации должны были уйти в подполье.

Страшную картину представляла собой наша столица. Вместо заводов — дымящиеся развалины. Советской улицы почти не было. Мостовая сплошь завалена грудами кирпича, покореженными огнем железными балками. Проехать по улице было уже нельзя. Вокруг пламя и черные столбы дыма. И, несмотря на это, я все же не мог представить себе, что, может быть, завтра-послезавтра проклятый враг будет ходить по улицам родного города, будет хозяйничать здесь. Где-то в глубине души жила уверенность, что этого никогда не будет.

У меня давно уже созрел план — не выезжать из своей области. Было у нас, членов бюро обкома, немало разговоров об этом. Все мы, если не считать одного-двух человек, готовились остаться в тылу врага. Спустя некоторое время были получены подробные указания Центрального Комитета КП(б)Б о порядке работы подпольной организации Минской области.

В ночь с 26 на 27 июня мы выехали в Червенский район.

Я немного отставал от обкома — заехал в Замчище. Надо было узнать, что там теперь с моей семьей, забрать ее, если застану, и помочь выехать на восток. После того как меня вызвали в ЦК, я не имел возможности заглянуть домой.

…Я выскочил из машины и побежал в свою квартиру. Никого из семьи уже не было дома. Осиротевшие комнаты произвели впечатление какой-то жуткой пустоты и беспорядка, хотя в квартире было чисто и все домашние вещи стояли на своих местах.

Где же семья? И спросить не у кого. Шофер Войтик побежал к соседям, но нигде никого не нашел. Каждая минута была дорога, долго здесь задерживаться нельзя, грохот битвы перемещался уже в самый город. Мы решили ехать немедля.

Поселок пуст, и только при выезде из него нам встретился старик — местный житель. Он, должно быть, только один тут и остался. Мы обрадовались — вылезли из машины и набросились на старика с расспросами. А он хоть бы слово! Наконец показывает на уши и на язык: мол, ничего не слышу и не говорю — глухонемой.

— Он слышит, — шепчет мне на ухо Юзик. — И говорит, я его знаю, не раз видел. Это он прикинулся глухонемым.

Шоферу удалось убедить старика, что мы свои. И он заговорил.

— Я ночью плохо вижу, а голосов ваших не знаю. Вот и подумал — подальше от греха: лучше молчать.

Старик сказал, что мои домашние вчера куда-то ушли, а куда — он не знает.

— Будто все пошли в сторону Червенского тракта, — сочувственно объяснил он. — Так, может, и она, семья ваша, подалась туда. Они, может, еще и не ушли бы из дому пока что, но тут ходят слухи, что недалеко спустились фашистские парашютисты.

Поблагодарив старика, мы поехали в Червень.

III

По обеим сторонам шоссе по направлению к Могилеву тянулись огромные толпы людей, а в другую сторону — к Минску, пешком и на машинах двигались военные. У бойцов и командиров был решительный и взволнованный вид, гражданское же население было хмурым и молчаливым. Люди время от времени оборачивались, с болью в душе смотрели на видневшийся вдали Минск и молча шли дальше. Да и мы до самого Червеня часто оглядывались в сторону пылавшей столицы.

В Червене нас встретил второй секретарь райкома товарищ Чесский и проводил в лес, к условленному месту. Там уже были сотрудники райкома и работники обкома партии.

Прошелся я по лесу, посмотрел, а потом и говорю своим:

— Неплохое место для работы подпольного обкома. Давайте устраиваться и действовать!

Наступал новый период партийной работы. Кроме эвакуации населения и имущества, пора было подумать об организации активного сопротивления в тылу врага, о развертывании партизанской борьбы. Ряд наших районов: Дзержинский, Заславский, Минский, Руденский — уже был оккупирован, и партийные организации оказались там в очень сложных условиях. Из сообщений, которые мы получили от уполномоченных обкома и связных, нам стало известно, что оккупанты, захватив город или деревню, уничтожали много людей. Цель фашистских зверств — запугать население, ослабить его волю к борьбе против захватчиков. Бюро обкома обратилось с призывом к населению оккупированных городов и сел — не склонять головы, не отчаиваться, а вести решительную борьбу с оккупантами.

Кое-кто из областных работников, в частности Свинцов и Бастуй, были недовольны местом, выбранным нами для Минского подпольного обкома. Свинцов недоверчиво взглянул на меня и пренебрежительно заметил:

— Что это за лес, здесь и зайцу негде спрятаться!

— Так мы же не зайцы! — иронически откликнулся Варвашеня. — Нам прятаться здесь и не очень нужно: сегодня в одном месте, завтра в другом.

— Окружат, — опасливо сказал Свинцов, — тогда попробуй выбраться в свой тыл.

— А зачем выбираться? — спокойно промолвил Бельский. — Будем бороться в тылу врага.

Свинцов вздрогнул и испуганно заморгал.

Наверное, мы и остались бы на Червенщине, но вскоре обком

получил распоряжение ЦК КП(б)Б: переменить местонахождение, а секретарям обкома срочно выехать в район Могилева. Надо было немедленно пробираться в назначенное место, а это было нелегко. Днем вражеские самолеты висели над Могилевским шоссе, а ночью трудно было проехать без фар: по шоссе без конца двигались воинские соединения.

По дороге в Могилев мне случайно удалось найти свою семью.

Вражеские самолеты беспрерывно бомбили шоссе, по которому шли наши машины. В одном месте мы свернули в лесок. Пока шоферы подливали воду в радиаторы, а мы наспех приводили в порядок свои пожитки, вокруг машины собралась большая группа мужчин.

Здесь были молодые люди призывного возраста, были и пожилые.

— Вы случайно не из военкомата? — обратился загорелый худощавый мужчина с седыми висками к Бельскому, который был в военной форме.

— Нет, — ответил Бельский, — мы из обкома партии.

— А вы не знаете, где найти военкомат? Из западной области идем, в своем районе не успели призваться.

— А какого вы района?

— Несвижского. Хотелось бы стать бойцами, с фашистской нечистью повоевать.

— Да вы уже не так молоды, — сказал Бельский, — вас в армию не возьмут.

Человеку и в самом деле было уже лет под пятьдесят. Услышав от Бельского такой ответ, он обиделся и начал горячо доказывать, что он еще может воевать.

— А если я добровольцем хочу записаться? — по-военному подтянувшись, говорил он. — Почему меня не возьмут? Разве меня обучать надо раз, два, три? Обучен в империалистическую и гражданскую… Оружие в руки — и марш! А нашу русскую трехлинейную винтовку хорошо знаю. Когда-то снайпером был.

— Таких возьмут, — поддержал его кто-то из толпы. — Вот мы тоже в годах, но еще в силе.

А мужчины тем временем все подходили и подходили.

— Покажите ваши документы, — попросил Бельский человека, который первым заговорил с ним.

Затем Иосиф Александрович написал адрес ближайшего военкомата и передал ему. Тот сердечно поблагодарил, и все они дружно двинулись в райвоенкомат.

Возле Могилева я надолго разлучился со своей семьей. Кто не знает этих тяжелых минут расставания, кто не пережил их во

время войны?

В Могилеве шла деятельная подготовка к решительному отпору врагу. Город обрастал различными оборонными сооружениями и превращался в крепость. Происходила перегруппировка войсковых частей, формировалось народное ополчение. Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов, выполняя задание Центрального Комитета партии, организовал борьбу на фронте. Сдерживая и обессиливая гитлеровские войска, наши части под руководством Климента Ефремовича наносили врагу мощные контрудары. Жестокие бои шли днем и ночью. Фашистские захватчики, ворвавшиеся в Жлобин и Рогачев, были выбиты оттуда и отброшены на запад.

Здесь, в Могилеве, развернул свою деятельность Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, который при непосредственном участии товарища Ворошилова проводил формирование и инструктаж партизанских отрядов и диверсионных групп для отправки в тыл противника. Подбирались организаторы партизанского движения.

Минскому обкому было приказано выехать в район Березино, а меня со специальным заданием направили в Быхов. Поэтому в Березино я приехал почти на неделю позже. Здесь уже шли бои, наши части по-прежнему самоотверженно сдерживали врага. Непоколебимо стояли отряды, сформированные из работников МГБ. Командовал этими отрядами Артем Евгеньевич Василевский — начальник Минского областного управления МГБ. Боевую группу пограничников возглавлял Богданов. Здесь же находились наши артиллерийские и танковые части. Эти боевые группы ценою больших жертв задержали врага и дали возможность нашим основным силам переправиться через реку Березину.

Я не сразу нашел своих минчан. Кроме секретарей обкома и работников аппарата, здесь были многие служащие облисполкома и других областных организаций. Мы включились в военную работу: строили укрепления, организовывали самооборону, обеспечивали войска транспортом, боеприпасами, продуктами.

Утро 3 июля останется в моей памяти на всю жизнь. Наши части переправлялись через реку и на левом берегу сооружали оборону. Вражеская авиация беспрерывно налетала на переправы, на земле, казалось, живого места не было. Все вокруг гудело, дрожало от взрывов. И вдруг в городском поселке Березино из пробитого пулей рупора, висевшего на телеграфном столбе, послышался голос. Все, кто был поблизости, притихли. Голос был всем знакомый — говорил Сталин. Но как могло заговорить радио? Местных жителей в поселке как будто нигде не было видно, а у бойцов вряд ли было время для исправления

аппаратуры в радиоузле. И все-таки чья-то заботливая рука сделала это. Человек, наверно, рисковал жизнью. В поселке не было клочка земли, на котором не разрывались бы вражеские бомбы и снаряды. Радиоузел стоял на главной улице, и снаряды ложились здесь один возле другого. Но тот, кто наладил работу радиоузла, видимо, не обращал внимания на разрывы снарядов, на приближение врага. Ему хотелось, чтобы здесь, на этом ответственнейшем участке фронта, хоть на минуту, хоть на мгновение услышать голос из Москвы. Он чувствовал душой и сердцем, что будет значить этот голос для наших воинов и всех, кто находился в поселке.

Вокруг рупора стали собираться люди: военные и штатские. Тихонько подходили, ложились где-нибудь под деревом или возле стены и жадно ловили каждое слово. Над головой время от времени гудели бомбардировщики, истребители… На берегу реки и в реке часто разрывались снаряды, поднимая темные столбы песка и воды. Но люди слышали только слова из репродуктора, никто не обращал внимания на смертоносный грохот.

Я прилег у бугорка, заросшего густой травой. Над головой изредка посвистывали пули, но я не мог покинуть это место, пока из рупора доносился голос родной Москвы. Незнакомый мне худощавый человек теплым, понимающим взглядом посмотрел на меня; он напряженно слушал, приподняв голову. Видно было, что человек этот туговат на ухо. Его глаза светились непоколебимой решимостью, и весь он, казалось, был проникнут только одним желанием — услышать и запомнить все до единого слова.

Справа и слева от нас стремительно перебегали бойцы последней заставы. Они с разгона припадали к земле — в борозду или в густую зелень давно не полотых огородов — и, передохнув минуту, бежали к реке.

— Танки фашистские, — сказал стрелок, прилегший рядом с нами. — Надо скорей переправиться.

Его слова почему-то не вызвали страха ни у меня, ни у моего соседа. Только сознание суровой необходимости заставило нас покинуть свои места. Оставалась, возможно, одна последняя минута, и надо спешить.

— Все силы народа — на разгром врага! — донеслись слова из рупора.

Вслед за стрелком мы добежали до прибрежного лозняка.

Человек, который вместе со мной слушал радио, раздвинул молодую поросль, ступил на песок. Стрелок уже собирался броситься вплавь.

— Пойдемте со мной! — тоном приказания сказал он и посмотрел сначала на бойца, потом на меня. — Нечего лезть в

воду с винтовкой и патронами, тут у меня где-то должна быть лодчонка… Правда, она на одного человека рассчитана, но то в мирное время, а теперь переедете и вдвоем, река наша добрая и ласковая для своих людей.

— А вы разве не с нами? — удивленно спросил боец.

— Я-то, известно, с вами, — горько усмехнувшись, ответил человек, — но пока что останусь здесь. Останусь, погляжу на него, проклятого, посмотрю, насколько он изменился с восемнадцатого года и какой величины дубина нужна, чтобы бить его.

Я крепко пожал руку моему случайному соседу и на прощание сказал:

— Поверьте моему слову: мы тоже далеко отсюда не уйдем, мы будем с вами!

IV

В первой половине июля 1941 года в области оставались частично неоккупированными Старобинский, Любанский и Стародорожский районы.

Через несколько дней из Березино мы переехали сперва в Мозырь, а потом — в полесскую часть своей области, откуда должны были осуществлять руководство районами.

Из Мозыря я связался по телефону с секретарями ЦК КП(б)Б. Они подробно расспрашивали, как мы подготовлены для работы в подполье, как чувствуем себя, и подтвердили данные ранее указания.

— Желаем вам счастья и успехов, — сказали на прощание товарищи. — Центральный Комитет Коммунистической партии поручает вам выполнение очень ответственной задачи. Помните, что каждый ваш шаг должен быть всесторонне и глубоко продуман.

Мы выехали в районы. Кроме секретарей обкома, с нами поехали Роман Наумович Мачульский, Алексей Георгиевич Бондарь и секретарь Слуцкого райкома партии Александра Игнатьевна Степанова. Мы пока что передвигались на машинах, а потом, когда это стало невозможным, пошли пешком. Все стремились скорее прибыть на место. Обстановка менялась с каждой минутой. Там, где сегодня не было врага, завтра он мог быть. Мы не могли и не имели права медлить; чем быстрее начнем подпольную работу, тем больше шансов на успех.

Взяли направление на Калинковичи. Дальше через Азаричи предполагали пробраться глухими, не занятыми врагом проселками в Октябрьский и Любанский районы.

Навстречу нам двигались войска и техника — проехать было нелегко. Но шофер Войтик, должно быть предчувствуя, что ему скоро придется расстаться и с машиной и со своей профессией, проявлял чудеса мастерства. Он петлял между встречными машинами и подводами с быстротой птицы, иной раз машина становилась на ребро, однако нигде не сбавлял скорости. Со мной ехали Мачульский, Бондарь и Степанова.

— Ты, я вижу, и без войны переломаешь нам кости! — пошутил я.

— Машина должна выдержать, — громко ответил шофер, — а за себя ручаюсь.

Другая машина не отставала от нас. В ней были Варвашеня, Брагин, Бельский, Свинцов и Бастун.

На окраине Калинковичей остановились, чтобы разузнать

дорогу. Машины загнали в вишняк, а сами вышли, прилегли на траве и закурили. Я рассчитывал найти кого-нибудь из районных работников, посоветоваться и, может быть, взять проводника.

На низком пеньке недавно спиленной вишни сидел старик и хмуро поглядывал на большак. Ему было лет под семьдесят. Из-под рыжей, выгоревшей на солнце кепки на тонкую жилистую шею свисали пряди седых волос. Глаза маленькие и прищуренные.

Почуяв дымок от наших папирос, старик подсел ближе к нам, вынул трубку, а потом уж поздоровался. Вид у него был спокойный, даже как будто ко всему безразличный. Можно было подумать, что его не интересовало, кто мы, откуда и куда едем. Вишняк был во многих местах поломан, трава примята — видно, не проходило и часу без того, чтобы здесь не останавливались машины.

— Нет ли у вас огонька, товарищи начальники? — ровным, независимым голосом спросил старик. На слове «начальники» он намеренно сделал ударение.

Бондарь вынул спички, придвинулся ближе к старику, чтобы дать прикурить, и увидел, что в трубке нет табака. Это его рассмешило. Забавно было, что старик так по-ребячьи схитрил.

— Что ж ты, отец, пустую трубку, подсовываешь? — сквозь смех спросил Алексей Георгиевич.

— А я табак не ношу с собой! — беззаботно ответил старик. — Все ваш брат угощает, идет тут и идет, днем и ночью… Мой вишняк, а ваша махорка…

Бондарь насыпал ему в трубку табаку и дал прикурить. Старик с нескрываемым удовольствием затянулся, а потом закашлялся.

— Ничего себе, крепкая! — похвалил он. — Эта, пожалуй, будет крепче той, что я давеча курил. Те пешком шли, рядовые, видно.

Старик помолчал, еще раз затянулся и, пуская из-под усов дым, промолвил:

— Едете, значит, подаетесь?

— Да, едем, — в тон старику ответил я.

— И значки уж, выходит, повыковыривали…

— У нас не было значков, мы не военные.

Старик поднял на меня остренькую бородку с загнутым вверх концом.

— Не военные? А какие же вы?

— Мы люди здешние, — сказал я.

— Здешние?.. — как бы про себя повторил он. Через некоторое время произнес еще раз: — Здешние… — И вдруг,

волнуясь, с обидой в голосе сказал: — А подаетесь небось туда, — он показал рукой на восток. — Туда, куда и все… некоторые…

— Нет, мы едем туда, — заметил я и показал на запад.

Старик был озадачен.

— Куда это туда, к фашистам? Там же фашисты!

— Мы знаем, что там фашисты, — сказал Мачульский. — Вот и будем бить врага в спину!

Старик улыбнулся, удовлетворенный нашим ответом. Я подумал, что такое известие вызовет у него уважение к незнакомым собеседникам. Однако вскоре дед снова начал не без ехидства посмеиваться и подтрунивать над нами.

— В тыл, значит?.. — не спеша оглядывая нас, говорил он. — Знаю, что такое тыл у врага, испытал когда-то. Еще вместе с Талашом воевали… Только ходили мы тогда пешком, автомобиля у нас не было. Вот я думаю, в тыл врага едете, а партизанить на машине собираетесь. — Он показал трубкой, зажатой в руке, на блестящие сапоги Свинцова. — Машина засядет в болоте, так неприятно будет вылезать в таких сапожках.

Мачульский усмехнулся.

— Как кому, дедуля, а нам ничего не страшно.

Мы смеялись, но каждый из нас понимал, что в словах старика много правды, и нам надобно бы сделать вывод из метких замечании бывшего партизана. И в самом деле, что у нас за одежда? Я в чем работал в обкоме, в том и поехал. В такие же полувоенные костюмы защитного цвета были одеты и мой товарищи. Для подполья такая одежда явно не подходила. Но где взять другую?

На наше счастье, в Калинковичах мы встретили знакомого директора леспромхоза. У него на складе оказалось несколько комплектов спецовок для лесорубов. Вскоре в машинах сидели уже не руководящие областные работники, а «обыкновенные лесорубы».

Надо было немедленно пробираться вперед. Конечно, в этом было немало риска, но я был уверен, что мы проскочим.

Подробно расспросив, как лучше проехать, двинулись в Октябрьский район. Ехали с большой осторожностью. Жители придорожных деревень ручались только за свою деревню и редко за соседнюю. Немецких войск, может быть, и не было близко, но люди были в какой-то мере сбиты с толку вражескими парашютистами.

Вскоре нам сообщили, что в центр Октябрьского района, в Карпиловку, вчера наведывались вражеские мотоциклисты. Это означало, что враг где-то близко, что надо быть еще более осторожными. Решили остановиться в деревне, расположенной

возле леса, и узнать, что происходит в районном центре. Пошли к людям, начали расспрашивать. Известия были разные. Одни говорили, что фашисты уже в Карпиловке, другие — что только разведка туда заглядывала, а третьи — что никто фашиста там и в глаза не видал.

Надо было нащупывать дорогу самим. Мне хотелось сделать это как можно скорее, медлить в такое время было бы преступно. Все со мной согласились, за исключением Свинцова и Бастуна. Эти двое заняли какую-то двусмысленную, уклончивую позицию. Видно было, что они боятся ехать дальше, но сказать об этом открыто не могут. Начали вдруг рассуждать об излишней рискованности и нереальности наших планов.

— Вы боитесь? — спросил я напрямик.

Свинцов изменился в лице, руки у него задрожали.

Некоторое время он молчал, потом, переглянувшись с Бастуном, сказал:

— Хоть и не боимся, а дальше не поедем. Останемся здесь, осмотримся, разузнаем и тогда решим, что делать.

Мы напомнили им о партийной дисциплине, об обязанности коммуниста и руководящего работника. Однако же видели, что эти люди будут не только мешать, но и вредить партизанскому движению, и решили исключить их из нашей подпольной группы.

Наше решение их не очень взволновало. И мы еще раз убедились, что поступили правильно.

Этот прискорбный факт подсказал, что в условиях подполья мы должны особенно внимательно приглядываться к людям и лучше подбирать кадры.

Мы были уверены, что, как только доберемся до своих районов, найдем там людей хороших, честных, настоящих патриотов, которые будут самоотверженно бороться с фашистскими захватчиками.

В Карпиловку приехали уже без Свинцова и Бастуна. Гитлеровцев здесь не было. Поблизости, на железнодорожной ветке, стояли бронепоезда и сдерживали вражескую группировку, которая пыталась прорваться на Домановичи. Наши пехотные части вели бои. Положение бойцов было тяжелым. Силы были неравные, боеприпасы кончались, но люди боролись до последнего патрона.

Я зашел в райком. Здесь был только уполномоченный Полесского обкома партии, второй секретарь обкома Языкович Федор Михайлович. Увидев меня, он удивился и очень обрадовался.

— Как ты сюда попал? — тормоша меня за плечи, спрашивал он.

— А ты зачем здесь? — перебил я его встречным вопросом.

Языкович коротко поведал о своих военных делах. Он приехал сюда по заданию обкома. Возводил укрепления, организовывал самооборону, а теперь занялся ранеными и не может оставить их, хотя два дня тому назад получил распоряжение вернуться в Мозырь.

А где же Тихон Бумажков? — спросил я.

— Где-то там, — ответил Языкович и показал в ту сторону, откуда доносились частые, сотрясавшие землю разрывы. — Его давно здесь не было. Когда немцы подходили, он закрыл свой кабинет и с тех пор не показывается. Командует истребительным батальоном. Вчера он и заместитель председателя райисполкома Павловский сожгли пятнадцать вражеских танков.

Тихона Бумажкова, первого секретаря Октябрьского райкома партии, я знал давно. Я рассчитывал на встречу с ним, возлагая на нее большие надежды. Бумажков, как местный житель и хорошо осведомленный человек, безусловно, помог бы нам. Но он включился в дело, и отрывать его не было смысла. В душе мы только порадовались, что наши истребительные отряды, уже теперь партизанские, так героически борются с лютым врагом.

Я попросил Языковича дать нам провожатого. Глусск был занят врагом, и на Любань надо пробираться самыми глухими дорогами. Языкович рекомендовал в проводники заведующего столовой райпотребсоюза, уроженца тех мест, куда мы ехали. Провожатый не только подробно обрисовал нам обстановку, но еще и накормил всех горячим обедом. Войтик так остался доволен обедом, что готов был целые сутки возить провожатого.

До деревни Заболотье Октябрьского района нас «сопровождал» фашистский истребитель. Он как насел на нас в начале дороги, так и не давал покоя до самой деревни.

V

Уже вечерело, когда мы въезжали в Заболотье. Деревня большая — центр сельсовета, не видно конца ровной широкой улице. Возле заборов густо кустился бурьян. Сразу видно, что теперь ничто не мешает расти на улице горчаку и всякому пустозелью: люди не ездят, скотина не ходит. Печальным запустением веяло от улицы, и это было так необычно! Бывало, заедешь в белорусскую деревню в эту пору — и сердце радуется! Конец летнего трудового дня всегда сопровождался веселыми песнями девчат, говором и шутками идущих с работы колхозников, грохотом машин, ржанием лошадей. И это в одну минуту вводило тебя в живой, светлый родной мир, кажется, и прижился бы здесь и считал бы великим счастьем завтра чуть свет выйти вместе с колхозниками в поле.

А сейчас тихо и безлюдно на деревенской улице. Даже легкая пыль не поднималась из-под колес машины. Горько пахло примятым колесами горчаком, будто ехали мы по давно высохшему и заброшенному лужку.

Прошло несколько минут, и вот на улице показался мальчик лет десяти. Он долго раздумывал, прежде чем подойти к машинам, но любопытство взяло верх.

— Подойди, сынок, не бойся, — сказала Степанова.

И мальчик, видно, сразу почувствовал материнскую ласку в ее голосе. В его живых голубых глазах засветилась слабая улыбка, и он смело подошел к нам.

— Как же тебя зовут, браток? — спросил Бондарь.

— Ляксей, — потянув носом, ответил мальчик.

— А, тезка, — засмеялся Алексей Георгиевич. — Будем знакомы, меня тоже зовут Алексеем. А сколько тебе лет?

— На троицу пошел одиннадцатый, — спокойно, доверчивым голосом ответил мальчик.

— В школу ходишь?

— Ходил, а теперь говорят, будто нашу школу закроют, потому что везде фашисты.

Мы вышли из машин и сели на скамейку у забора.

— А скажи, Алексей, — продолжал я разговор, — у вас фашисты были уже или нет?

— Вчера были, — ответил мальчик. — На мотоциклах приезжали. Крутились по улице часа два, кур ловили, искали чего-то. Один как шлепнется с чердака, голову до крови разбил. Забрали кур и куда-то уехали.

— А отец твой дома?

— Нет, нету, пошел в Красную Армию.

— Кто же у вас дома?

— Дед, я да мать.

— Сходи-ка, позови своего деда, скажи, что из Мозыря дяденьки приехали, хотят с ним поговорить.

— А что, в Мозыре тоже фашисты?

— Нет, там наши части.

— А кто вы такие? Дед, может, меня опросит, какие такие дяденьки.

Мы ответили и тут кстати вспомнили, что в машине у нас было немного конфет. Шофер дал мальчику несколько штук, и он побежал. И сейчас же возле машины появились мальчишки. Дали гостинцев и им. Было ясно, что вслед за детворой придут старшие — мальчишки служили разведкой для них. В это тревожное время люди по вечерам не показывались на улице — сидели по хатам. Теперь в деревне могли появиться скорее оккупанты, чем свои.

Мальчишки разбежались, и через некоторое время к нам подошли несколько стариков и женщин. Они поняли, что мы люди свои, и начали разговаривать более или менее доверчиво. О посещении деревни гитлеровцами они рассказывали совсем не так, как маленький Алексей. По словам Алексея, мотоциклисты только покрутились по улице и кое-где полазили. А на самом деле они жестоко допрашивали крестьян, угрожали им расстрелом, если они не выдадут коммунистов, сельских активистов и попавших в окружение красноармейцев, которые, может быть, прячутся в деревне. Ничего не добившись, гитлеровцы забрали с колхозной птицефермы всех кур и уехали.

Мы попросили позвать председателя сельсовета или кого-нибудь из местного актива. Несколько замявшись, крестьяне ответили, что председатель сельсовета у них есть, только они не знают, где он, ничего не известно им и об активистах. Вот разве только доктор. Он инвалид, воевать идти не может, от врага не прячется и, как раньше, сидит в своей больнице, лечит больных.

Одна из женщин пошла за доктором, и через несколько минут он подошел к нам. Это был еще не старый, высокий худощавый человек, хромой на левую ногу. Он поздоровался и назвал свою фамилию — Крук. В разговор вступил охотно, но только после того, как узнал, кто мы. На вопросы отвечал с достоинством, уверенно, без растерянности. Было видно, что он человек деловой, знает себе цену, и ему можно довериться. Из разговора выяснилось, что доктор Крук родом из Руденского района и очень беспокоится за судьбу своих близких, которые там остались.

Мы поручили ему собрать коммунистов, комсомольцев и деревенский актив. Вскоре пришли председатель сельсовета

Русаков, председатель колхоза Пакуш, ветеринарный врач Левкович. Пока подошли остальные, мы завязали с ними разговор. Интересно было знать, что люди думают, какие у них соображения и планы на будущее. Из беседы выяснилось, что люди здесь не сидят сложа руки. В Заболотье создана партизанская группа из семи человек под командованием Русакова и Пакуша. Группа готова к действию, только оружия маловато и нет ясности, конкретности в планах. Кто знает, с чего начинать, за что прежде всего ухватиться?

Один за другим подходили люди. Когда собралось человек сорок, мы рассказали об июльском выступлении Верховного Главнокомандующего, о решении ЦК КП(б)Б по развертыванию партизанского движения в Белоруссии. Это вызвало огромный интерес, но люди были чем-то не удовлетворены и ждали от нас чего-то еще. Мы не понимали.

Из толпы послышался взволнованный голос:

— Может, у вас эта газета есть?

— Есть, — ответил я, — да темно уже, нельзя прочитать.

— Так хоть покажите ее!

Я вынул «Правду», развернул и передал народу. Несколько рук бережно подхватили газету, все задвигались, плотнее сгрудились вокруг нас и почему-то начали говорить шепотом.

— Портрет Сталина!.. — взволнованно прошептала одна из женщин.

— Покажи, дай сюда… Прочитать бы хоть слово!..

И вдруг кто-то громко сказал:

— Чего тут шептаться! Пошли в сельсовет, зажжем огонь и почитаем!

В руках этого человека белым облачком мелькнула газета, он зашагал по улице, а за ним двинулась вся толпа.

Пошли в сельсовет и мы. У ворот остановились: пусть люди зажгут огонь, разместятся.

Вдруг из соседнего двора выскочили четыре вооруженных человека и быстро пошли к сельсовету. В темноте трудно определить, чем были вооружены эти люди, в руках они держали что-то похожее на винтовки. Двое стали возле сельсовета на улице, а двое пропали где-то в вишняке, с другой стороны дома.

Когда мы входили в сельсовет, вооруженный человек, стоявший ближе к нам, вытянулся и приветствовал нас по-военному.

— Ночная охрана, — объяснил он Мачульскому, когда тот остановился.

— Это хорошо, — ответил Роман Наумович, — только на виду стоять вам незачем!

В помещении вокруг лампы столпились люди.

— Дай-ка сюда, дай сюда, — к столу протиснулся Апанас Морозов — дед Алексея. Это был колхозный садовод и огородник, не по годам подвижной и неутомимый в работе человек. Он на ходу достал из-за пазухи старенькие, в тонкой железной оправе очки и протянул руку к газете. Надев очки, старик долго разглядывал буквы в заглавии речи.

Газету решили читать с начала и до конца. Старик передал ее молодому, чисто одетому человеку: это был учитель Анатолий Жулега.

— Можно, товарищ? — спросил он меня.

— Читайте, — ответил я.

И учитель начал читать.

Люди уселись на скамьях, стульях, а некоторые прямо на полу. Установилась тишина, только голос учителя, немного напоминающий голос одного из московских дикторов, ровно и выразительно звучал в помещении.

Прочитав все до последней строки, учитель обвел горящим взглядом присутствующих и стал бережно свертывать газету. Было похоже на то, что он не собирается возвращать этот номер «Правды».

— Подожди, подожди маленько, — снова заговорил дед Апанас, все еще с очками на носу. — Прочитай-ка еще разок, как там про партизан сказано, а главное — про хлеб и разное добро. Ни грамма хлеба врагу, ни капли горючего… Так будто?

Жулега развернул газету, пробежал глазами по строчкам и, разыскав нужные слова, утвердительно кивнул головой:

— В основном так.

— Правильно! — заключил старик.

— Ведь это и есть наша программа! — горячо зашептал мне в ухо председатель сельсовета. — Теперь ясно, за что браться, к чему руки приложить.

Через полчаса Жулега поехал разведывать для нас дорогу в совхоз «Жалы» и на Любань. Русаков, Крук, Пакуш и несколько комсомольцев уселись за стол и при свете лампы принялись переписывать материалы газеты. С нашего разрешения они разрезали текст на несколько частей и разделили его между переписчиками. Коммунисты правильно решили, что распространение и популяризация призыва партии — самый верный шаг к развертыванию партизанского движения.

По инициативе коммунистов, беспартийных передовых рабочих, колхозников и интеллигенции повсюду создавались подпольные патриотические группы. Они принимали по радио сводки Совинформбюро, переписывали их в десятках экземпляров

и распространяли среди населения.

Приведу один пример. Заведующий Задомлянской начальной школой Смолевичского района Александр Мрочик организовал в своей деревне подпольную патриотическую группу. Он установил радиоприемник в заброшенном колодце, каждый день слушал Москву и принимал сводки с фронта. Все сообщения и новости передавались народу.

В начале августа сорок первого года провокатор донес гитлеровцам о деятельности Мрочика. Ночью гестаповцы схватили его. Допрос шел больше недели. Мрочика пытали, угрожали смертью жены, детей и всех родственников. Ни слова не сказал фашистам мужественный советский человек. Гитлеровские разбойники, ничего не добившись, расстреляли Александра Мрочика в деревне Рудня Прилепского сельского Совета.

В ответ на зверства фашистов в Прилепском сельсовете патриоты организовали более десятка подпольных групп, создали организацию, которой руководила Олимпиада Бондарчук.

В ту ночь мы в Любань не выехали, дожидались возвращения Жулеги. Перед рассветом он подъехал к сельсовету. Добрый колхозный конь был весь в пене. Жулега рассказал, что проехал он до деревни Загалье Любанского района. Дорога свободна.

Мы вышли на улицу. У ворот стоял тот же часовой, что и вчера.

— Что ж ты не сменил парня? — спросил Мачульский Русакова.

— Ничего, — усмехаясь, ответил председатель, — этот вытянет и не подведет.

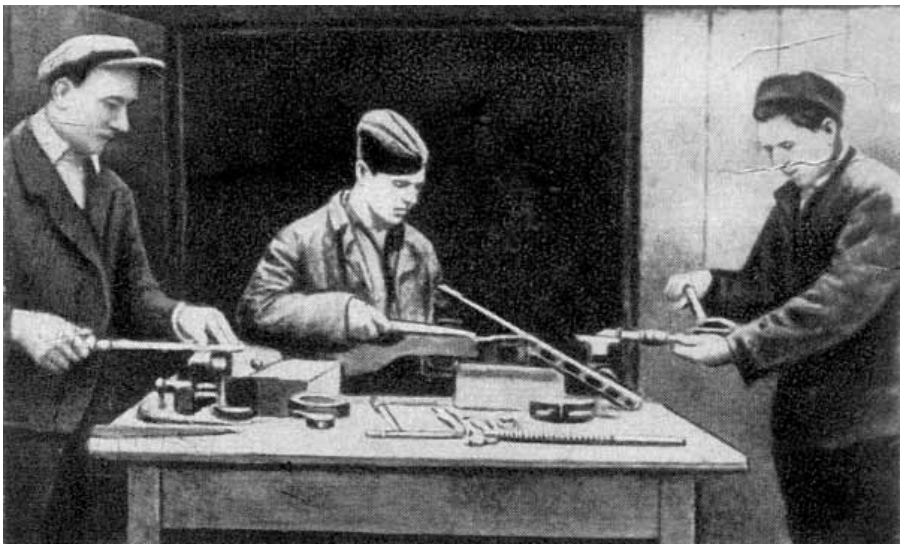
— Что, в армии был?

— Нет, он призывник, не успел мобилизоваться. Ну, да теперь и ему дело найдется.

Руководители партизанского движения в Белоруссии и работники газеты «Звязда».

Горят фашистские танки.

Партизанские землянки.



Партизанская оружейная мастерская.

Мне стало жалко оставлять этих славных людей. Если бы перед нами не стояла задача организации широкого партийного

подполья в каждом районе, можно бы остаться в Заболотье и отсюда развертывать партизанское движение. Но надо было ехать в Загалье. На нашем пути это была одна из первых крупных деревень Любанского района. В Загалье у меня были надежные люди: председатель сельсовета Степан Корнеев и председатель колхоза Григорий Плышевский.

Плышевского дома не застали, а Корнеева случайно встретил на улице Мачульский. Я был недалеко от них и слышал их разговор, похожий на какую-то странную игру;

— Фашисты были у вас? — спрашивал Мачульский.

— Кто-то был, — с простоватым, безразличным видом ответил Корнеев.

— И вы не разобрали кто?

— Не разобрал, ей-богу. Я на гумне как раз находился… Проехали по улице в железных шлемах, а кто — не узнал, пусть себе едут.

— Вот здорово! — засмеялся Мачульский. — Вам, значит, все равно, кто проехал — наши или чужие? Тут что-то не то… Видно, притворяешься ты, человече.

Вместо ответа Корнеев засмеялся, и нельзя было понять, что означал его смех.

— А где же ваш дом? — переменил тему беседы Роман Наумович.

— Далеко отсюда, — махнул Корнеев рукой. — В самом конце деревни. Вон, видите, молодая березка стоит. Она в моем огороде растет.

— Колхозник?

— А как же. Пастух колхозный. Овечек пас, пока были, а теперь вот скитаюсь. Овечек за Птичь люди погнали.

— Почему же не вы?

— Нашлось много охотников.

— Ну, а вам в армию надо бы идти, — окинув «пастуха» испытующим взглядом, сказал Мачульский.

— Что вы, това… гражданин, что вы говорите про армию? Я ж белобилетник. Рука у меня больная и правый глаз почти не видит, испорчен с малолетства… Вот отойдете вы на пять шагов я уже и не узнаю… По вечерам с палкой хожу, хоть и молодой еще.

Я понимал, что Корнеев маскируется, проверяет себя в роли подпольщика, но все у него выходило как-то нескладно и примитивно. Мне надоело слушать эти неудачные упражнения, и, не дождавшись, пока Мачульский сам во всем разберется, я вышел со двора.

— Здорово, Корнеев! — поздоровался я и пожал его руку. — Конспирация не такое легкое дело, как тебе кажется… Молодую

березку в конце деревни видишь, а уверяешь, что человека за пять шагов не можешь узнать.

Корнеев смутился. А я подумал, если бы теперь мне так же пришлось придумывать, может быть, еще хуже получилось бы. Не привыкли мы говорить неправду, это несвойственно нашей натуре. Мы, например, всем присвоили клички, но попробовали бы любого из нас назвать по кличке, никто бы не только не отозвался, а и ухом не повел.

— Добрый день, товарищ Козлов, — все еще растерянно заговорил Корнеев. — Значит, это вы приехали на машине. А я услыхал и решил пойти посмотреть, что за люди, откуда они. Такое время, что не знаешь, кого и ожидать: не успели наши выехать с одного конца улицы, фашисты въехали с другого. Фашисты уехали, снова откуда-то наши приехали. А может, и не наши, кто их тут разберет.

— Ну, это наш, — показал я на Мачульского. — Можешь от него не прятаться.

Мы отошли в укромное место.

— Оружие есть? — спросил я.

Корнеев озабоченно покачал головой.

— Есть, да не то, что надо: двустволки, берданки…

— Так надо искать, добывать.

— Ищем, — энергично подхватил Корнеев. — Вчера возле самого Слуцка побывали. Недавно на дороге подбитый грузовик подобрали. Повозились, отремонтировали, теперь ездим куда надо. Осмотрели мастерские под Уречьем. Добыли двенадцать винтовок, части от пулемета. Думаем в своей кузнице ремонтировать, специалисты у нас есть.

— А машину надо было сдать, — посоветовал я. — На фронте она больше пригодится!

— Хотели сдать, — продолжал Корнеев, — да выходит, что и здесь ей работы хватает. Вот ездили за оружием, а недавно ночью двенадцать наших командиров из окружения вывезли… Напрямик махнули, под самые Копаткевичи. Раненых бойцов тоже вывезли. Я говорил Плышевскому: давай сядем и сами проскочим к своим. Хоть мы не строевые оба, но, может, возьмут… Кто его знает, где теперь наше место и где мы больше нужны.

— Здесь! — твердо ответил я. — Оставайтесь, и будем действовать вместе. Теперь нельзя тратить зря ни одной минуты, организуйте народ на борьбу с врагом.

Мы провели беседу с активом и вскоре двинулись в совхоз «Жалы». Это было заранее намеченное удобное место для нашей длительной остановки.

Вот и «Жалы»! Совсем недавно я был здесь, ходил по полям,

говорил с рабочими. Люди радовались своим успехам, а мне радостно было смотреть на них и на все кругом. Кто мог подумать тогда, что через каких-нибудь две недели я снова приеду сюда, но уже совсем при других обстоятельствах!

Теперь тут все было по-другому, все изменилось. На полях стояла высокая, колосистая рожь, но она никого не радовала. Опустевшие постройки казались заброшенными и никому не нужными. Куда ни глянь — уныние, запустение, как будто и солнце здесь перестало светить.

Все это сжимало сердце тоской и болью. Ведь так и в Старобине и в деревнях возле Червонного озера, откуда я недавно уезжал с таким хорошим настроением и новыми планами на будущее. Но при встрече с людьми на душе становилось легче, росла уверенность, что наш народ не согнется, не смирится с положением подневольного и упорной борьбой вернет свое счастье.

Под вечер местная разведка донесла, что из Яменска на «Жалы» идет вражеская танковая часть. Пришлось на время загнать машину в болото и самим спрятаться в ближайших зарослях.

Так началась наша партизанская жизнь.

VI

Гитлеровцы нахлынули в совхоз «Жалы». Мы дотемна оставались в болотных зарослях, а ночью, мокрые и усталые, вышли на островок. Ночь хоть и теплая, но в мокрой одежде все-таки холодно. Хорошо бы разложить небольшой костер, да под боком гитлеровцы: время от времени с ветерком доносился их резкий, отрывисто-лающий говор.

Надо было устраиваться на ночь. Мы выбрали место посуше, наносили сена, сухих листьев, мху. В землю воткнули несколько палок, прикрыли сверху ветками, и получился скороспелый, но довольно уютный шалаш. Мачульский залез в него и сладко, с наслаждением зевнул: и сухо, и тепло, и пахнет, как на сенокосе.

А ночь выдалась такая, что жалко было расставаться с ней. Так и сидел бы до восхода солнца и упивался таинственными ночными шорохами и звуками. То, что днем проходит мимо человеческого слуха, тонет в шуме жизни, ночью звучит с особой силой и царит в зыбкой, настороженной тишине. Кажется, что каждая веточка напряженно ждет хотя бы самого незначительного шороха, звука, чтобы подхватить его, во много раз усилить и послать несмелым, приглушенным эхом во все уголки леса. Ведь недаром выстрел ночью в лесу громовым раскатом разносится на многие километры.

Я назначил часовых. В первую смену пошли Бондарь, Войтик и Степанова. Александру Игнатьевну мы хотели освободить от этой обязанности, но она решительно запротестовала и заявила, что никаких послаблений не принимает.

Охрана надежная, можно и отдохнуть! Я прилег на сухие березовые ветки в шалаше и в ту же минуту уснул.

Не прошло и часа, как меня разбудил Войтик.

— Что случилось?

Войтик молча показал рукой в темноту и побежал на свой пост. Из-за деревьев показался Алексей Георгиевич с незнакомым человеком в милицейской форме. Свет месяца падал на лицо незнакомца. Одежда на нем была чистая, сапоги блестели. Некоторое время я смотрел на этого подтянутого человека и не мог понять, кто он. Алексей Георгиевич хотел что-то сказать, но незнакомец бойко козырнул, ступил шаг вперед и отрапортовал:

— Начальник Любанской районной милиции Ермакович, а теперь командир партизанского отряда.

Мы поздоровались. Я попросил Ермакович а присесть на кочку возле нашего шалаша, а Бондарь снова ушел. Мы проговорили с Ермаковичем до рассвета.

Сменившись с поста, Бондарь, посмеиваясь, рассказал, как «взял в плен» начальника Любанской милиции. Узнав, что в совхозе «Жалы» появились какие-то незнакомые люди, Ермакович решил ночью выследить их. Если это в самом деле областные работники, то познакомиться, установить связь, а если шпионы, диверсанты — окружить и уничтожить. С собой он взял десять партизан, вооруженных винтовками и пистолетами.

Разведав место нашей «дислокации», они неслышно окружили нас, и Ермакович с двумя бойцами пошел прямо на шалаш.

— Кто идет? — тихо, но решительно спросил Бондарь.

Ермакович, видно, не ожидал, что здесь будут посты и, отскочив в сторону, подал своим команду ложиться.

Бондарь и Войтик также залегли.

— Вы кто такие? — послышался приглушенный от волнения голос.

— А вы кто такие? — спросил Бондарь.

— Я, начальник Любанской районной милиции, приказываю…

— Фамилия? — перебил его Бондарь.

— Приказываю бросить оружие…

— Фамилия? — уже тоном приказания повторил Алексей Георгиевич.

— Ермакович, — послышалось из-под коряги. — А вы кто?

Бондарь весело ответил:

— Я прокурор Минской области Бондарь. Сдавайтесь, товарищ Ермакович. Мы вас ждем.

Эта встреча на глухом болотистом островке принесла большую пользу. Ермакович помог нам сразу же войти в курс дела, рассказал о многих очень важных обстоятельствах. Мы узнали, что коммунисты Любинского района честно выполняют указания ЦК и Минского обкома партии, активно действуют в тылу врага. Ермакович рассказал, что на территории района находится председатель райисполкома Андрей Степанович Луферов, начальник районного отделения МГБ Евстрат Горбачев и другие.

Вскоре выяснилось, что группа Ермаковича не одна в этих местах. В районе Постолов находится слуцкая группа под командованием работника районного отделения МГБ Пашуна. Больше недели тому назад в Любанском районе появилось шестнадцать партийных и советских работников, направленных Центральным Комитетом КП(б)Б. Эту группу возглавлял Александр Иванович Долидович. Сам он местный уроженец и хорошо знает округу.

* * *

Маленький островок среди болота, на котором мы собирались только переночевать, стал нашим временным лагерем. Он неплохо приютил нас днем, а когда наступила следующая ночь, стал свидетелем довольно значительных событий. В эту ночь к нам стали собираться люди. Ермакович по нашему поручению известил коммунистов в деревнях и в районном центре, что подпольный обком вызывает их на совещание.

С вечера над болотом нависли тучи и стало темно — хоть глаз выколи. Фашисты ушли из совхоза, и мы развели небольшой костер. Люди, попав на островок, по огоньку легко находили наш шалаш. Шагов за сто от места собрания их встречали часовые, проверяли пароль и провожали к нам. Эту часть дела обеспечивал нам Ермакович со своей группой.

Первым подошел к огоньку директор совхоза «Жалы» Александр Колганов, очень неспокойный, суетливый человек, но хороший организатор и хозяин. Несмотря на опасность, он еще днем наведывался к нам. Ему не терпелось доложить обкому, что все наиболее важное и ценное в совхозе спасено, Что успели, отправили в тыл, а несколько сот голов скота под надежным присмотром находится на болотных островах, спрятаны также десятки тонн зерна. Большинство рабочих совхоза эвакуировано, а те, что остались, готовы хоть сегодня идти в партизаны. Колганов расположился у шалаша свободно и непринужденно, как в своем собственном саду. Островок входил во владения совхоза. Привыкнув считать его своим, он будто забыл, что теперь это только место явки, и все подбрасывал и подбрасывал в костер сухие ветки. Видно было, что он чувствовал себя здесь как в ночном, а не как участник конспиративного совещания.

В густой темноте справа от нас послышались шаги и приглушенный голос. Ермакович встал, бесшумно нырнул в темноту и, скоро вернувшись, сказал:

— Свои.

К костру один за другим подошли пять человек. Они были в гражданской, сильно поношенной одежде, старательно подогнанной под военную походную форму. Новые условия жизни требовали этого. Военная форма тем и ценна, что она удобна в военных условиях.

— А-а, ты уже здесь? — обратился один из пришедших к Колганову, который лежал у самого огня и был лучше виден, чем мы. — Да тебе тут рукой подать, в своей, можно сказать, усадьбе.

Потом, увидев нас, он подошел поближе, поздоровался со

всеми и представился:

— Командир группы, присланной ЦК КП(б)Б в Любанский район, Долидович. А это Боровик Александр Александрович, — представил он светловолосого, круглолицего мужчину среднего роста. — Это Логун Михаил Маркович, Буглак Михаил Иосифович, Трескунов Михаил Алексеевич.

Я попросил их присесть на длинное замшелое бревно.

Мы постепенно обживались на своем островке. Днем подправили и укрепили шалаш. Брагин и Мачульский откуда-то притащили бревно, которое служило нам скамьей. Колганов наделил нас добрым солдатским котелком и кое-чем из продуктов.

Демидович сел рядом со мной. Желтоватые отсветы костра поблескивали на голенищах его добротных юхтовых сапог, а когда Колганов подбрасывал в костер горстку сухих сосновых веточек, трепетное пламя освещало всю фигуру Долидовича и играло на его широком новом ремне. Постепенно мы разговорились с Долидовичем, который, как видно, был человеком не очень разговорчивым.

Он рассказал, что многие коммунисты Кривичского района Молодечненской области по заданию ЦК КП(б)Б были оставлены в тылу врага для подпольной работы и партизанской борьбы, часть из них направлена в Любанский район. Многим членам его группы, в том числе и ему, хорошо знакомы лесные и болотистые просторы Любанщины: одни родились здесь и выросли, другие работали в этом районе.

С первого же дня партизанская группа нашла большую поддержку у местного населения. К ней присоединились директор совхоза Колганов, председатель колхоза Сытько Михаил, инструктор райкома Сытько Иван и другие. Позднее в группу Долидовича влились загальские партизаны во главе с Корнеевым и Плышевским.

Явился Пашун в сопровождении двух бойцов. Мне показалось необычным, что этот, по существу, военный человек был одет не по-военному: черная полусуконная гимнастерка, обычные «штатские» брюки, заправленные в сапоги с высокими голенищами. Приземистый, немного сутуловатый, он был похож на охотника. Невольно напрашивался вывод: гражданский человек, взявшись за оружие, старается во всем походить на военного, а военный в подполье отдает предпочтение всему гражданскому.

Несмотря на одежду, в Пашуне нетрудно было узнать военного. Подойдя к костру, он остановился, вытянулся и козырнул по всем правилам кадрового военнослужащего. Пояс и

кобура сидели на нем так ловко, что приятно было смотреть. По всему было видно, что он доволен своим нынешним положением и не скрывает чувства гордости и некоторой исключительности.

— Я долго не раздумывал, — рассказывал Пашун о своей партизанской деятельности. — Приказали мне остаться в тылу врага — остался и вот командую, а приказали бы идти на фронт — пожалуйста, козырнул бы — и шагом марш. В Слуцком районе мало кто остался. Райком партии до последних дней был на месте, а теперь неизвестно где. Степанова, говорят, была где-то здесь, только я, признаться, не верю этому. Думаю, что она уже далеко.

— Степанова в распоряжении ЦК, — ответил Бондарь и, чуть приметно улыбнувшись, посмотрел на нас.

— А я думаю, что она уехала в тыл, — возразил Пашун и, хлопнув ладонью по колену, добавил: — Я уверен, что уехала. И след простыл…

В это время Александра Игнатьевна вышла на свет с охапкой сухого хвороста.

— Ну, что это вы, зачем это?.. — засуетился Колганов. — Я и сам принес бы… Да тут есть дрова. Пожалуй, на все совещание хватит.

Пашун удивленно раскрыл глаза:

— Это вы?..

А Степанова, как бы не замечая нового человека, хозяйским тоном ответила Колганову:

— Еще ночь впереди, пригодится. Оно и хорошо, что я отошла: товарищ Пашун за это время наговорился вдоволь.

— Я не знал, что вы здесь, — виновато проговорил Пашун и смущенно посмотрел на нас.

— Чего не знают, о том не говорят, — сдержанно заметила Степанова.

На этом неприятный эпизод кончился. Только Колганов еще долго иронически поглядывал на смущенного Пашуна.

Пора было начинать совещание. Я познакомил присутствующих с директивами ЦК КП(б)Б и Минского обкома о развертывании партизанского движения в Белоруссии; затем мы определили район действия для каждой группы и поставили перед ними конкретные боевые задачи.

На следующий день гитлеровцы снова пришли в совхоз «Жалы». Оставаться под носом у врага не было надобности, и мы решили перебраться поближе к совхозу «Сосны». Здесь, в дремучем, с трех сторон заболоченном лесу, состоялось у нас первое расширенное заседание бюро подпольного обкома партии. Кроме командиров отрядов и руководителей подпольных групп,

на заседании присутствовали Луферов и Горбачев.

Подпольный обком решил созвать всех коммунистов Любанского района. Определили место собрания, договорились о пароле, и в тот же день все разошлись по деревням.

* * *

21 июля 1941 года на небольшой лесной поляне недалеко от совхоза «Сосны» начали собираться коммунисты. Наши связные встречали их в условленном месте, километра за четыре от поляны. Каждый коммунист знал пароль. Все это очень напоминало исторические маевки. История революционной борьбы нашей партии с первого дня освещала нам путь, помогала найти правильные формы борьбы в любых условиях.

Не совсем удобно проводить собрания под открытым небом, но другого выхода у нас не было. От лесных сторожек и других лесных прибежищ мы решили отказаться. Во-первых, потому, что все они известны местным жителям, а во-вторых, мы ожидали не пять и не десять человек, а значительно больше.

Посредине полянки стоял почерневший дубовый пень. Возле него Варвашеня вбил в землю четыре столбика, нашел где-то две доски и положил сверху. Вышел столик и «кресло» для секретаря. Предполагалось, что люди будут размещаться полукругом. Хвойный лес гулкий. В тихую погоду скажи слово — летит на полкилометра. Надо было говорить тихо, но так, чтобы все слышали.

Пашун примчался на собрание взволнованный, веселый, как именинник. С ним пришло пять человек партизан, которые должны были нести охрану собрания. Они тоже выглядели орлами, весело посмеивались: видно было, что им не терпелось рассказать всем какую-то очень важную новость. Кроме пистолетов, у всех были немецкие автоматы. Встретившись глазами со Степановой, Пашун кивнул головой и независимо повел плечами: мы, мол, уже действуем, а что там выйдет у вас, женщин, еще неизвестно. Как потом выяснилось, партизаны действительно заслужили похвалы. Вот что рассказал Пашун.

Возвращаясь накануне вечером с боевого задания, они заметили отряд вражеских автоматчиков, который шел из совхоза имени БВО на Любань. Недолго думая, партизаны приняли боевой порядок, залегли и ударили. Это было очень смело и рискованно. Фашисты рассыпались, не приняв боя, пятеро были убиты. Партизаны забрали оружие и ушли.

Луферов радовался, как никогда. Он жал Пашуну руку, тряс

за плечи партизан, заглядывал каждому в глаза, расспрашивал о подробностях боя.

— А это ваши трофеи? — опрашивал он, показывая на автоматы. — Хорошо, хорошо… Ты уж, товарищ Пашун, и мне что-нибудь такое, скорострельное, достань, а то я со своей пятизарядной системой погибну где-нибудь ни За что! — И, обращаясь ко мне, сказал: — Выходит, не только Тихону Бумажкову да Павловскому это под силу. И у нас есть отважные люди — вот они!

По деревням Любанщины шла слава о выдающихся партизанских руководителях — Бумажкове и Павловском. После смелых боев с вражескими танками они недавно напали на пехотное вражеское подразделение. Среди бела дня партизаны подкрались к гитлеровцам. Группа под командованием Павловского зашла с левого фланга, а Бумажков с остальными партизанами — с правого. Притаившись в кустах и огородах хутора Заречье, партизаны выбрали подходящий момент и бросились на врага врукопашную. Захватчики, еще не встречавшиеся с партизанами, спокойно лежали на зеленом берегу, а большинство беззаботно купалось. Обезумевшие от страха, голые, оккупанты бросились наутек. Почти все вражеское подразделение было уничтожено. Не удалось спастись и тем, которые скрылись. Жители деревень устроили на них облаву. Вооружившись топорами, вилами, а то и просто крепкими дубинами, они обыскали свои огороды, сараи, гумна и прибрежные заросли и переловили всю эту нечисть.

Молва о подвигах октябрьских партизан разошлась не только по Полесью, но и по многим другим районам Белоруссии.

Луферову было немного завидно: его соседи Бумажков и Павловский до войны иной раз отставали от любанцев в хозяйственных делах, а теперь вот прославились. Пашун порадовал председателя своими подвигами, а когда на поляне появился Ермакович, Луферов совсем просиял. Теперь он уже не считал свой район отстающим и мог бы смело смотреть в глаза Бумажкову и Павловскому.

Ермакович доложил, что прошлой ночью он со своей группой устроил засаду на дороге между Любанью и Бобруйском. Результаты хорошие: разгромлен обоз, семь гитлеровцев убито, взято много боеприпасов, продуктов, одежды и два воза винтовок. Это всех нас ободрило. Было похоже на доброе довоенное время: люди приходили на районное партийное собрание с конкретными показателями своей работы.

У края полянки под молодым развесистым ольшаником в тесном кружке сидит человек десять партизан. Среди них заметно

выделяется старик с белой бородой. Это Андрей Трутиков, председатель колхоза деревни Озерное. Они разглядывают слегка покрытый ржавчиной ручной пулемет в руках широкоплечего, крепкого человека лет под сорок. Он весело качает немного великоватой для его роста головой, крепко посаженной на жилистой шее. Волосы на голове черные, непослушные, одна прядь свесилась на лоб. Это Григорий Плышевский, председатель Загальского колхоза. Плышевский явился на собрание с собственным пулеметом. Это, конечно, не могло не вызвать любопытства. Достать винтовку в то время было нелегким делом, а тут у человека совсем исправный ручной пулемет Дегтярева. Плышевский рассказывает, как он раздобыл его.

— С самого речного дна эта трубочка поднята, — поглаживая широкой шершавой ладонью ствол, говорит Плышевский. — Лежать бы ей там и ржаветь весь свой век, если бы не наши ребятки. Пошли ловить раков да и подцепили.

— А это откуда? — спрашивает Трутиков, показывая на раму.

Плышевский опускает ладонь ниже.

— Это? — повернув голову к Трушкову, переспрашивает он. — Эту нехитрую вещь нашел наш кузнец и, как человек, жадный на всякий кусок железа, принес в кузницу.

— А затвор?

— Затвор, — продолжает объяснять председатель, — нашел я под самым Слуцком. Недавно мы ездили туда. Теперь спросите про ложу? Ну, тут дело простое. С деревом легче, чем с железом. Все деревянные части подогнали сами… Только вот не покрасили еще, лаку не нашли, а то бы не хуже фабричного. Даже масленку ввернули, видите? — и Плышевский потрогал почерневшими пальцами винтовую шапочку масленки.

— Небольшая штука, правда? — не без гордости спрашивает председатель, подкидывая пулемет в руках. — А работы было много. Любую сложную молотилку легче отремонтировать, чем эту машинку. Не очень-то знали, что здесь к чему. Многих частей совсем не хватало. Дней пять возились в кузнице, пока все сделали, привели в надлежащий порядок. Зато оружие вышло хоть куда, как с завода.

— С колхозного завода, — заметил кто-то из окружающих.

— С Загальского, — откликнулся веселый голос Ермаковича, который тоже подошел к кружку. — Дай мне, Григорий, твою находку, я попробую, как она покажет себя в работе. Может, машинка стрелять не захочет!

Ермакович взял пулемет, точным движением профессионала оттянул пружину, нажал на спуск, потом снова оттянул ее и, повернув пулемет стволом к себе, посмотрел в канал.

— Пожалуй, не откажет! — одобрительно отметил он. — Можно поставить на вооружение. А тут на ложе надо было написать: «Загальская фабрика-кузница». И марку надо уточнить: писать не ДП, а ДПП, чтобы видно было, что тут не только Дегтярев, а и товарищ Плышевокий приложил свое мастерство.

Людей подходило все больше и больше. Полянка наша заметно веселела и принимала обжитой вид. Часа в три дня Луферов, окинув внимательным взглядом всех присутствующих, решительно сказал:

— Пора, вряд ли кто еще придет.

Ему, как исполняющему обязанности секретаря Любанского райкома, мы и поручили открыть собрание. Андрей Степанович постучал карандашом по импровизированному столу. Товарищи подошли ближе, разместились на траве полукругом, и сразу установилась тишина. Луферов кашлянул в кулак, переступил с ноги на ногу и начал:

— Никто не думал, не гадал, товарищи, что нам придется проводить свое районное партийное собрание на этой глухой поляне. Сюда, наверное, ни один наш охотник не заходил… Ну что ж, суровое время настало, суровые условия… Но и в этих условиях и даже во сто крат более тяжелых мы не должны сгибаться.

Здесь у нас присутствует подпольный обком партии, все областное партийное руководство. Собралось, как видите, несколько десятков коммунистов. Я думаю, что в каждом районе соберется не меньше. Значит, мы живем, товарищи, несмотря ни на какие зверства врага, и будем жить! И не только жить, но и бороться до последней капли крови!

Луферов снова кашлянул, на минуту задумался, а потом твердо произнес:

— А теперь, товарищи, прошу показать свои партийные билеты.

Люди задвигались, начали распарывать подкладки, выворачивать шапки, иные даже разуваться, чтобы достать партбилет из сапога. Над головами, поблескивая на солнце, начали подниматься красные книжечки. И на поляне как будто посветлело.

Андрей Степанович, стоя за столом, долго не спускал внимательного и немного торжественного взгляда с поднятых над головами людей партийных билетов.

— Александр! — вдруг обратился Луферов к одному из присутствующих, и голос его сразу погрубел.

Человек поспешно встал.

— Садись!

— За тобой других не видно, — сердито сказал Луферов. — Ты почему не показываешь свой партийный билет? Что, потерял или, может, отдал на хранение? Говори правду.

Человек растерянно моргал, краснел, мялся, но некоторое время молчал, должно быть не осмеливаясь сказать правду. Он с уважением поглядывал на партийные билеты своих соседей и чем дальше, тем все больше и больше начинал волноваться.

— Нет, товарищ Луферов, — оказал он наконец, — я не потерял свой партийный документ, я его закопал в землю.

— Подожди, сейчас с тобой разберемся, у меня еще одно дело есть.

И Луферов обратился к молодой темноволосой девушке, которая сидела оправа от стола и тоже держала в руке билет.

— Товарищ Кононова, а ты когда успела вступить в партию?

— Это у меня комсомольский билет, — звонко и взволнованно ответила девушка. — Я прошу разрешить мне присутствовать на этом собрании.

Луферов обратился к собранию:

— Как, товарищи, разрешим?

— Конечно, разрешим, — послышались голоса.

— Хорошо, Кононова, оставайся. Прошу, товарищи, спрятать ваши партийные билеты. По поводу членских взносов будет особое указание подпольной организации. А с тобой, Александр, мы хотим поговорить серьезно. Где твой партийный документ? Кто знает, закопал ты его или уничтожил? Как ты мог решиться прийти на это партийное собрание без документа?

Луферов заметно волновался. Ему обидно было, что человек, которого он давно знал, которого сам рекомендовал в партию, пришел на собрание без партийного билета. Что можно подумать о таком человеке?

Тот, которого Луферов назвал Александром, должно быть, хорошо чувствовал свою вину и не старался смягчить ее. Он только попросил на этот раз простить ему ошибку и разрешить присутствовать на собрании.

— Собрание проси, а не меня! — гневно повышая голос, сказал Луферов. — Если поверят люди, что ты не потерял свой партийный билет, не дал его в руки врагу, может быть, и разрешат тебе остаться.

— Фашисты в деревню нахлынули, боялся, как бы не поймали да не стали обыскивать. — Александр неуверенно перевел взгляд с Луферова на присутствующих, пробежал взглядом по лицам знакомых коммунистов.

Сколько раз приходилось ему встречаться с этими людьми на районных конференциях и собраниях. Всякое бывало на работе.

Были случаи, когда его резко критиковали, пробирали в райкоме, райисполкоме, но чтобы ему не доверяли, этого еще никогда не случалось. Теперь же он видел в глазах товарищей чуть заметное выражение сомнения и подозрительности. Тяжело было перенести это, минуту назад он даже и не представлял, что допустил такую серьезную ошибку. А тут еще голос Луферова.

— Ты что же думаешь, если закопаешь свой билет, так враги не узнают, что ты коммунист, погладят тебя по головке, приголубят?

Александр вскочил. Лицо его раскраснелось, глаза блестели от слез.

— Товарищи! — сказал он дрожащим от волнения голосом. — Товарищи, дайте мне два часа, всего только два часа, и я принесу свой партийный билет.

— Не успеешь за два часа, — заметил Луферов.

— Успею, я в колхозе коня возьму…

Выбрали президиум. Секретарь собрания сел у стола, чтобы вести протокол. Мы обсудили наиболее важные вопросы партийной работы в связи с выступлением И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года.

Необходимо было прежде всего помочь парторганизациям перейти к новым методам работы в суровых условиях подполья. Мало кто из любанских коммунистов был знаком с такими методами. Люди все больше молодые, большинство из них вступило в партию после гражданской войны. Откуда им знать, что такое партийное подполье, да еще в таких необычных, тяжелых условиях? Теорию знал каждый, а когда пришлось взяться за дело, чувствовалась неуверенность, были случаи, когда люди делали много ошибок.

Необходимо было ориентировать партийную организацию на развертывание массового партизанского движения. Мы не могли ограничиться отдельными группами. Надо было, чтобы с первых же дней партизанское движение приобрело всенародный характер.

И, наконец, охрана социалистической собственности.

Положение с колхозным добром было очень сложное и серьезное. Многие колхозы не успели угнать скот, вывезти зерно, машины, инвентарь. К тому же подошло время жатвы. Урожай был отменный: крупные колосья кланялись людям, просились на гумно. А люди не знали, как управиться с хлебом, и делали по-старому, как привыкли в колхозе: косили, жали, вязали рожь в снопы, складывали в скирды.

Мы не сомневались, что враг воспользуется готовым добром. Он уже и пользовался. Немецкие солдаты приходили на фермы,

забирали свиней и коров, пригоняли к амбарам машины и дочиста выгребали зерно.

Надо было немедленно принять правильное и действенное решение, противопоставить грабительской политике неотложные меры. Все, что нельзя спрятать, раздать колхозникам, хлеб убрать и обмолотить. Что не удастся скосить — сжечь на корню, не удастся обмолотить — сжечь в скирдах. Ни одного килограмма не должно достаться врагу!

Обо всем этом я сказал в своем докладе.

Любанские коммунисты тщательно обсуждали каждый вопрос, глубоко все продумывали. Их предложения были действенными и конкретными, Все хорошо понимали, что решение собрания станет программой действий не только для одного Любанского района.

Собрание выделило людей, ответственных за проведение этих мероприятий. На этих же товарищей была возложена задача организации на местах подпольных партийных групп. Коммунисту Адаму Майстренко и нижинской учительнице Фене Кононовой поручили организацию в районе комсомольских подпольных групп. Выбрали подпольный райком партии, в который вошли Луферов, Ермакович, Горбачев, Долидович, Трескунов и другие. Бюро областного подпольного комитета КП(б)Б утвердило состав бюро районного подпольного комитета.

В заключение собрания мы поклялись, что в тяжелых условиях подполья не запятнаем высокого звания члена партии. Все встали, тихо, вполголоса пропели «Интернационал».

До сумерек основные вопросы были решены. Люди уже собрались расходиться, когда из зарослей ольшаника вышел Александр. От усталости он не мог выговорить ни слова. Отвернув полу пиджака, вынул из-за подкладки свой партийный билет.

— Вот мой документ! — немного отдышавшись, сказал он.

Вслед за всеми разошлись и мы. Варвашеня и Брагин остались на Любанщине, Степанова пошла на Случчину, а мы вчетвером — Бондарь, Мачульский, Бельский и я — направились в Старобинский, Краснослободский, Копыльский и Гресский районы. Мы шли, чтобы наладить связь с подпольными группами и отдельными коммунистами области, объединить их, возглавить патриотическое движение масс, развернуть всенародную партизанскую борьбу.

VII

На областном совещании в Минске мы договорились, что при необходимости одна из наших подпольных явок будет в деревне Долгое Старобинского района. Там по решению бюро обкома для подпольной работы остались председатель Долговского сельсовета, партизан гражданской войны Гаврила Стешиц, коммунист Антон Дрезголович, председатель Скавшинского колхоза Дмитрий Хомицевич и другие коммунисты района.

К Скавшину мы подошли ночью. Немцев в деревне не было. Один из дозорных встретил нас у крайней хаты деревни, узнал меня и, подойдя близко, незаметно для других поздоровался.

— Я Кривальцевич, — тихо сказал он, — Яковом зовут.

— А Гордей Кривальцевич и Дмитрий здесь? — спросил я.

— Здесь, — быстро ответил Яков.

Вскоре выяснилось, что у Дмитрия Хомицевича уже есть партизанская группа. В ней были Янович Александр, Черняк Иван и другие местные колхозники. Группа вскоре выросла до двадцати двух человек.

Хомицевич рассказал нам про свой первый бой с оккупантами. Было это в начале июля. Разведка донесла, что с Ананчиц на Домановичи идет крупная фашистская часть. Хомицевич собрал партизан и дал приказ встретить врага огнем. К этому времени у них был ручной пулемет, четырнадцать винтовок, пять автоматов, пистолеты.

Бойцы разделились на три группы и залегли у дороги, недалеко от разрушенного моста. По обеим сторонам дороги тянулся густой, местами заболоченный лес. Войти в него фашисты не решались и выслали разведку. Разведчиков было немного, их надо было бы пропустить и ударить по основным силам, но Хомицевич еще не имел боевого опыта и приказал партизанам открыть огонь по разведчикам. Пока велась перестрелка, вражеская часть развернулась и начался неравный бой, гитлеровцы пустили в ход даже артиллерию.

Маленький отряд не мог выстоять против такой силы, и партизаны отошли в глубь леса. Оккупанты весь день обстреливали из минометов заросли и не осмеливались подойти к Домановичам. Они были уверены, что здесь действует регулярная часть Красной Армии.

Мы временно остановились в деревне Скавшин. Здесь было меньше дорог, и гитлеровцы наезжали не так часто. Надо было немедленно установить непосредственную связь с подпольным центром района. На Старобинщине должны были остаться

председатель райисполкома Василий Меркуль, редактор районной газеты Иван Жевнов, секретарь райкома комсомола Малкин, уполномоченный Комитета заготовок Никита Бондаровец и другие местные работники.

Для связи с ним мы послали Якова Кривальцевича. Он вернулся на другой день и передал небольшой «пакет, старательно завернутый в кусок материи.

— От Гаврилы, — объяснил он с довольной улыбкой.

— Из деревни Долгое? — спросил я.

— Оттуда.

Да, это в самом деле радостная весть! Коммунист Гаврила Стешиц партизанил в гражданскую войну, и его опыт мог принести нам большую пользу.

Гаврила сообщал в своей записке, что группа районных работников находится вблизи деревни Красный Берег, которая раньше называлась «Гнойный рак», и что в ближайшие дни он организует встречу подпольного обкома со старобинцами. В пакете, кроме записки, лежали листовки. Мы развернули и удивились: совсем свежие, еще даже краской пахнут!

Но Хомицевич нисколько не удивился. Он положил листовки себе за пазуху и сказал:

— Вот хорошо, это уже четвертая. Отдам своим ребятам, они живо расклеят…

Листовка послужила поводом для рассказа Хомицевича о работе бюро Старобинского райкома партии.

Старобинские коммунисты стали усиленно готовиться к подпольной работе с первых дней войны. 23 июня Жевнова направили в Слуцк, чтобы достать там тексты последних сообщений из Москвы. Гитлеровцы усиленно бомбили город, он горел, но Жевнову все-таки удалось связаться с местной редакцией.

Вернувшись домой, он вызвал наборщиц Ольгу Мелешко и Женю Воробей.

— Идите в типографию, — сказал он, — будем продолжать работу.

Девушки на миг растерялись:

— Фашисты близко!

— Ничего, — успокоил их Жевнов. — Окна снаружи забьем досками, оставим только одно, небольшое окошко со ставнями, что выходит к реке. Работать будем по ночам.

И девушки пошли набирать. Скоро была напечатана листовка с обращением партии и правительства ко всем советским людям. Эту листовку немедленно разослали по сельсоветам.

В первые дни оккупации старобинские подпольщики

собирали оружие, боеприпасы и одну за другой выпускали листовки. 3 июля они записали по радио речь Верховного Главнокомандующего и в тот же день выпустили ее большим тиражом. Листовка с этой речью была разослана во все сельсоветы и колхозы района.

В первой декаде июля, когда оставаться в городе стало уже невозможно, подпольщики разрушили типографию, а шрифт, бумагу и печатную машину вывезли в лес.

В Скавшине мы пробыли недолго. Гитлеровцы после стычки с группой Хомицевича начали выслеживать партизан и вскоре напали на наш след.

Однажды поздней ночью прибежал к нам Яков Кривальцевич и объявил:

— В Домановичи наехало много гитлеровцев, они хотят окружить Окавшин.

Вместе с домановичскими коммунистами мы определили новую явку в деревне Драчава. Надо было немедленно уходить туда. Посланная нами разведка донесла, что все выходы из Скавшина уже блокированы. Дело осложнялось еще тем, что Иосиф Александрович Бельский был болен и не мог уйти с нами. Местные патриоты обещали спрятать его в надежном месте. А мы огородами выбрались за деревню.

Спустя несколько дней Яков Кривальцевич привез в Драчаву Бельского, а вскоре к нам пришел связной от Меркуля и Жевнова. Мы отправились на встречу со старобинской группой.

Деревня Красный Берег расположена в пяти километрах от Драчавы. Место подходящее для остановки. Вокруг леса, болота, больших дорог поблизости нет. Кроме Меркуля, Жевнова и Бондаровца, в деревне были районные работники: Мурашка, Ширин, Хинич, Садовский, Хомич, Дрезголович, председатель колхоза Бородич. Группа держала тесную связь с местными коммунистами и активом. Жизнь здесь шла по-фронтовому. Каждый день заполнен боевыми делами. Партизаны подрывали мосты, портили дороги, сжигали склады. Даже когда у ник не было ни тола, ни подрывных мин, ни клиньев для крушения поездов, они ухитрились пустить под откос вражеский эшелон. Послали группу партизан в Житковичский район, и те ломами и крючьями разворотили рельсы. Не имея необходимого оружия, партизаны обстреляли моторизованную дивизию и на несколько дней задержали ее продвижение. Это было большой заслугой старобинцев. Василий Меркуль, человек не очень многословный, рассказывал об этом охотно и с гордостью.

Оккупанты должны были идти из Старобина на Ленино — Житковичи — Петриков — Мозырь. Об этом узнал Гаврила

Стешиц через своих связных в Старобине и известил Меркуля. Позднее дополнительно выяснилось, что дивизия направлялась на один из важнейших участков фронта.

Меркуль отдал приказ выступить. Партизаны построились, командир обошел строй: мало бойцов, очень мало. Там дивизия, а тут два десятка человек. Но это не остановило. Решили дать бой оккупантам, использовать для этого группы Стешица и Хомицевича. Не удастся нанести врагу серьезный удар, так хоть попытаться задержать дивизию.

Вышли на дорогу возле деревни Долгое и продуманно, с учетом всех обстоятельств расставили засады.

Впереди фашистской дивизии шел отряд мотоциклистов. Крайняя засада подпустила его на определенное расстояние и открыла огонь. Гитлеровцы ринулись вперед, а там их встретила другая засада. Несколько мотоциклистов было убито, а остальные побросали машины и рассыпались по кустам.

Для расчистки дороги штаб немецкой дивизии выслал роту солдат, партизаны встретили ее огнем. Завязался бой. Вражеская разведка залегла и вызвала подкрепление. Бой тянулся долго. К концу дня гитлеровское командование выслало еще одну роту с заданием окружить партизан и взять живыми.

Но из этого ничего не вышло. Заняв удобные позиции, народные мстители продолжали обстреливать врага и наносить ему потери. Настала ночь. Гитлеровские штабисты решили, что против них действуют очень крупные силы, и рано утром выслали полк с заданием прочесать лес. Прочесывали они его целый день и никого не нашли — партизаны были уже в другом месте. Когда дивизия, наконец, решилась двинуться вперед, партизанские пули посыпались на нее вновь. Под Домановичами гитлеровцев «угостили» еще раз, под Червонным озером — еще.

Таким образом, крупная оперативная часть немецкого центрального фронта шла по старобинским дорогам около недели.

О боевых делах старобинских партизан с удивлением и восхищением говорили в народе.

Один из боевых эпизодов был связан с именем Николая Шатного — отважного партизана из отряда Меркуля. Получив разрешение идти на задание, он взял с собой двух человек и отправился на большак.

Шатный — по специальности автомеханик, и ему хотелось захватить немецкую легковую машину. Дело не простое. Подорвать или подбить автомобиль легче, но на испорченном никуда не поедешь. Важно было раздобыть машину на полном ходу, и не какую-нибудь, а комфортабельную, лучшей марки.

Партизаны подошли к небольшому мостику, вытащили из него поперечную мостину, а сами залегли в кустах. Полдня лежали, пока дождались подходящего случая. К мостику подошла машина — лакированная, с блестящими полосками по обеим сторонам кузова. Шатный взглянул — и забилось у него сердце от нетерпения.

Шофер въехал на мост. Увидав широкую щель, он остановился, вышел из кабины и тут же упал, скошенный снайперской пулей Шатного. Гитлеровцев, среди которых был один офицер, захватили так стремительно, что они даже не успели применить оружие.

Ехать бы теперь в лагерь с богатыми трофеями, но Шатный задумал другое. На трофейной машине он решил проехать по оккупированным деревням и селам, по полицейским гарнизонам, посмотреть, что там делается и какие собираются силы. Он натянул на себя комбинезон убитого шофера, одному из товарищей велел переодеться в форму немецкого обера, а другому стать его переводчиком. Что бы «пан офицер» или «шофер» ни сказали, переводчик должен передать полицаям. И не запинаться, а говорить гладко и грозным голосом.

Благополучно проехали по Домановичам, Долгому, Махновичам. Полицейские вытягивались в струнку перед партизанами. В местечке Погост большой полицейский гарнизон. Часовые пропустили Шатного. Проехал он по одной улице, по другой, и вдруг у него возникла новая идея: захватить бургомистра со всеми его бумагами. Такую задачу Меркуль поставил перед партизанами уже давно, но осуществить ее до сих пор не представлялось возможным.

Догнав на улице полицая, «офицер» приказал показать, где живет пан бургомистр. Полицай угодливо сел в машину. Бургомистра дома не оказалось, но тот же полицай быстро разыскал его. Бургомистр снял шапку, сначала низко поклонился, показав «гостям» потную лысину, а потом браво выпрямился.

«Офицер» буркнул что-то нечленораздельное, замахал руками, а переводчик закричал на весь дом:.

— Где шляешься в служебное время, горбатый дурень?! Разве не знаешь, что пан городской комендант изволил приехать!

— Не знал, паны, не знал! — дрожащим голосом оправдывался бургомистр.

— Собирайся, поедем с нами, было приказано ему. — Возьми с собой все важные документы.

Шатный хотел привезти бургомистра и сдать своему командованию, но, заехав в лес, не выдержал, остановил машину и начал сам допрашивать фашистского прислужника.

— Давай сюда бумаги! — приказал Шатный уже без переводчика.

Бургомистр побелел.

Просмотрел Шатный одну бумажку, другую и отложил в сторону. Потом достал из папки длинный лист, и на лице его появились суровые складки.

— Чья работа? — угрожающе опросил он.

— Это мне прислали, — старался оправдаться бургомистр, — подневольный я человек.

— Врешь! — крикнул Шатный. — Сам ты вынюхал, выследил… Хочешь выслужиться перед Гитлером?

В руках недавнего «немецкого шофера» был описок старобинских партизан. Бургомистр составил его, чтобы угодить своему начальству, а вышло совсем иначе. Список попал в руки партизан. Чем дальше читал его Шатный, тем сильнее дрожали от гнева губы, мрачнело лицо. В списке Меркуль, Жевнов, Бондаровец, Бородич, Ширин и многие другие.

— Смотри, — говорит Шатный своему «офицеру» и показывает ему список. — Птички стоят против каждой фамилии, а в скобках черные кресты.

— А вот и ты, — замечает «офицер», заглянув в конец списка.

Шатный быстро переворачивает лист и видит свою фамилию.

Против нее — крест.

— Что это означает?! — кричит Шатный и подносит бумагу к близоруким глазам бургомистра.

Тот одурело крутит головой;

— Не знаю, ничего не знаю…

— А, не знаешь! — еще больше обозлился Шатный и вытолкнул бургомистра из машины. — Так я тебе растолкую…

Меркуль сделал потом выговор Шатному и даже хотел сурово наказать его за самовольство. Никто не разрешал ему расстреливать бургомистра, хотя тот и заслуживал этого.

— Не выдержал, товарищ командир! — откровенно признался Шатный, — как увидел черный крест против своей фамилии, закипело в груди. Не выдержал…

На следующий день после встречи со старобинской группой в Красном Береге состоялось заседание бюро обкома. Первым обсуждали вопрос о связи с другими районами. Коммунисты остались в подполье в Краснослободском, Копыльском, Гресском районах и в городах Бобруйске, Слуцке, Борисове. Для связи с ними были назначены уполномоченные обкома. Для непосредственного руководства партизанской борьбой на Старобинщине утвердили бюро районного комитета КП(б)Б. В него вошли Меркуль, Жевнов, Дрезголович, Ширин и Бондаровец.

На заседании возник один неожиданный вопрос. Когда зашла речь о политико-воспитательной работе среди населения, один из старобинских коммунистов бросил реплику:

— Надо гитлеровцев бить, а не ходить по деревням.

Кое-кто его поддержал: теперь, мол, не до собраний, все внимание надо сосредоточить на одном, главном — на боевых операциях.

Недооценка политико-воспитательной работы среди населения в первые дни оккупации таила в себе большую опасность. Бюро обкома решительно осудило эти настроения. Товарищи не понимали, что теперь людям больше чем когда-либо нужно правдивое большевистское слово. Обком наметил мероприятия по массовому выпуску листовок и распространению речи Верховного Главнокомандующего. В сельсоветы и колхозы были направлены уполномоченные райкома. На них возлагалась задача довести до сведения широких масс решения ЦК КП(б)Б и Минского обкома о развертывании партизанского движения. Каждый партизан должен быть и агитатором — такая установка взята обкомом с первых дней подполья.

Только мы собрались расходиться, как в избу вошел связной от Хомицевича. Он принес нам тяжелое известие: эсэсовцы расстреляли Якова Кривальцевича. Ничем не поживившись во время налета на деревню Скавшин, фашисты ринулись на Домановичи. Хомицевичу с группой удалось скрыться, а Яков попал в руки оккупантов.

Фашистская нечисть ликовала. В штаб был послан хвастливый рапорт, что разгромлен крупный центр большевистского подполья и в ближайшие один-два дня все подпольщики на Полесье будут выловлены и уничтожены. Самонадеянным оккупантам, которые привыкли к легким победам, на Западе, и в голову не могло прийти, что на советской земле все будет иначе. Они думали, что если попал в руки один партизан, то скоро попадут и остальные. Своя, мол, рубашка ближе к телу: пообещай человеку жизнь, он все расскажет.

Уверенные, что так поступит и Яков Кривальцевич, в штабе дивизии ему предложили сигарету и лист бумаги.

— Пиши, — сказали ему, — старайся припомнить всех.

Офицер с переводчиком вышли, в комнате остался только часовой.

Через некоторое время офицер вернулся. Сигарета лежала перед Яковом на прежнем месте, на листе бумаги не было ни одной буквы. «Рус неграмотный», — решил офицер и приказал переводчику записать все, что скажет арестованный.

Переводчик сел напротив и уставился змеиными глазками на

Кривальцевича.

— Что, только крестики ставить умеешь? — насмешливо спросил он. — Говори, я сам запишу.

— Запиши на своей шкуре, — спокойно ответил Кривальцевич, — что мы не те, за кого ты нас принимаешь!

Офицер вопросительно взглянул на переводчица, тот криво усмехнулся и процедил:

— Герой в лаптях, здесь это в моде.

— Скажи «герою», — небрежно бросил фашист, — что мы не любим медлить. Если ему трудно вспомнить то, что нам нужно, мы можем помочь.

Он постучал пальцем по кобуре, шатнул к окну и крикнул фашистскому прислужнику:

— Слушай, морда!

— Слушаю, господин, — подобострастно пролепетал переводчик, сгорбившись и моргая глазами.

— Не спеши! Скажи ему, что немецкие власти не остаются в долгу перед теми, кто оказывает им хорошие услуги. Рус может получить деньги и землю, которую у него отобрали большевики.

Переводчик старался изо всех сил.

— Земля у тебя была? — спросил он у Кривальцевича.

Яков молчал, в глазах его светились ненависть и отвращение.

— Конечно, была, — заспешил переводчик. — Только, наверно, маловато. Ну, при новой власти ты можешь получить больше… Тэ-эк… — переводчик оттопырил нижнюю губу, оскалил зубы, — и считай, что задарма, так себе, за какие-то пустячки…

— Собака! — с ненавистью проговорил Кривальцевич. — Выродок! И как тебя земля носит, — поганого!

В тот день допрашивали Кривальцевича несколько раз. Сначала старались обмануть его, подкупить, потом угрожали смертью, пытали. Штаб переехал в другое место, Якова забрали с собой. По дороге били его палками, ставили под расстрел, потом снова пробовали подкупить, вырвать признание обманом.

— Откуда он родом? — опросил вдруг офицер у переводчика.

— Как откуда? — не понял вопроса переводчик.

— Где его дом, семья, жена?

— В Скавшине, — ответил переводчик.

— Хорошо, мы его заставим говорить.

В Скавшине гитлеровцы заполнили двор Кривальцевича. Они собирались захватить его отца, жену, детей и пытать их до тех пор, пока арестованный не заговорит. Но хата была пуста, скавшинцы после фашистского налета почти все ушли в лес.

Тогда фашисты решили применить своеобразную психическую атаку: поломали мебель, побили посуду, забрали

одежду, зерно. Потом подожгли гумно, хлев, хату, а Кривальцевича держали на улице, чтобы он все это видел.

Ничто не поколебало мужественного советского человека. Он погиб, не сказав фашистам ни слова о партизанах. Самоотверженный, глубоко патриотический поступок Якова Кривальцевича, рядового колхозника, настоящего беспартийного большевика, глубоко запал нам в сердца, взволновал своим величием и благородством. Тяжело было, что человек погиб, не успев проявить все свои силы, развернуть все свои способности. Но это еще раз подтверждало, что силы наши непобедимы, что такой народ, как наш, никогда не покорится врагу. Какая несокрушимая сила, какое мужество! Первые дни войны… Еще не собраны силы в тылу врага, еще кое-где прячется по углам неуверенность, а этот рядовой советский человек, не колеблясь, выступил против оккупантов. Он смело смотрел в лицо смерти и не задрожал, не похолодел от страха. И он победил, хоть и отдал за победу свою жизнь…

Смерть Кривальцевича была тяжелой утратой и очень серьезным предупреждением нам всем. Стало ясно, что наша тактика нуждалась в некоторых изменениях. В первые дни подполья мы не требовали от партизанских групп перехода в лес на боевое положение. Некоторые из них оставались в своих деревнях, обрастали резервами, препятствовали появлению полицейских гарнизонов. В этом было немало положительного. Однако жизнь показала, что отрицательное все же перетягивало чашу весов. Живя у себя дома, партизаны иногда забывали о строжайшей конспирации, допускали ослабление боевой дисциплины и легко могли попасть в ловушку.

На бюро обкома мы решили перевести всех старобинских партизан на лагерно-боевое положение, как следует вооружить их и подчинить единому руководству — бюро подпольного райкома партии.

Курс взят на то, чтобы с первых же шагов своей деятельности партизанские группы становились партизанскими отрядами, привыкали вести широкие боевые действия, маневрировать и оказывать сопротивление захватчикам. Если у партизан будут успехи в борьбе с врагом, им будет обеспечена и поддержка народа. Люди и у себя дома не подведут и в лес дорогу найдут.

VIII

К концу августа подпольный обком КП(б)Б перешел на более удобное для работы место — Червонное озеро. Этот чудесный уголок природы славится своей живописностью на всю Белоруссию. В зелени лесов, среди густых зарослей и лугов раскинулась широкая, светлая озерная гладь. Возле озера, там, где берега повыше, растут тенистые березы и вербы, склоняясь своими ветвями до самой воды.

Много легенд ходит на Полесье об этом озере. Одна из них говорит, что в незапамятные времена жил у Князь-озера, так тогда называлось оно, старый рыбак Андрей с дочерью Надейкой. И такая она была красавица, что во всей округе подобной не сыщешь. От сватов отбоя не было: за сотню верст приезжали. Только от Надейки всем отказ. Слюбилась она с панским сокольничим Иваном.

Посредине озера, на острове, окруженный дубовыми стенами стоял тогда княжеский замок. И был тот Иван самым лучшим сокольничим у князя. Стал Иван просить князя, чтобы позволил ему жениться на красавице Надейке.

— Хорошо, — говорит князь, — только сначала я хочу посмотреть, на ком ты женишься. Понравится невеста — помогу тебе свадьбу справить!

Один раз, возвращаясь с охоты, заехал князь посмотреть на суженую Ивана. Как взглянул на красавицу девицу, сердце у него загорелось. И задумал князь черную думу.

— Ну что ж, — говорит, — любимый мой сокольничий, справляй свадьбу. Я тебе буду посаженым отцом.

Устроили гулянье, собрались гости. Повенчали Ивана с Надейкой. Сидят они в красном углу, как пара голубков белых. Тогда встает посаженый отец их — князь, как черная туча над озером.

— Гей вы, слуги мои верные! Не было еще случая, чтобы раб мой брал жемчужину из моего княжества. Возьмите сокольничего, закуйте ему руки кандалами, а Надейка моей будет.

Онемели гости от неожиданности, потом пошел среди них ропот:

— Не по совести поступаешь, князь…

Разъярился князь. Приказал гостей из замка вышвырнуть. Еле успели они с острова на лодках перебраться.

А над озером туча встала, черная-черная. Молнии по небу так и блещут. Подошла туча к замку, нависла над ним, и начали молнии по башням бить. Загорелся замок как свечка. А потом

остров вместе с замком стал в озеро уходить и исчез под водой…

Еще не так давно одни легенды и витали вокруг Червонного озера. Берега его были недоступны: на десятки километров лежали вокруг гнилые, зыбкие болота. Попы охотно поддерживали таинственные, религиозно-мистические легенды об озере. Это привлекало людей в богатую церковь, отстроенную в деревне Червонное озеро. От церкви через болота к озеру и дальше к ближайшим деревням была прорыта канава. В дни больших церковных праздников крестьяне на лодках-душегубках приплывали по канаве на богомолье. Это был единственный путь, который соединял полесские деревни, отгороженные друг от друга непроходимыми болотами. Местные жители прозвали эту канаву «ездовней».

В годы первых пятилеток колхозники расчистили и расширили «ездовню», она стала мелиоративным каналом. От него пошли каналы поменьше. Десятки гектаров непролазной топи были таким образом осушены и превращены в поля. Червонноозерские колхозы собирали здесь богатейшие урожаи зерна, овощей. Это был самый урожайный уголок Старобинщины.

Я когда-то работал секретарем Старобинского райкома партии и часто бывал на озере. В то время я не думал, не гадал, что этот красивейший уголок Полесья станет пристанищем подпольного обкома партии, одним из центров боевых действий партизанских отрядов Полесья и Минщины. А когда началась война, именно так и случилось, — ведь район Червонного озера как нельзя лучше соответствовал основным требованиям подпольной работы.

За несколько дней до нашего прихода на Червонное озеро произошло очень важное событие.

Однажды под вечер Меркуль и Бондарь отправились в Окавшин. Шли, как и всегда, болотом. Вдруг из лесу показались «вооруженные люди в гражданской одежде. На фашистов это было не похоже — они ходили больше по дорогам.

На всякий случай Бондарь и Меркуль притаились за стогом. Неподалеку пожилой бородатый человек сгребал отаву. Они попросили его узнать, что это за люди. Бородач, видно, был не из боязливых, взял баклажку и пошел к лесу, как будто за водой. Увидев, что он идет в их сторону, люди остановились, и невысокий грузный мужчина, перетянутый ремнями, «вышел вперед и махнул ему рукой.

— Он похож на одного моего знакомого, — сказал Меркуль, — но ручаться не могу, лицо плохо видно.

Неизвестные долго беседовали с бородачом и, должно быть выведав все, что им нужно, отпустили его, а сами нырнули в

густой ельник.

Евстрат Денисович Горбачев.

Партизаны и представители Пинского обкома партии в штабе минских партизан.

Вернувшись к нам, бородач рассказал, что люди эти опрашивали дорогу на Любань, сами они из-под Пинска. В группе около двадцати человек. Попытаться задержать их — опасно, могут открыть огонь, а упустить их нельзя. Пришлось идти на риск.

Бондарь залег под стогом, а Меркуль через кустарник побежал наперерез незнакомцам. Но все обошлось как нельзя лучше. Это были пинские партизаны. Командовал ими бывалый и опытный человек Василий Захарович Корж. Я встречался с ним в первые дни коллективизации и некоторое время вместе работал на Старобинщине. Старый коммунист, опытный работник, Василий Захарович пользовался большим авторитетом в районе. Он был в Испании и в рядах бойцов республиканской армии боролся против испанских фашистов. Перед войной работал в Пинском обкоме партии.

Мы знали, что Корж оставлен на оккупированной территории. Еще в то время, когда Но приказыМинский обком партии находился на Мозыре, я встретился с Минченко, приехавшим к нам из Пинской области. Он коротко рассказал о подполье и о том, что Корж остался на Пинщине в качестве командира партизанского отряда. На одном из заседаний бюро обкома партии я говорил о необходимости связи с Коржем. И вот теперь он здесь. Встреча была радостной, дружеской. Оказалось, что отряд пришел из-под Пинска. Корж, узнав, что здесь у нас действуют партизанские отряды и где-то в этих местах находится

Минский подпольный обком партии, решил пойти на связь с нами, воевать вместе, развернуться как следует, а когда позволят условия, вернуться на Пинщину.

Появление Коржа на Старобинщине имело для нас большое значение. У нас были смелые и инициативные партизаны, отважные люди, способные на самые героические дела, но им недоставало командира, опытного в партизанской войне. Таким командиром мог стать Корж. Мы были уверены, что он сумеет придать более широкий размах партизанскому движению на Старобинщине. Наши партизанские группы использовали главным образом тактику засад. Это было правильно: в первый период борьбы ничего лучшего и не придумаешь. Группы были небольшие и разрозненные. Но теперь назрела необходимость в разнообразной и многогранной партизанской тактике. Многие группы выросли в отряды, некоторые объединялись. Становилась возможным проведение крупных операций, а при этом потребуется координация действий. Вот здесь и встанет на свое место Корж. Он успешно справится со своей задачей, если бюро районного комитета КП(б)Б даст ему хороших помощников и умело использует опыт старого воина.

Так в обкоме был оценен факт появления Коржа на Старобинщине. В письме я намекнул Василию Захаровичу на это, но не требовал, чтобы он сразу принял на себя командование старобинскими партизанами. Может быть, у человека свои планы, свои намерения? Но потом я подумал и другое: какие тут свои планы? План один — громить врага!

…Червонное озеро нас очень устраивало. Оно находилось на стыке нескольких районов. Отсюда легко связаться с соседними районами: Житковичским, Копаткевичским, Петриковским и Ленинским. Правда, они были не нашей области, но для партизанской борьбы это не имело значения. Нас очень интересовали Минск, Бобруйск, Осиповичи, Слуцк. Через Любань я Старобин мы могли связаться и с этими городами. Кроме того, нам стало известно, что недалеко от озера, в деревне Рот, находится много раненых бойцов Красной Армии. Некоторые из них уже подлечились, но не знали, что им делать. Их помощь очень пригодилась бы нам. Твердо надеясь на солдат и актив червонноозерцев, обком, отправляясь на озеро, отказался от предложения Меркуля взять из отряда несколько бойцов. При обкоме должна бы быть небольшая, но по-настоящему боевая, оперативная группа. Действия наши с каждым днем расширялись и усложнялись. Нужны были люди для связи с остальными группами, отрядами, с городами, районными центрами и для многих других целей. Эту группу мы решили создать на месте.

Прибыв на озеро, я вызвал из деревни начальника почтового отделения коммуниста Якова Бердниковича. Он немедленно явился. Из беседы выяснилось, что здесь имеется по крайней мере полтора десятка человек, которые уже действуют как партизаны, и большое количество людей, готовых хоть сегодня вступить в отряд. Мы поручили Бердниковичу связаться с ними, а сами занялись устройством жилья.

Многое изменилось на озере с того времени, когда я бывал здесь на мелиоративных работах. Иной раз встретишь знакомое место и так обрадуешься, что оно за несколько лет мало изменилось и ты смог сразу его узнать. Но здесь все было иначе. Я долго ходил у берега, выбирая укромный уголок для размещения подпольного обкома. Мне хотелось увидеть те места, где я когда-то отдыхал после долгих скитаний по участкам. Почти ничего из того, что так ярко запечатлелось в моей памяти, я не нашел. Даже лес, который так красиво раскинулся возле озера, и тот казался иным.

Под одним из деревьев мы облюбовали уютное местечко. Шофер Войтик занялся устройством шалаша, а мы вчетвером начали обсуждать план наших дальнейших действий. Ощущалась настойчивая необходимость укрепить связь с остальными районами. Нас беспокоило, что уже несколько дней не было известий из Любани. Я намеревался послать туда Войтика, в Краснослободский район — Бородича. В Копылском, Гресском, Руденском и смежных с ними полесских районах надо было побывать самим.

В Краснослободском районе партизанами руководил секретарь райкома партии Жуковский, в Копыльском — инструктор райкома Жижик, в Гресском — заведующий военным отделом райкома Заяц, в Стародорожском — Петрушеня, в Руденском — Покровский, в Борисовском — Яраш, Ходоркевич, в Бегомльском — Манкович, в Червенском — Романенко, Плоткин, Кузнецов, в Смолевичском — Марков, в Плещеничском — Ясенович. Надо было шире развернуть работу партийных и комсомольских организаций, подобрать кадры и везде создать подпольные райкомы. Это была нелегкая задача. Большая часть партийных работников ушла на фронт, некоторые эвакуировались. Надо было находить новых людей, воспитывать их, втягивать в работу.

Мачульский, Бондарь и Бельский с наступлением ночи отправились в Красную Слободу, Капыль, Гресск, а мне предстояло связаться с полесскими районами. Мы считали также, что Мачульскому надо попытаться добраться до Минска, побывать в Борисове, Плещеницах.

На следующий день ко мне пришел Бердникович, и мы с ним отправились в деревню Рог. Любопытно было посмотреть, что там за бойцы, о которых здесь много говорили. Бердникович обрисовал их не очень привлекательными красками, но мне почему-то не верилось, что они такие беззаботные люди.

Деревня Рог своим внешним видом напоминала Красный Берег. Такая же она по величине, с такими же хатами. Только болот кругом меньше, да грунтовые дороги проходят не так далеко, как в районе Красного Берега.

На улице безлюдно. Одна женщина вышла со двора с пустым ведром, сделала шагов пять нам навстречу, потом, блеснув глазами, быстро побежала назад. Вскоре вышел парень в военной гимнастерке и уставился на нас пытливым взглядом.

— Что, не узнал? — насмешливо спросил Бердникович. — Не бойся, люди свои.

— Вас-то я узнал, — холодно ответил парень и не двинулся с места.

— Из тех самых? — тихо спросил я, когда мы немного отошли.

— Из них, — ответил Бердникович, — самый главный авторитет!

— Фашистов еще не было здесь?

Бердникович оглянулся по сторонам.

— Нет, фашисты еще не заглядывали, а вот житковичские полицейские, — не скрывая тревоги, сказал он, — повадились, уже несколько раз были. Все этих ребят выслеживают. Недавно нашли одного, еще совсем больного, с тяжелой раной в груди. Вытащили из каморки, взвалили на телегу и повезли, должно быть, в свой участок. А женщину, которая прятала парня, избили до полусмерти.

Мы зашли в небольшую хату в конце деревни. Встретила нас молодая хозяйка, в белом платке, смуглая, с бойкими карими глазами. Бердниковичу она сдержанно кивнула головой, а на меня посмотрела долгим испытующим взглядом.

— Свои, — сказал Бердникович. — Принимай гостей, Наталья.

Он, видимо, на правах близкого человека в этом доме пригласил меня сесть, не ожидая, пока это сделает хозяйка, потом присел у стола сам. Наталья все бросала на меня короткие пытливые взгляды.

— А где же твоя старуха? — обратился к ней Бердникович.

— А там где-то, на огороде, — быстро ответила Наталья, — с картошкой мы еще не управились. Может, позвать?

— Нет, не надо, пусть себе копается. А молодой твой где?

Женщина вспыхнула:

— Какой молодой?

— Ну, тот самый, с зелеными петлицами.

— Какой же он мой? — вдруг повысила голос Наталья. — Какой же он мой?! — И, обращаясь уже ко мне, с жаром продолжала: — Человек кровью истекал, пуля плечо насквозь пробила, ну, подобрала я, выходила… Так разве ж это мой? Поправился, встал на ноги и пускай себе идет, куда надо… Я давно ему говорю, чтобы шел к своим, на фронт. И он пойдет, вот только еще один его товарищ поправится.

— Хорошо, хорошо, — успокоил ее Бердникович. — Никто тебе плохого не говорит, иди скажи ему, пусть позовет сюда этих военных. Скажи, что командир партизанского отряда приехал и хочет с ними поговорить.

— Сейчас, — ответила женщина и выбежала из хаты.

— Боевая, — заметил вслед ей Бердникович. — Сама хочет идти в партизаны, да свекровь не с кем оставить. Муж еще в тридцать девятом в армию ушел. Она живо их соберет. Ее слушаются, а меня, черти, должно быть, намеренно избегают.

И военные и самом деле скоро явились. Они пришли под командой того самого сержанта, который встретился нам на улице. Сержант в полной военной форме, туго подпоясанный солдатским ремнем, оставив своих товарищей в сенях, попросил разрешения войти, прищелкнул каблуками и доложил, что команда в сборе, за исключением одного бойца, который еще не может ходить. После этого он назвался — Иван Петренко.

Зашли все в хату. Наталья быстро разместила их и сама присела у печки.

— Ну что ж, ребята, — обратился я к бойцам, — подлечились, набрались сил?

— Подлечились, товарищ… — поднявшись, начал сержант и запнулся.

— Что, не знаешь, как дальше, с кем имеешь дело? Для того и встретились, чтобы познакомиться.

И тут вдруг заговорила Наталья. Она даже раскраснелась от волнения, вскочила с места.

— Я ж тебе говорила, кто это, я ж тебе говорила!.. И что он сомневается, если ему правду говорят? Ну, что это за человек такой упрямый?

Наталья сделала шаг ко мне.

— Я вас узнала, товарищ Козлов. Как только в хату зашли, так и узнала, да не решилась сказать. В прошлом году было совещание в Минске — всех колхозных передовиков вызывали. Видела я вас там и слышала, как вы выступали.

— Да кто же сомневается? — переступая с ноги на ногу, оправдывался сержант. — Все ясно, и нечего сомневаться, я просто слова нужного не нашел… А если бы сомневался, не привел бы ребят. Слушаем вас, товарищ командир.

— Оружие у вас есть? — спросил я.

— Есть.

— В порядке?

— В полном порядке, — ответил сержант.

— Пора приниматься за дело, ребята, — уже тоном приказания сказал я. — Будете помогать нашим партизанским отрядам. Вы, сержант, назначаетесь старшим группы.

— Есть, — козырнул сержант, и голос его дрогнул. — Мы уже давно, товарищ командир, хотели вернуться к оружию, да, по правде сказать, не знали, куда податься, с чего начинать. Оторвались немного мы…

Было назначено место и время сбора. Бердникович отправился уведомить своих. На обратном пути на улице я подозвал сержанта Петренко и показал ему фашистскую листовку, которую только что принесла мне Наталья. В листовке было напечатано, что гитлеровская армия подошла уже к самой Москве, что через месяц-два большевики капитулируют и во всей России будет установлен лучший в мире «новый порядок».

— Это вы видели? — спросил я.

— Видели, — покраснев, ответил сержант. — Прошлой ночью кто-то подбросил.

— Вот то-то и оно, что прошлой ночью. Фашистский прихвостень, агент гестапо у вас под носом листовки разбрасывает, а вы тут погуливаете… Пора бы вам знать, что пустых мест теперь не бывает и не может быть: если не мы, так враг.

И, отведя парня в сторону, я приказал:

— Сейчас же пошлите своих бойцов по всем соседним деревням, чтобы расклеили везде наши листовки.

Я дал сержанту экземпляров пятьдесят листовки, недавно выпущенной подпольным обкомом партии. В листовке рассказывалось, что наши войска ведут беспощадную борьбу с врагом, отстаивая каждую пядь советской земли, а гитлеровцы несут большие потери в живой силе и технике, что в тылу разгорается пламя партизанской борьбы и сотни тысяч патриотов Белоруссии поднялись на всенародную битву с ненавистными фашистскими поработителями. Листовка призывала население не верить фашистской лжи и активно участвовать во всенародной борьбе с врагом.

Через несколько дней в лагерь пришел связной от Меркуля.

Это был счетовод Старобинской МТС Степан Петрович, которого я знал еще с того времени, когда работал директором этой МТС. Петрович доложил:

— Пришел с донесением штаба.

— Что ж, давай сюда.

— Вот я сейчас все расскажу.

— А письменно?

— Ничего не писали, Василий Иванович, остерегались фашистов. По району рыскают отряды эсэсовцев, — наши засады растревожили оккупантов. Я и так все помню, все до мелочей — был же там, своими глазами видел.

И Петрович начал рассказывать. Голос его звучал молодо и даже торжественно, когда он говорил об успехах партизан, глаза искрились радостью. На его загорелом, уже далеко не молодом лице часто появлялась веселая усмешка. Наиболее меткие слова он подкреплял выразительными жестами, и доклад получился очень волнующим.

— Вчера между Сухой Милей и Листопадовичами мы загнали в болото фашистский эскадрон, — рассказывал он. — Наша разведка донесла, что каратели едут в Листопадовичи. Ну, известно, зачем едут. Дня два тому назад они побывали в Пруссах, Чепелях, Погосте, Чапличах, Зажевичах. Мы уже знали про их зверские расправы. Они выгоняли на улицу мужчин, ставили их в ряд, потом выводили каждого десятого и расстреливали. Это за то, что эти люди будто бы связаны с партизанами.

По дороге в Листопадовичи в одном месте есть гать. По обеим сторонам гати густой кустарник, болото вязкое, почти непролазное. Перед этим дождь прошел, так оно совсем в трясину превратилось. Меркуль решил замаскировать засады в обоих концах гати. Я был в передней засаде. Мы взяли ручной пулемет, семь автоматчиков и нескольких бойцов с винтовками. Командиром у нас был Никита Бондаровец. В другой засаде тоже был ручной пулемет и три автомата. Семеро партизан были вооружены винтовками. Второй засадой командовал Федор Ширин — инструктор Старобинского райкома партии.

Сидим, ждем. Появились фашисты, мы даем им возможность взойти на гать. И когда последняя пара всадников отъехала от нас шагов на пятьдесят, Ширин вдруг ударил из пулемета. Автоматчики били метко, короткими очередями, пулемет стучал из болота глухо и грозно, звуки двоились. Создавалось впечатление, что здесь залегли большие силы. Несколько вражеских солдат упало, перепуганные кони рванулись назад, в стороны, сбивая с ног пеших. Фашисты повернули назад, а тут

встретили их мы. И пошло!.. Ширин косит их с одной стороны, мы — с другой. Что делалось, Василий Иванович, если б вы видели! Сбились они в кучу, дико кричат, падают на землю. Прыгают фрицы в болото и там вязнут. А мы поливаем, а мы поливаем!.. Меркуль приказал патронов не жалеть, уничтожить весь эскадрон и за счет трофеев пополнить свои боеприпасы.

Так и сделали. Не оставили на гати ни одного живого врага. Многие, конечно, бросились в болото, только это их не спасло. Мы разместились так, что куда бы фашисты ни кинулись, всюду попадали под обстрел.

Было радостно слышать, что старобинцы применяли правильную тактику партизанской борьбы: не окапывались на одном месте, не засиживались где-нибудь в глуши, а все время маневрировали, переходили с места на место, внезапно появлялись там, где противник их не ожидал, делали засады, налеты, а потом исчезали, чтобы нанести удар в новом месте.

Я поручил Петровичу передать командованию отряда благодарность областного комитета партии и директивы о дальнейшей деятельности отряда. Старобинцам следовало смелей втягивать население в партизанскую борьбу, расширить сеть связных, заслать своих людей в старобинский и погостский фашистские гарнизоны, как можно скорее установить непосредственную боевую связь с соседними районами.

Нам нужен был связной от основного Старобинского отряда. Петрович как нельзя лучше подходил для этого. Тем более что в это время обком готовил пересылку в ЦК КП(б)Б всех наиболее важных захваченных документов.

— Пойдешь в отряд, — сказал я ему, — доложишь обо всем и снова вернешься сюда. Скажи Меркулю, что ты останешься «при обкоме партии.

— Есть, — с довольным видом козырнул Петрович, но с места не сдвинулся.

— Что, боишься идти среди белого дня?

— Нет, не боюсь, — переминаясь с ноги на ногу, ответил Петрович. — Тут у меня еще одно дело есть. Товарищ Меркуль приказал доставить вам вот это… Сказал — доставить во что бы то ни стало и отдать вам лично. Эту вещь принес для вас один человек из Чижевич. Помните, с кем вы однажды встретились на болоте у Крушников?

— Федор Вишневский?

— Да, он.

— Так я ведь у него ничего не просил. Мы разговаривали всего минуты три, я торопился тогда на собрание подпольной группы.

— Это ничего, что мало разговаривали, а он все-таки заметил, в чем вы нуждаетесь.

И Петрович вытащил из мешка сапоги, добротные юфтевые сапоги на твердой подошве, с высокими, как у охотника, голенищами.

— Сам для вас сшил, — продолжал Петрович, — а потом несколько суток плутал по полесским деревням, пока не нашел человека, через которого можно передать вам подарок.

— А сам Меркуль и теперь в рваных сапогах ходит?

— Нет, он уже приобулся немного и приоделся. Сапоги ему пошили в Крушниках, достал где-то папаху, плащ, черные усики отпустил и теперь даже на Чапаева немного смахивает.

Федора Вишневского я знал мало. Встречались когда-то. С кем не приходилось встречаться за многие годы работы в районе! И вот человеку захотелось помочь мне в тяжелую минуту. Я понимал, что он не только меня имеет в виду. Этим он хочет помочь всем нашим партизанам. Я поручил Петровичу обязательно связаться с Вишневским и передать ему мою сердечную благодарность.

Позднее Старобинский подпольный райком партии организовал в деревне Чижевичи крепкую патриотическую группу. Федор Вишневский был одним из самых активных членов этой группы.

IX

Бердникович привел на Червонное озеро свою партизанскую группу. Пришли и те военные, с которыми я недавно беседовал в деревне Рог. Их привел сержант Петренко. Люди сразу перешли на лагерное положение. Дня три они копались в земле, таскали откуда-то доски, бревна — делали землянку. Шофер Войтек, как партизан с солидным стажем, был, видно, не против взять на себя функции прораба, но скоро выяснилось, что эти ребята — народ опытный и в консультантах не нуждается.

— Бери-ка лопату, — сказал Петренко, когда Войтик, стоя в стороне, попробовал давать ему свои советы.

— Я уже копал, — с независимым видом ответил шофер, — поройся теперь ты.

— Ну, так не командуй!

Назрела необходимость заняться Житковичским и Копашевичским районами. Вести оттуда доходили не очень хорошие. Полицейских и всякого другого сброда там много, а коммунистов, настоящих патриотов что-то не слышно. Было ясно, что, если мы не организуем широкого большевистского подполья, эти районы могут стать опорными пунктами врага в его борьбе против партизан, гнездом шпионов и диверсантов. Фашистам было удобно наступать отсюда на Старобинский, Любанский, Домановичский, Октябрьский, Петриковский, Ленинский и другие районы.

Я послал в Житковичский район председателя колхоза Ивана Рогалевича с группой партизан, а в Копаткевичи — Якова Бердниковича. И у того и у другого там были родственники и хорошие знакомые. С их помощью легче было узнать обстановку в районах. Необходимо было как можно скорее связаться с местными коммунистами, выяснить, что они делают для развертывания партизанского движения, и узнать, какая им требуется помощь.

В лагере остались военные и несколько местных жителей. Партизаны добросовестно несли охранную службу, поддерживали суровую дисциплину, но я заметил, что в деревню Рог наши военные все-таки наведывались. Это было небезопасно — лагерь подпольного обкома могли быстро рассекретить. А нам необходимо пробыть здесь по крайней мере недели три, хотя бы до тех пор, пока не придут наши связные из Краснослободского, Копыльского, Стародорожского и Гресского районов, пока не получим точные сведения из Полесья и не создадим сильные боевые отряды и группы. Я сказал об этом сержанту, он начал

уверять, что ни один из его товарищей в деревне Рог не был и нашей стоянки не рассекретил.

Через несколько дней ему пришлось пойти на попятную. Должно быть, товарищи прижали его. Он снова пришел ко мне, долго мялся, краснел, говорил обо всяких посторонних вещах, а потом несмело заявил:

— Та наша хозяйка, что вас тогда узнала, Наталья… Помните?

— Ну помню. Так что?

— Так вот, эта самая Наталья просится в наш отряд.

— Почему она ваша хозяйка, если у нее квартировал только один из ваших?

— Это правда, что один, но мы все в ее хате собирались. Наталья для нас самый близкий человек.

— Откуда вам известно, что она хочет в отряд?

Петренко еще больше покраснел, а потом признался:

— Был там один из наших, мимоходом завернул, минуты на три, не больше. А насчет военной или другой какой-нибудь тайны, так вы не подумайте плохого, товарищ командир. Ребята у нас службу знают. Кому-кому, а вам известно, что в пограничники не берут таких, которые много болтают. Пограничники крепко держали границу на замке. Никогда в нашем Житковичском погранотряде враг через границу не пробирался, поэтому и в лагерь подпольного обкома не проберется.

— Службу знают, а самовольно в деревню ходят?.

— Разве это самовольно? — оправдывался сержант. — Я ж говорю, по дороге человек зашел воды напиться: зашел и сразу же вышел.

— Ну, это ты своей бабушке расскажи! — вдруг вмешался в разговор Войтик.

И между ними завязалась перепалка. Они часто спорили между собой, но до серьезной ссоры у них еще не доходило.

Спустя некоторое время Наталья стала нашей связной.

Со дня на день я ожидал, что к нам придет кто-нибудь из любанцев, но время шло, а никто не появлялся. Я приказал Войтику связаться с ними. Пусть узнает, в чем дело, почему люди уже около двух недель молчат. Ходят слухи по Полесью: любанские, октябрьские партизаны в одном месте мост взорвали, в другом — фашистский склад сожгли, гитлеровцев побили. Официальных же донесений в обком за последнее время не поступало.

Войтик вскоре отправился в путь, но часа через два вернулся. Было уже темно.

— В чем дело? — удивился я, увидев его. — Заблудился?

— Нет, я дорогу знаю.

— Боишься идти ночью?

— Не боюсь, да незачем идти, раз к нам люди пришли. Мы встретились по дороге.

Часовые привели в землянку двух человек. Это были Варвашеня и Горбачев.

Я обрадовался им, как родным братьям. Становилось холодно. Осень дышала на Червонное озеро, и что ни день, то сильнее. Сначала пожелтел вокруг ольшаник и березняк. От легкого ветерка осыпались листья, падали на берег, в воду, образовывали на черных торфяных полянах яркие прихотливые узоры. Молодые дубки стояли еще зеленые, но листья их с каждым днем теряли свою свежесть. Только ивняк упорно не поддавался осени и зеленел по-прежнему.

Казалось, что он охраняет озеро от холодов. У самой воды и на кочках, которые до верхушек погрузились в воду, зеленела трава.

Мы зашли в землянку, которую с таким же успехом можно было назвать и шалашом, так как она только наполовину была в земле. Разместились кто на чем. При скудном свете коптилки я вглядывался в лица своих товарищей. Варвашеня был все такой же, как и прежде, бодрый и энергичный. Он весело улыбался, как улыбается человек, вполне довольный своей судьбой и всем окружающим. Горбачев отпустил светлую, аккуратно подстриженную бородку; пучок усов, более темных, чем бородка, словно приклеенный, торчал на верхней губе. Я понимал, для чего ему все это понадобилось. Он долгое время работал в здешних районах, его хорошо знали, а в наших условиях это не очень удобно. Я тоже начал отращивать себе усы.

Мы долго разговаривали о любанских, краснослободских, слуцких делах. Горбачев рассказал, с какой радостью население Любанщины встретило известие о присвоении Бумажкову и Павловскому звания Героя Советского Союза и о награждении секретаря Краснослободского райкома партии товарища Жуковского орденом Ленина. Это было большой радостью для всех нас. Подсев ближе к огню, Горбачев достал из-под распоротой подкладки своей поддевки «Правду» от 18 августа 1941 года.

— Весь мир теперь знает о наших героях, — с гордостью сказал он. — В первые дни они воевали вместе с нашими регулярными частями против гитлеровцев. О их подвигах командование фронта доложило Верховному Главнокомандующему. Вот статья Бумажкова, с трудом, но достали!

— Прочитайте! — еле сдерживая радостное волнение, попросил Войтик.

Горбачев поправил фитилек в коптилке и начал читать:

— «Наш партизанский отряд был создан в первые дни войны. Сначала он насчитывал только восемьдесят человек. Среди них были представители партийного, комсомольского, советского и колхозного актива, они и составили ядро отряда. Командиром назначили меня, а помощниками — товарищей Федора Павловского, Чередника и Царенкова. Разделившись на взводы и отделения, мы приступили к военным занятиям: научились маскироваться, мастерству владеть оружием, пользоваться топографической картой, компасом. Приобрели мы и необходимые знания саперного дела. Доставили аммонал, заминировали мосты, вырыли окопы. Сотни бутылок с горючим держали наготове. Партизаны обошли все деревни, подобрали себе везде доверенных людей, договорились с ними о явочных квартирах, местах сбора, партизанском пароле. В местах, недоступных врагу, были спрятаны запасы оружия, боеприпасов.

В один из июльских дней на территории нашего района появились фашистские танки. Они собирались форсировать реку, чтобы овладеть районным центром. Вот тут и началась наша боевая работа. Дождавшись удобного момента, партизаны взорвали мост и встретили врага шквалом меткого огня из пулеметов и винтовок. Гранаты полетели под гусеницы танков. Пригодились и заготовленные бутылки с горючим. Переправа гитлеровцев через реку была сорвана: пятнадцать вражеских танков и столько же бронемашин вышли из строя.

Не раз пробовал враг форсировать реку. Везде его отбивали партизаны. Наши оборонительные сооружения сыграли важную роль: партизаны поражали фашистов из окопов, из укрытий, из ям. Враг нес огромные потери. Каждый рубеж — река, овраг, роща — стал настоящей крепостью, даже мирное с виду поле превращалось в опасную ловушку для врага. Несколько дней мы сдерживали натиск гитлеровцев Люди совершали героические подвиги, не думая об опасности. Вскоре Красная Армия выбила фашистов из района. Отряд двинулся вперед и пробрался во вражеский тыл. Мы

добывали ценные сведения о противнике, портили железнодорожные пути, захватывали обозы с боеприпасами и продовольствием. Группа партизан во главе с товарищем Павловским в глубоком тылу врага подорвала четыре железнодорожных моста. Возвращаясь в свой лагерь, партизаны выследили и атаковали штаб фашистской части. Уничтожив личный состав, смельчаки захватили важные документы, которые были переданы потом Красной Армии».

Горбачев на минуту остановился, окинул нас взглядом.
— Смелая работа! — широко улыбаясь, заметил Варвашеня.
Горбачев продолжал читать:

— «В тылу врата наш отряд имел более десятка боевых стычек. Мы уничтожили десять фашистских бронемашин и танков, свыше пятидесяти мотоциклистов и захватили большое количество боеприпасов.

Партизанский лагерь находится в глухом лесу, в котором нетрудно заблудиться даже старожилам. Как правило, в лагере находятся только те, кто охраняет боеприпасы, оружие и продовольствие, а также раненые и больные. Весь партизанский отряд никогда не должен оставаться на одном месте. Фашистские бандиты сбились с ног, стараясь выследить наш отряд.

Как мать заботится о своих детях, так заботится о нас все население. Через доверенных людей в деревнях партизаны всегда знают о всех переходах и планах врага. В одной деревне живет колхозник М. Рискуя жизнью, этот патриот самоотверженно служит своему народу. Один раз товарищ М. узнал, что в соседней деревне разместилась на отдых рота немцев. Сразу же условным знаком он довел это до сведения партизан.

Ночью партизаны перебили фашистов.

Наш партизанский отряд хорошо связан с регулярными частями Красной Армии, которые оперируют на фронте и в глубоком тылу врага. Несколько раз партизаны действовали совместно с воинскими подразделениями, участвовали в разгроме фашистских отрядов.

Ключом бьет в отряде партийно-политическая работа. Секретарь партийной организации Ушаков, секретарь комсомольской организации Катарский направляют коммунистов и комсомольцев на решение наиболее ответственных боевых задач, стоящих перед

отрядом.

Среди нас есть коммунисты, чей боевой опыт уже отмечен высокими правительственными наградами: Герой Советского Союза Павловский, награжденные орденами Красного Знамени Царенков, Маханько и другие передовые люди отряда.

Вместе с мужчинами борются отважные девушки: Надя Жуковская, Катя Сумаковская и Фекла Гуленка. Как сестры, девушки заботятся о партизанах. Они ухаживают за ранеными, систематически ведут разведку во всех направлениях. А если надо — берут винтовки и вместе с нами идут в бой.

Жестокая борьба с врагом в его тылу закалила людей. Ничем не примечательные в мирное время колхозники Бурьяш, Офик, Юковский, Ковалев, подростки комсомольцы Жуковец, Громыко, Миронович и десятки других стали на поле битвы народными богатырями, прославляющими боевыми подвигами свою великую Советскую Родину.

Наш отряд — один из многих тысяч белорусских партизанских отрядов. По всей Белоруссии бушует пламя партизанской войны.

Мы знаем: за нашей борьбой с вниманием и любовью следит весь советский народ. Это удесятеряет наши силы. Обезумевшим гитлеровским бандам не сломить нашего народа и его боевого духа. И не уйти фашистам от народной мести. Они найдут себе могилу на той земле, которую они пытаются поработить».

— Теперь и нам будет легче, — оживленно заговорил Варвашеня. — Люди верят в силу партизанскую и видят, как высоко ценит наше правительство партизанские подвиги. Только вот неизвестно, — лицо его сразу приняло немного озабоченный вид, — зачем Бумажкова отозвали из района. В Октябрьском районе остался, по существу, один Павловский.

— Там еще Маханько, Байраш, Царенков, — заметил Горбачев, — поможем им по-соседски. «Луферов рад будет. Он до войны часто помогал октябрьцам. Тем более что силы наши растут: к нам прибыл Савелий Константинович Лященя, бывший работник Лидского горкома партии. Он родом из деревни Живунь и хорошо знает Октябрьский район. Привет вам передавал. С ним два человека, я их пока что не знаю. Там же, по соседству с нами, появился товарищ Храпко с мозырьской истребительной группой. Это работник Полесского областного земельного отдела. У него в

группе много местных жителей и крепкая партийная организация. Во многих селах Октябрьского и Глусского районов храпковцы поставили бургомистрами своих людей, наладили связь с Бобруйском и там достают оружие, боеприпасы. Они уже не раз били врагов. Недавно возле деревни Козловичи Глусского района напали на вражескую колонну, разогнали ее, убили девятнадцать фашистов. В совхозе «Холопеничи» забрали с винного завода большой запас хлеба, завезенный туда немцами, и роздали населению.

— А как с теми районами? — спросил я Варвашеню.

— В Старых Дорогах я уже был, — ответил Варвашеня, поняв мой вопрос. — Брагин пошел в Осиповичи и еще не вернулся. В Старых Дорогах дело пойдет. Там Петрушеня — человек крепкий и большим авторитетом пользуется среди населения. Да и стародорожские колхозники помнят славные традиции гражданской войны, когда они боролись в партизанских отрядах.

— Петрушеня — заместитель председателя райисполкома?

— Да. У него уже есть хорошо вооруженная группа. Пожалуй, можно будет утвердить его секретарем подпольного райкома партии. В районе осталось и еще несколько коммунистов. Часть из них удалось собрать. Познакомил их с постановлениями бюро ЦК и обкома о задачах партийных организаций по развертыванию партизанского движения и лозунгом «Ни одного грамма хлеба врагу!».

— С этим у нас не везде благополучно, — глубоко вздохнув, сказал Горбачев.

— Почему же?

— Да дело в том, что у некоторых колхозников не поднимается рука на уничтожение колхозного добра, — ответил Горбачев. — Не хотят разбирать имущество по домам. Иной раз никакие убеждения не помогают. Пришел к нам недавно из Заболотья Жулега — вы, Василий Иванович, его знаете — и рассказал, что Заболотские коммунисты решили любыми средствами спасти колхозное имущество. Что можно было, спрятать — спрятали, а остальное добро, в том числе и скотину, решили раздать во временное пользование колхозникам. Созвали общее собрание, объявили об этом. И что вы думаете: поднялась такая заваруха на собрании, что едва уняли народ. «Не может этого быть! — кричат колхозники. — Никто не позволит растаскивать колхозы, как это можно?» Встал председатель колхоза Пакуш, авторитетный у них человек. «Вы что ж, — говорит, — и мне не верите? Я, кажется, никогда вас не подводил. Надо спасти имущество от оккупантов, ничего не дать врагу. Вы ведь знаете, что сказала об этом наша партия? Не удастся сберечь

— уничтожим, лишь бы не досталось врагу. Колхоз же останется, и мы, колхозники, останемся, только условия временно изменились, война идет не на жизнь, а на смерть, и врага мы должны уничтожить». — «А почему бы скотину в лес не загнать? — задал кто-то вопрос. — Построить навесы да перебиться до зимы, а там, бог даст, и наши придут».

Попробуйте что-нибудь возразить против этого! Скажете, что война кончится не скоро, — глаза люди выцарапают, с собрания прогонят. Да и самим, по правде говоря, не хочется верить, что война затянется. Так и решили на собрании прятать до зимы скотину в лесу — и прячут. Насчет недвижимого имущества, зерна, овощей, фруктов и других запасов спорили долго и, может, решили бы раздать людям под расписку, если бы не какой-то там их старый огородник Апанас Морозов. Как начал бушевать, как уперся, так хоть ты с ним что хочешь делай! «Где, — говорит, — в каком законе написано, чтоб можно было колхозное добро разбирать? По трудодням, кому полагается, другое дело, это я понимаю, а без трудодней — не может быть, этого я не понимаю и никого слушать не хочу. Покажите мне, — говорит, — такой закон».

Я вспомнил старого Апанаса. Человек с таким характером и в самом деле мог пойти против всего собрания.

— Упрямый старик, — взглянув на меня, сказал Варвашеня.

— И вот настоял на своем! — подхватил Горбачев. — Насолил бочки огурцов, яблок, груш намочил, попрятал все это по погребам. «Придут, — говорит, — наши, тогда видно будет, что с этим добром делать».

— Ну что ж, пусть старик прячет добро от врага, — заметил я. — Пусть колхозники и скотину в лес гонят, пусть даже в крайнем случае уничтожают ее. Тут важно одно: враг ничем не должен поживиться. Из этого и исходит решение обкома. В этом направлении мы и должны проводить массово-политическую работу.

— А вот у Трутикова, — Варвашеня тронул Горбачева за локоть, — там, по-моему, все правильно организовано.

— У кого? — переспросил Горбачев.

— Ну, в Озерном, у председателя колхоза Трутикова. У него все лучшие лошади и почти вся скотина эвакуирована в советский тыл. Урожай весь убрали и спрятали. Имущество — тоже в надежное место. Идешь по деревне — пусто, как метлою подметено. Сунется оккупант в деревню и сразу нос воротит — нигде ничего нет.

Горбачев утвердительно кивнул головой:

— Таких, как этот Трутиков, у нас в районе много. И старый

уже, под шестьдесят, а работник незаменимый!

Вскоре Горбачев стал собираться в дорогу.

— Не могу, не имею времени, — повторял он, когда Варвашеня предложил ему остаться до завтра, чтобы потом идти вместе.

— Там столько работы в районе, день и ночь делай — не переделаешь!

— А как там Ермакович? — спросил я.

— Летает по району, как вихрь, — махнул рукой Горбачев. — Ни одного часа на месте не сидит. Ни одного часа! Вместе с Пашуном они задают жару фашистам! Операция в Постолах дорого обошлась оккупантам. Они уничтожили там больше сорока фашистов. Гоняются гитлеровцы, рыскают за ними, а заодно и за нами. Плохо только, что эти ребята какие-то единоличники, никак не найдут настоящего пути. Отгородились от всех и вот уже третий месяц варятся в собственном соку: сами к людям не ходят и к себе никого не водят! На этих днях думаем вызвать их на бюро райкома. Ну, бывайте, товарищи, — снова заторопился Горбачев. — Скоро опять буду здесь. Ноги у меня длинные, дороги знакомые.

— А ты не очень увлекайся знакомыми дорогами, — с добродушной усмешкой посоветовал ему Варвашеня. — Гладкая дорога всем доступна — и добрым людям и врагам.

— Не беспокойтесь за меня, — по-военному выпрямив плечи, ответил Горбачев. — Я не попадусь!

Вдруг он повернулся ко мне и укоризненно взглянул на Варвашеню:

— Вот как иной раз получается: шли с докладом, а не обо всем важном сказали. Чуть-чуть не забыл: у нас теперь своя типография. Любанскую районную, типографию мы перетащили в лес почти со всем оборудованием. Тут группа Долидовича сильно помогла. Теперь можно не только листовки печатные выпускать, но даже газеты. Вот только бумаги бы достать. Но и тут у нас есть свои планы. Бывайте, товарищи!

Он козырнул, молодцевато повернулся и вышел.

— Деловой парень, — заметил вслед ему Варвашеня. — Только горяч немного, все время придерживать надо.

— Ну, они там с Луферовым поладят, — ответил я. — Один горячеват, другой холодноват — поделятся.

Мы составили обращение обкома к населению Минской области. Варвашене было поручено напечатать его в любанской подпольной типографии.

«Нельзя ждать ни минуты, — говорилось в обращении. — Необходимо начинать действовать сейчас же, быстро и

решительно. Для уничтожения врага используйте любые средства: душите, рубите, жгите фашистскую гадину.

Пусть почувствует враг, как горит под ним наша земля.

Действуйте смело, решительно, победа будет за нами. Нет такой силы, которая могла бы покорить советский народ!»

Вошел часовой и доложил, что задержаны трое неизвестных людей. Я вышел. Сержант Петренко сказал, что задержанные находятся далеко от лагеря, возле деревни Рог.

«Так возле Рога и вертятся бойцы, — подумалось мне, — тянет их туда, как магнитом».

Но то, что они выставляют посты далеко от лагеря, было похвально.

— Задержанные просят, чтобы вы сами туда пришли, — сообщил сержант. — Какой будет приказ?

Мы отправились к деревне. В густом ельнике нас окликнули. Сержант отозвался.

— Это вы, Василий Иванович? — послышался тихий голос, когда мы подошли ближе.

Я узнал Степана Петровича. Он отделился от толстой ели с низко свисающими ветвями, под которой стоял, и подошел к нам.

— Кто еще с тобой? — спросил я.

— А вот, — он показал на двух человек, которые сидели под этой же елью, прислонившись головами к стволу. — Устали очень, как сели, так сразу и уснули. Я не знаю их фамилий. Меркуль приказал провести, а мне как раз по дороге.

Ночь была темная; я наклонился и с трудом узнал Бондаря и Бельского.

— А Мачульский где? — вырвалось у меня, хоть Петрович не мог знать о Мачульском. — Третьего с вами не было?

— Нет, не было, — немного растерянно и огорченно, видя мою тревогу, ответил Петрович. — Они только вдвоем пришли. Только вдвоем, это я хорошо знаю.

Наш разговор разбудил Алексея Георгиевича. Он вскочил, и мы обнялись. Бельский с трудом держался на ногах. Я схватил его и прижал к себе.

— Натер ноги, — жаловался Иосиф Александрович. — Сапоги стоптались, текут — лихо им! — и режут ноги до крови.

— Придется на лапти перейти! — пошутил Бондарь.

«Что же с Романом Наумовичем? — не оставляла меня тревожная мысль. — Почему он не пришел вместе с ними, отправился куда-нибудь или несчастье какое стряслось?»

Я ожидал, что Бондарь или Бельский заговорят о нем. Они молчали, может быть, потому, что устали, а может быть, оставляли разговор до той минуты, когда мы останемся одни.

Когда мы вошли в землянку, я заметил, что моя тревога передалась и Варвашене. Он несколько раз оглянулся на дверь, как бы ожидая, что еще кто-то должен войти, а потом вопросительно посмотрел на меня.

Я пожал плечами:

— Кто его знает, что случилось.

Алексей Георгиевич заметил наше беспокойство.

— Ничего пока что не случилось, — спокойно сказал он. — Роман Наумович задержался, завтра или послезавтра должен явиться.

Через несколько минут Бельский отвел меня в сторону от землянки и полушепотом сказал:

— С Мачульским все-таки не совсем ладно. Пошел он в Слуцк, оттуда думал пробраться дальше. Должен был явиться на условленное место больше недели назад — и не явился. Мы ждали его несколько дней, а больше задерживаться нельзя было. Ушли, а там своего человека оставили.

— Кого вы там оставили? — спросил я.

— Веру Делендик, жену парторга Старобинской МТС. Тогда, в Крушниках, вы ей посоветовали перебраться в другое место. Теперь она возле самого Слуцка живет, у своих родственников.

— Пароль взяли?

— Есть пароль.

— Сегодня же пошлем туда связного.

Петрович стоял возле землянки с мешком в руках и нетерпеливо поглядывал на меня. Я заметил это и спросил:

— Что нового, товарищ Петрович?

— Пока что, можно сказать, ничего, — сделав несколько шагов ко мне, ответил Петрович. — Вот только Меркуль прислал.

— Снова Меркуль прислал? — перебил я его. — До каких пор он будет присылать? Пусть о себе больше заботится.

— Нет, Василий Иванович, — засмеялся Петрович, — это не то. Тут какие-то карты немецкие. Федор Ширин вчера утром подбил на слуцкой дороге немецкую легковую машину. Должно быть, штабисты ехали. Много карт и разных бумаг забрал у убитых офицеров. Меркуль просил посмотреть да переслать их куда надо.

В немецких полевых сумках находилось много топографических карт. Пометки на них были старые, поэтому они не представляли особого интереса.

Мы с Бельским нашли несколько шифровок и план операции одной гитлеровской части. Это уже другое дело!

Подошли Бондарь и Варвашеня.

— Надо послать связных в ЦК, — предложил я. — Доложим о

нашей работе, а заодно вот и эти документы доставим.

Члены бюро согласились. Но кого же послать? Одну кандидатуру я имел на примете — это Степан Петрович. Но послать одного нельзя — путь предстоял длинный и опасный. Надо было подготовить в дорогу не менее двух человек. После долгих размышлений мы остановились на шофере Войтике. Парень честный, выносливый и смелый. Рискованная командировка — мы это знали, но что делать? Связь с Большой землей нам необходима как воздух.

Мы написали докладную записку в ЦК КП(б)Б. Рассказали про наши первые шаги в подполье, про старобинские, слуцкие, любанские, октябрьские, руденские операции. Было что сказать и о других районах. Бондарь и Бельский побывали в Красной Слободе, Копыле, Старых Дорогах и Гресске. Во всех этих районах проведены собрания коммунистов, избраны подпольные райкомы партии. Вокруг райкомов собираются партизанские силы. В Красной Слободе уже довольно активно действует партизанский отряд под командованием Максима Ивановича Жуковского. В отряде — станковый и четыре ручных пулемета и несколько десятков винтовок. Недавно отряд произвел смелый налет на вражеский гарнизон в Слуцке, обезоружил охрану и освободил пленных красноармейцев.

Подробно рассказали мы в рапорте о боевых операциях дукорских партизан под командованием уполномоченного обкома и секретаря Руденского райкома партии Николая Прокофьевича Покровского. Деревня Дукора — это историческая деревня. В годы гражданской войны население этой деревни мужественно боролось за советскую власть. В знаменитой Дукорской пуще Покровский организовал теперь партизанскую базу.

Николай Прокофьевич развернул партизанскую борьбу с первых дней фашистской оккупации. Во многих деревнях и сельсоветах Руденского района были созданы подпольные группы из коммунистов и комсомольцев. Большую помощь в налаживании связи с подпольными группами и советскими патриотами оказала бесстрашная связная комсомолка Мария Данильчик. Долгое время она вела подрывную работу в центре вражеского гарнизона — городском поселке Руденск.

Подпольные группы, которыми руководили коммунисты Сергей Довнар, Владимир Левицкий, Владимир Адамович, Роман Денисович и другие, добывали оружие, распространяли листовки, жгли мосты на дорогах, уничтожали гитлеровцев. Из этих групп Николай Прокофьевич создал первый в районе отряд «Беларусь», который базировался в прославленной Дукорской пуще.

Когда в пуще стало тесновато, отряд перебрался через

железнодорожную линию Минск — Гомель и разместился на глухом болотном острове у деревни Пилич. Отсюда во все стороны направлялись диверсионные группы, которые устраивали засады и налеты на гитлеровские обозы, разбирали рельсы. Партизанская группа под командованием Малышкина пустила под откос вражеский поезд. Около двухсот фашистов было убито и ранено.

Фашистское командование направило против руденских партизан крупный отряд. Партизаны подпустили гитлеровцев на близкое расстояние и начали косить из пулеметов и автоматов. Эсэсовцы, которых было в пять раз больше, чем народных мстителей, не выдержали яростного партизанского огня и, подобрав убитых и раненых, отступили.

Пламя всенародной борьбы с кровавыми фашистскими захватчиками разгоралось все сильнее и сильнее. Возле Минска и в самой столице, под Борисовом и Червенем, возле Пинска и под Лепелем создавались новые подпольные группы и партизанские отряды.

Рапорт получился весомый. Я отдал его Степану Петровичу и Войтику и предложил тут же выучить наизусть. Степан все быстро запомнил. Память у него исключительная. Бывало, любую сводку он передавал по телефону, не заглядывая в материалы, и никогда не ошибался. Само собой разумеется, что в случае опасности рапорт они должны уничтожить.

Наши первые посланцы были надежными людьми. Войтик уже много лет работал со мной и зарекомендовал себя как очень честный, добросовестный человек, а Степана Петровича я знал почти с детства. Он был одним из лучших учеников в школе, активистом. В годы коллективизации Петрович выполнял самые ответственные задания партийной и комсомольской организаций. Когда я был директором Старобинской МТС, Петрович работал там бухгалтером и был секретарем комсомольской организации. В то время МТС только организовывалась, создавалась, можно сказать, на пустом месте. Не было еще необходимого оборудования, не было кадров. Петрович возглавил движение молодежи за овладение специальностями трактористов, комбайнеров. Не отрываясь от своей основной работы, он и сам овладел профессией тракториста и в свободное время работал в мастерской. Авторитет Петровича как работника, организатора молодежи был непоколебим, все его уважали.

На следующий день я не отходил от связных, готовя их в большую и опасную дорогу. Надо было наши сведения непременно передать ЦК. Если там узнают, где мы находимся, то установят с нами связь и помогут. Мы просили прислать нам

рацию, шифр и шифровальщиков. Тогда у нас установится непосредственная связь с Москвой.

Под вечер Петрович и Войтик двинулись в направлении фронта. Волнующим и незабываемым было прощание с ними. Все мы знали, на какое трудное и ответственное дело посылали своих лучших, проверенных товарищей. Знали, в какой мере рискуем жизнью отважных, боевых партизан. Мне было особенно тяжело в эти минуты. Сколько лет я прожил вместе с этими чудесными людьми, сколько довелось поработать с ними!..

Одновременно с нашими посыльными пошел на Любанщину и Иван Денисович Варвашеня.

X

Прошло больше двух недель. С севера на озеро потянуло осенним холодом. По утрам на опавших листьях и траве большими белесыми пятнами лежал иней. Озеро меняло свой облик. Вода с каждым днем становилась темней и своим цветом напоминала расплавленное олово.

Мы со дня на день, с часу на час ждали возвращения Романа Наумовича Мачульского. Работа не заглушала большой тревоги о товарище. Все сроки, необходимые для выполнения задания, прошли, а его все не было.

Вернулись связные из полесских районов. Невеселые вести принесли они. Городской поселок Житковичи и соседние деревни наводнены эсэсовцами и полицейскими. В районе Постолов разместился крупный фашистско-полицейский гарнизон. Туда завезены даже пушки. Гитлеровцы лихорадочно расширяют межрайонную нефтебазу, а это значит, что там могут появиться и танки. Из районных работников Рогалевич никого не нашел.

В Копаткевичах тоже было много вражеских солдат. Больше недели провел Рогалевич в этом районе, но связаться с местными коммунистами ему так и не удалось. С большим трудом нашел человека, которому можно было поручить наблюдение за железнодорожной станцией.

По всему было видно, что фашисты готовятся к серьезным операциям против партизан. Были основания предполагать, что они уже знают и о подпольном обкоме. Недавно фашистские молодчики и полицейские снова обшарили деревни Скавшин, Крушники, Осово, Пуховичи, Ляховичи, как раз те места, где мы были. Похоже на то, что они ищут нас.

Вскоре наша связная Наталья известила, что отряд эсэсовцев занял деревню Рог. В тот же день стало известно, что гитлеровцы поставили заслоны на всех мелиоративных канавах, которые ведут в озеро, а у начала бывшей «ездовни» засела группа со станковым пулеметом. Мы поняли, что враг нас блокирует.

Я дал указание подготовиться к бою. Уйти мы не могли. Нам нужно было подождать еще несколько дней Мачульского. Он не знал, что гитлеровцы заняли окрестные деревни, и необходимо было принять меры, чтобы, он не попал в руки врагу. Нельзя было оставлять без внимания и соседние полесские районы, так как мы руководили и ими.

На — канавах мы поставили свои посты. Кое-где вырыли окопы, ямы, на одной важной высотке построили дзот. Сержанта Петренко направили в отряд Меркуля с заданием привести оттуда

группу хорошо вооруженных партизан. Две разведывательные группы послали в Житковичи и Копаткевичи. Разведчикам надлежало передать житковичской группе, что она обязательно, любыми средствами должна связаться с Довалем, Дербантом и взорвать немецкую нефтебазу в Житковичах.

В гарнизонах у нас были свои люди, которые извещали наш штаб о планах и намерениях врага.

Копаткевичской группе приказали наладить связь Михайловского с Жигарем, передать им указания подпольного обкома.

Из сведений, которые мы получали из гарнизонов, было ясно, что гестапо решило захватить подпольный обком партии и его руководителей.

Гитлеровские части появились в деревнях Червонное озеро, Большой Лес, Дьяковичи. Постепенно эсэсовскими бандами заполнялись ближайшие к нам хутора, заслоны на канавах передвигались ближе к озеру. Эсэсовцы не знали, что здесь всего два десятка партизан и, кроме винтовок, автоматов, пистолетов и гранат, у нас не было никакого оружия. Судя по старобинским, любанским и октябрьским операциям, они предполагали, что в районе Червонного озера находится большое количество хорошо вооруженных партизан.

Вражеское окружение все больше и больше давало себя знать. Все труднее становилось поддерживать связь с партизанскими отрядами, партийными подпольными группами и с местным населением, которое обеспечивало нас продуктами и всем необходимым для борьбы и жизни.

В лагерь, наконец, вернулся Роман Наумович Мачульский. Он пробрался через не занятые фашистами деревни Скавшин и Осово. Приход Мачульского был большой радостью для всех нас: он был с нами живым, здоровым. Наши силы увеличились, и мы почувствовали себя еще более уверенно.

Роман Наумович пришел поздно ночью. Коротко доложив о результатах своей командировки, начал расспрашивать о наших делах. Тут же обсудили план дальнейших действий. Все шло к тому, что нам придется выбираться из лагеря. Обороняться на месте рискованно. Решили отправить Бельского на Любанщину, подготовить там базу для подпольного обкома и известить любанцев о положении на Червонном озере. Группа партизан с Левшевичем во главе разведает дорогу в направлении червонноозерских хуторов, к рассвету вернется и доложит обстановку.

Мы были уверены, что наш план выполнить нетрудно, но вышло совсем иначе. Левшевич к рассвету не вернулся. Утро

прошло в напряженном ожидании. Еще были надежды на задержку, на какую-нибудь непредвиденную случайность. Левшевич не вернулся и на следующий день. Одно из двух: или наши разведчики наткнулись на вражескую заставу, и их захватили фашисты, или они испугались блокады и, вырвавшись, решили больше не лезть в западню. Возможно, что и Бельскому не удалось дойти до любанских отрядов.

Надо было немедленно что-то предпринимать. Если этой ночью мы не выйдем из окружения, дальше будет вырваться еще труднее.

Фашистско-полицейские заслоны на канавах и хуторах подходили все ближе и ближе к озеру, кольцо блокады сжималось. Группа на «ездовне» обнаглела и приблизилась к лагерю. Но фашистам не поздоровилось. Подкрались партизаны к засаде и гранатами уничтожили пулеметное гнездо. Перепуганные полицаи бросились в болото, здесь их почти всех и перебили. «Ездовня» на некоторое время очистилась.

На другой день Бондарь отправился в дальнюю разведку. Ему надо найти путь для выхода из окружения, выяснить, что случилось с Левшевичем и удалось ли выйти из блокады Бельскому. Мы настаивали, чтобы он взял с собой как можно больше бойцов, но он повел только троих. Бондарь знал, что здесь у озера оставалась вся база обкома и ее надо не только охранять, но и готовить к переправе в другое место.

Это был один из самых тяжелых дней нашего подполья. Вот что рассказывал потом Алексей Георгиевич:

— До деревни Червонное озеро мы прошли беспрепятственно. Поговорили с крестьянами, расспросили о наиболее удобных тропах и пошли дальше. Выходим за деревню, видим, из-за горки показались люди — человек пятнадцать. Все в гражданской одежде, но вооружены.

«Партизаны, — сказал один из моих бойцов, — разрешите, я пойду к ним».

Похоже было, что это и в самом деле партизаны. Я знал о приказе обкома прислать из отряда Меркуля группу бойцов. «Это они и идут», — подумал я. Но оказалось, что это были разведчики большого отряда эсэсовцев, переодетые в гражданскую одежду. После нашего угощения на «ездовне» гитлеровцы решили бросить на озеро крупный, хорошо вооруженный отряд, который вскоре и появился.

Нас было четверо, а эсэсовцев — больше сотни. Они открыли огонь из винтовок и пулеметов. Принимать бой при таком соотношении сил было невозможно, и мы, отстреливаясь, стали отходить. Позади — небольшие заросли лозняка, я не успел

добежать до них — пуля перебила мне левое колено, и я упал. Гитлеровцы усилили огонь. В грохоте стрельбы мои товарищи не заметили моего ранения.

Это было на лугу, до зарослей около сотни шагов. Рядом оказалась небольшая ложбина, наполненная водой. Я соскользнул в нее и пополз по воде. Судьбу решали секунды. Еще несколько шагов, еще несколько усилий! Спускался вечер, в зарослях можно было бы спрятаться, а в крайнем случае принять бой. Важно было одно: ни в коем случае не даться в руки врагу живым.

У самых кустов меня начали окружать. «Заходи, заходи с той стороны! — услышал я совсем близко. — Надо взять его живым».

Я собрал последние силы, поднялся, швырнул в сторону голосов гранату и на одной ноге вскочил в густые заросли. Свалившись под куст, решил защищаться до последнего вздоха.

Но ни полицейские, ни эсэсовцы в кусты не полезли. Они, должно быть, приняли нас за разведку большого отряда и боялись засады.

Только теперь, когда эсэсовцы отошли, я почувствовал сильную боль в ноге. Сапог наполнился кровью. Я перевязал ногу выше колена ремнем и пополз в глубь зарослей.

До лагеря не меньше трех километров. Дорога непроходимая: болота, заросли. Даже здоровому здесь нелегко пробраться. Что же делать? Ничего лучшего не придумаешь, как только ждать. Если бойцы живы, они скоро заметят, что меня нет и начнут искать. Срезав ветку лозняка, я туже перевязал ногу, чтобы не истекать кровью, и лег.

Прошло около часа, никаких признаков, что меня ищут, не было. «Может быть, убили моих товарищей или в плен захватили?» — думал я.

Совсем стемнело. С севера дул холодный осенний ветер, подмораживало. Мороз начал сковывать мокрую одежду на мне. Надо было ползти дальше, а нога до того разболелась и такая слабость одолевала меня, что, казалось, пошевельнуться было невозможно. Вокруг густые заросли и болота. Трудно даже определить более или менее точно, где я. Попробовал ориентироваться по деревьям. Оглядевшись, заметил высокий густой куст ивняка. Когда я его видел? Ага! Здесь отдыхали, когда пробирались на Червонное озеро.

В голове мелькнула мысль: найти бы какую-нибудь лодочку, и поплыл бы я канавой к лагерю. Но где ее найдешь? Надо делать то, что остается возможным. Не так давно, сидя под этим кустом, я наблюдал, как складывали на болоте небольшой стожок. Осенью сена отсюда не вывезешь и не вынесешь: стожок, наверно, и сейчас там. До него не очень далеко. Надо ползти туда, в этом

единственное спасение.

И я, напрягая последние силы, пополз, или, точнее говоря, поплыл по болоту к стожку. Не знаю, сколько времени я полз, только мне показалось, что очень долго. Наконец добрался на четвереньках до стожка, а приподняться, чтобы надергать сена, не могу. Полежал с минуту, отдышался и стал понемногу выдергивать клоки сена и подсовывать их под себя. Это поднимало меня из воды, и становилось немного теплей. Я думал: сделаю логово в стожке, залезу в него, полежу, отдохну, отогреюсь, а потом посмотрю, что делать дальше. Главное — закурю, если можно будет. Как никогда, хотелось закурить! Но табак, спички, бумага — все размокло в кармане.

Вдруг послышалось, будто кто-то зовет меня по имени. Может, мне это только кажется? Прислушался — опять то же самое. Знакомый ли голос? Трудно разобрать: звуки хрипловатые, приглушенные. Неужели свои? Может, стоит отозваться? Но тут я подумал: «Не провокация ли?»

Незадолго перед тем возле деревни Осово слышна была беспорядочная стрельба, а потом кто-то отчаянно кричал: «Браточки, не убивайте меня, не убивайте!» Кто знает, что там происходило? Может быть, наш боец попал в лапы оккупантам, проявил малодушие и теперь вместе с фашистскими прислужниками ищет меня?

Какие-то люди приближались к стожку. Я решил не обнаруживать себя и приготовил гранату. С болью в сердце, я подумал, что сопротивляться не смогу, и, если это враги, мне останется только одно: взорвать гранату. Слышу говорят: «Ванька, погляди-ка в стогу, может, он там?»

Ваня — это один из моих бойцов, голос говорившего тоже знакомый. Какая-то необычная теплота и в то же время слабость и истома разлились по телу.

Затаив дыхание лежу, наблюдаю. Высокий человек, увязая почти по пояс в болоте, подходит к стогу и тихо говорит: «Алексей, отзовись, если ты здесь. Это я, Ваня».

Потом, повернувшись в сторону зарослей, он сказал уже немного громче: «Роман, иди сюда».

Больше Алексей Георгиевич ничего не помнит: от большой потери крови, от усталости и волнения он потерял сознание.

…В лагере мы услышали стрельбу где-то около Осова. Это нас очень встревожило. Несомненно, это была стычка с группой Бондаря. Возможно, Алексей Георгиевич вступил в бой, чтобы вызволить своих, может быть, дорогу себе расчищает или попал в тяжелое положение и отстреливается. Когда затрещали станковые пулеметы, стало ясно, что дело серьезное, у нас таких пулеметов

не было, значит стреляют фашисты.

Роман Наумович взял с собой нескольких бойцов и бросился на помощь. По дороге он встретил одного партизана из группы Бондаря. Он бежал в лагерь с тревожным донесением и рассказал Мачульскому, в чем дело.

Роман Наумович принял очень смелое и рискованное решение. В темноте пробрался в Осово, через местных жителей узнал, где разместился на ночлег отряд эсэсовцев, и неожиданно напал на его штаб. Паника у гитлеровцев была неописуемая. Они открыли беспорядочную стрельбу, а потом рассыпались по огородам и приусадебным участкам. Начальник житковичской полиции попал в плен. Это его крик слышал Бондарь, когда полз к стогу.

Потом Мачульский вместе с партизанами Бондаря начал разыскивать Алексея Георгиевича.

Они обшарили все окрестности и напали на след.

Тяжелое ранение одного из членов обкома было для нас большим несчастьем. Дело усложнялось тем, что мы не могли оказать Алексею Георгиевичу медицинской помощи: медикаментов, бинтов у нас было очень немного. То, что принесли с собой, давно израсходовали. Достать было негде.

Оставалось только одно — как можно скорее вырваться из окружения. В этом спасение и для товарища и для всего нашего дела. Но как прорваться с такими незначительными силами? Меркуль не прислал подкрепления, должно быть не мог. Даже посыльный к нему не вернулся. Кто знает, может, он не достиг цели? Но как вырваться из окружения? Все известные болотные тропы проходили недалеко от деревень и хуторов: они были под контролем гитлеровцев. Идти же ночью через болото напрямик опасно, можно попасть в трясину и завязнуть. Рисковать жизнью тяжело раненного товарища, которого надо было нести на руках, мы не могли.

Решили попробовать проскочить через деревню Рог. Отряд эсэсовцев был там сравнительно небольшой. А наши бойцы хорошо знали деревню и могли действовать более уверенно, чем в других местах. За Рогом дорога была открыта. Можно пойти на Скавшин и оттуда в любанские леса.

Только как подойти к деревне незаметно? Ночью лесом трудно нести раненого, да и у края деревни ходят патрули. Болотными тропами тоже не пройдешь: они пристреляны фашистами. Дельный совет дал нам Яков Бердникович, хорошо знавший местность. Он сказал, что неподалеку от лагеря есть канава, которая подходит к самому Рогу. Если плыть по ней на лодках, пожалуй, можно будет миновать Рог и без боя.

Мы так и сделали — кстати, у нас на озере были четыре лодки. Положили раненого Алексея Георгиевича, погрузились сами и поплыли. Трудно было предугадать, какие еще испытания ожидали нас на этом необычайном пути.

XI

Василий Тимофеевич Меркуль не пришел к нам на помощь — он узнал о блокаде нашей базы слишком поздно. Наш посланец Иван Петренко не дошел до него. Добравшись ночью до Махнавич, Петренко зашел в хату к знакомым крестьянам напиться воды и расспросить о немцах. Он не знал, что эта хата была под надзором. Не успел сержант и слова сказать, как под окном и у дверей появились эсэсовцы и полицейские. Пограничник Петренко не растерялся. Ночь лунная, все хорошо видно. Фашиста, показавшегося в окне, он убил. Воспользовавшись заминкой, спрятал хозяйку в погреб и залез на чердак. Полицейские бросили в окно гранату и ринулись в хату. Петренко угостил их гранатой сверху. Четыре гитлеровца и полицейский были убиты.

Тогда фашисты подожгли хату. Петренко вылез с чердака на крышу и соскочил на землю. Отстреливаясь, сержант стал отходить к лесу. Место было открытое, а все ближайшие укрытия заняли эсэсовцы и полицаи. Пламя, поднявшееся над крышей, осветило все вокруг, никак не укроешься — иголка на земле видна.

Петренко достал из мешочка свою саперную лопатку и начал окапываться на огороде. Насыпал небольшой брустверик перед собой, потом прорыл канавку и насыпал бугорки по бокам. Эсэсовцы и полицейские с криком «Сдавайся!» пошли на партизана.

— Взять его живым! — послышалась хриплая команда.

Петренко экономил боеприпасы. Поворачиваясь в окопчике, сержант короткими очередями сдерживал эсэсовцев и полицаев. Он старался не подпустить врага на расстояние полета гранаты, а от пули его защищала насыпь.

Один из полицаев, должно быть как следует глотнувший для храбрости, поднялся во весь рост, пробежал несколько шагов и размахнулся гранатой. Размахнулся, но не бросил, а сам упал, скошенный партизанской пулей. Под ним взорвалась его же граната. Другой успел все-таки бросить гранату, но сержант почти на лету подхватил ее и швырнул обратно. Так несколько часов шел поединок. Услышав стрельбу, прибежали гитлеровцы и полицаи из соседних гарнизонов. Целая банда озверелых оккупантов долгое время не могла подступиться к партизану, нашему пограничнику, горячему патриоту Советской Родины.

Погиб Петренко смертью героя, погиб, истекая кровью от множества ран, когда в дисках автомата не осталось ни одного

патрона, у пояса — ни одной гранаты. И долго еще боялась подступиться к мертвому герою гитлеровско-полицейская нечисть. Фашистам не верилось, что рука его уже неподвижна. Им казалось, что партизан вот-вот снова шевельнется, рука поднимется и пустит автоматную очередь.

В это же время Меркуль выполнял ответственное задание обкома — шел на связь с Жуковским. Установить непосредственный боевой контакт с краснослободцами было очень важно для нас. Жуковский по заданию обкома подготовил крупную и очень ответственную операцию по разгрому гитлеровцев в Красной Слободе. Перед Меркулем стояла задача — помочь Жуковскому живой силой и боеприпасами, а после боя разработать план совместной операции против старобинского гарнизона.

Но дойти до Жуковского старобинцам не удалось. Отряд Меркуля небольшой и вооружен слабо, а по дороге на Красную Слободу было много гитлеровских гарнизонов, и приходилось вести тяжелые бои. Скоро в отряде не стало боеприпасов, силы истощились, и меркулевцы вернулись в свой район.

Узнав о гибели Петренко и о тяжелом положении на Червонном озере, Меркуль связался с Коржем и бросился на выручку к нам. Но нас на озере уже не было.

Меркуль в Роге нашел Наталью, но она не знала, куда мы ушли. Во время прорыва у нас не было возможности передать ей что-нибудь. Наталья рассказала только, что однажды ночью у эсэсовцев была большая тревога: они долго стреляли, подтягивали свои силы к гати. Там шел бой, некоторые там и погибли, но почему-то своих убитых фашисты здесь не похоронили, а куда-то увезли.

Во второй половине октября мы добрались до небольшой любанской деревни Вариков. Прежде всего позаботились о раненых. Алексея Георгиевича устроили на квартире у нашей связной Насти Ермак. К нему приставили местного фельдшера, а потом вызвали из Заболотья нашего партизанского доктора Крука.

Через некоторое время в Вариков явились Варвашеня и Бельский, а под вечер подошли Луферов, Лященя и Горбачев. Последний немного прихрамывал, но, увидев нас, сделал вид, что нога его совершенно не беспокоит — просто мозоль разболелся на пальце. Варвашеня глянул на его подогнутую ногу и опустил глаза.

Мы зашли к Бондарю. Хозяйка накрыла белой скатертью стол, принесла каравай хлеба, поставила миску соленых огурцов. Мы ели, делились мыслями, новостями. Бельский заговорил о

Левшевиче.

— Быстро он вернулся? — окинув нас повеселевшим взглядом, спросил Бельский.

— Он не вернулся.

— Неужели? — Иосиф Александрович даже изменился в лице. — В чем же дело? Я встретил его у одного хутора. Он даже хотел проводить меня, но в этом не было необходимости.

Случай с Левшевичем озадачил нас. Предатель или трус? Мне хотелось верить, что скорее последнее. Испугался человек блокады и решил отсидеться где-нибудь в кустах. Если же он предатель, дело могло принять плохой оборот. Левшевич знал многих наших связных, некоторые явки и долгосрочные пароли. После короткого обмена мнениями я передал указания Меркулю: выяснить, где находится Левшевич, на всякий случай переменить все известные ему явки, вывести в отряды знакомых ему связных, в частности Наталью. Если подтвердится, что Левшевич предатель, — уничтожить его.

— А где теперь наш Брагин? — вдруг послышался из-за перегородки голос Бондаря.

Я только что хотел спросить о нем. Луферов пришел без него, и это меня встревожило, но я подумал, что Алексей Федорович не вернулся еще из Осипович.

Теперь, когда Алексей Георгиевич вспомнил о нем, я взглянул на Луферова. Тот скорбно опустил глаза, потом искоса глянул на Горбачева и уставился на свои руки. Они, казалось, вздрагивали. Нас охватило чувство тревоги: неужели что-нибудь случилось? А Луферов молчал; казалось, лицо его в эту минуту еще больше потемнело, осунулось. Горбачев сидел в темном углу, прикрыв шинелью колено правой ноги. Но ему трудно было скрыть, что нога его все-таки не сгибается. «Может, вывихнул где, — подумал я, — а может, и ранило». И только я хотел спросить его об этом, как Горбачев заговорил. Заговорил не о себе, а о Брагине.

Вот что мы узнали. Спустя несколько дней после возвращения Брагина из Осипович, они вдвоем пошли в совхоз имени 10-летия БССР. Там была довольно сильная патриотическая группа. Любанский подпольный райком партии возлагал на нее большие надежды. Предполагалось в ближайшее время эту группу расширить и создать в совхозе партизанский отряд. Брагин уже бывал здесь и хорошо знал многих совхозных рабочих, членов группы.

Не доходя километров пять до совхоза, они остановились в кустарнике, недалеко от отделения совхоза Красной Полянки, решили подождать вечера и зайти в поселок. Надо было узнать, что делается в совхозе, установить связь со своими людьми.

Вечером пошли в поселок. Из-за поворота навстречу вышли два человека в гражданской одежде, без оружия, должно быть совхозные рабочие. Один показался Брагину знакомым. Он видел его на собрании патриотической группы совхоза. А может, это не тот? Когда путники приблизились, Брагин бросил на него внимательный взгляд: тот самый. Брагин хотел пройти мимо, чтобы не показать, что знает этого рабочего. Однако тот остановился, подчеркнуто вежливым жестом снял шапку и поздоровался:

— Добрый день, товарищи!

Брагин удивленно взглянул на него, а тот, криво усмехнувшись, начал расспрашивать:

— Вы к нам или в совхозную столовку? Так ее уже нет, закрыть пришлось, гитлеровцы все продукты растащили. — И, не ожидая ответа, продолжал: — А мы за проводников идем, дорогу нашим показываем, — он махнул рукой в сторону дороги. Оттуда доносился легкий стук колес и похрапывание лошадей.

Брагин и Горбачев хотели идти дальше, но второй из встречных загородил дорогу. Горбачев заметил, как знакомый Брагина кивнул своему спутнику: «Так, так», — и показал глазами на Брагина. Горбачев выстрелил в провокатора, а гестаповец в Брагина, ранил его и бросился бежать. Горбачев выстрелил несколько раз и, подхватив Брагина, хотел отойти с ним в сторону и залечь. И не успел, на них налетели верховые в красноармейской форме. Горбачев швырнул гранату. Банда отхлынула, а потом спешилась и открыла стрельбу. Горбачева ранило в ногу. Эсэсовцы ринулись на партизан и снова отхлынули. Горбачев отбивался, не обращая внимания на ранение. Тогда фашисты обошли их и после жестокой стычки захватили в плен.

По дороге Горбачев, выбрав удобный момент, сбил с ног двух эсэсовцев, рванулся в кусты. Его почти не преследовали, среди густых зарослей эсэсовцы чувствовали себя неуверенно. Обессиленного Брагина связали, положили на тачанку и повезли.

Горбачев, хромая, добрался до Красной Полянки. Там у него был связной, рабочий совхоза Иван Никитович Антоненя. Вызвав его, Горбачев первым долгом спросил:

— Что это за выродки появились в совхозе, откуда они?

Антоненя понял, что случилось что-то недоброе, и не знал, что отвечать. Он был уверен, что в совхоз заезжала группа красноармейцев, так как все эсэсовцы были в красноармейской форме. Такие случаи были нередки. В совхозе работала столовая, и проезжающие и проходящие группы военных и штатских советских людей часто питались там. В тот день военные в

красноармейской форме также остановились в совхозе. Заказали в столовой обед, пообедали и заночевали. Антоненя решил, что это свои.

Дочка Антонени перевязывала Горбачеву рану, когда прибежал заведующий столовой Петр Егорович Смирнов. Он был без верхней одежды и без шапки, одна половина головы подстрижена, а с другой свисали длинные пряди спутанных волос. Горбачев спросил:

— Что это, человече, с тобой? Или из парикмахерской выскочил?

— Не из парикмахерской, а из своей хаты, — вздрагивая от волнения, ответил Смирнов. — Подстригал меня кладовщик, да вот пришлось в окно выскочить. — И вдруг со злостью и обидой закричал: — Разиня, вот разиня! Слепой!

— Кто?

— Да я сам. Подумать только: кормил в столовой гадов проклятых и не знал, что это фашисты! Думал, если наша форма — так и все… А они кладовую мою ограбили и самого чуть не застрелили. Хорошо, что дочка вовремя их узнала, а то б…

— Хватит! — резко оборвал его Горбачев. — Нытьем тут не поможешь. Антоненя, дай ему плащ и какую-нибудь шапку, а сам поскорее одевайся… Смирнов, пойдешь в совхоз и скажешь там… Но кому? Федору Савчику, например, можно сказать?

— Можно, можно, — подтвердил Смирнов.

— Ну вот, скажешь Савчику, Леониду Смирнову, Игнату Понке, Шиманову Александру, если он дома… Пусть поскорее собираются. Оружие у них найдется?

— Думаю, что найдется.

— А у тебя?

— И у меня тоже кое-что найдется, — повеселев, ответил Смирнов. — Думаю, что взвод пехоты мог бы вооружить.

— Ого! — удивился Горбачев. — Что ж ты, скряга, раньше не сказал! Ну ладно! Собери эту группу, вооружи, и через час чтоб все были тут. Понятно?

— Понятно, товарищ Горбачев!

— Беги! А вы, Иван Никитович, поедете вслед за эсэсовцами и разведаете, где они остановились. Далеко они не могут отъехать, — время к вечеру. Возьмите дочку с собой, меньше будет подозрений.

Через некоторое время Антоненя вернулся и доложил, что бандиты остановились в девяти километрах, в деревне Турок. Группа совхозных рабочих во главе со Смирновым была уже здесь. Каждый имел при себе винтовку и не меньше сотни патронов.

«Вот как быстро растут у нас отряды! — радостно подумал

Горбачев. — Каждый честный человек — воин». Он рассказал рабочим про случай на дороге, про то, что в лапы фашистам попал секретарь подпольного обкома партии товарищ Брагин.

Решили ночью пробраться к деревне Турок, без шума снять посты и напасть на вражеский отряд. Антоненя брался провести группу неизвестными врагу тропами. Но все оказалось напрасным. Поздно вечером эсэсовцы выехали из деревни. Редко случалось, чтобы гитлеровцы отваживались выезжать со стоянки ночью. На этот раз они, видно, почувствовали опасность и уехали.

Брагина нашли мертвым. Местные жители рассказывали о героической смерти секретаря обкома. Несколько часов его пытали. Допрос вел начальник фашистской части. Брагин молчал. Несмотря на тяжелые раны от пыток, он держался на ногах. Во время допроса гестаповец на минуту отвернулся, Брагин схватил стул и изо всей силы ударил его по голове, а сам, выбив раму, выскочил во двор и побежал. Во дворе его и убили.

Палачи бросили труп Брагина на улице. Населению приказали не убирать его, иначе все будут расстреляны, а деревня сожжена.

Рассказ о гибели товарища острой болью отозвался в наших сердцах. Тяжелые дни переживал подпольный обком. Силы наши еще не велики, мы ведь только что начали работу, а тут сразу два такие удара: тяжелое ранение Бондаря и смерть Брагина. А надо устоять и неуклонно идти вперед! Никакие неудачи, никакие трудности и самые неожиданные препятствия не должны поколебать нас!

Когда Горбачев кончил рассказ, в комнате воцарилась гнетущая тишина. Хотелось что-то сказать, но не хватало слов. Я встал, за мною встали все. Почтили славную память стойкого борца, беззаветно преданного Родине. Мы поклялись отомстить врагу за нашего боевого товарища и друга.

За перегородкой застонал Бондарь. «Не надо было говорить при больном об этом несчастье», — подумал я.

Вечером у нас состоялось внеочередное заседание бюро обкома. И тут мы снова вспомнили указания партии о том, что враг коварен, хитер, опытен в обмане. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации! Партийные организации области, партизанские отряды, подпольные группы и все патриоты должны сделать соответствующий вывод из трагической смерти Брагина. Война с врагом в открытую — простая война. Опаснее встретиться с коварством врага, с его иезуитскими хитростями и провокациями. Мы должны быть готовы к этому! Надо обратить внимание всех коммунистов, партизан и населения на необходимость повышения бдительности.

Варвашеня долго сдерживался, обдумывал что-то, взвешивал, а потом выступил и начал сурово критиковать Горбачева.

— Ты иногда бравируешь своей смелостью, — сказал он ему. — Смелость — дело хорошее, но надо проявлять ее умело. Кто заставлял тебя и Брагина идти открытой дорогой? Ты человек местный, должен знать каждую тропинку. С Червонного озера однажды тоже пошел один среди белого дня и очень часто ходишь один, без всяких предосторожностей. Кому нужен этот риск? Ты должен беречь себя не только для себя, но и для того великого дела, которое поручила нам партия.

Горбачев молчал, опустив голову. Упрек Варвашени, возможно, был излишне суровым, но вполне справедливым и заслуженным. Варвашеня уважал Горбачева, как и все мы. Любили мы его за простой и непосредственный характер, чистоту и честность, за активность и неутомимость в работе. Но критиковать его надо было.

Бюро решило выпустить листовки, разоблачающие коварные провокации врага. В отряды, деревни и подпольные группы постановили направить наших уполномоченных. Они должны помочь людям научиться распознавать волка, в какую бы шкуру он ни рядился. Партийное подполье Минщины вступало в новую, более сложную полосу своей деятельности.

XII

После заседания бюро со мной в избе остался только Роман Наумович. Мы прикрутили фитиль в лампе и прилегли на лавках: я с одной стороны стола, он — с другой. Время за полночь: старые, скрипучие ходики на стене показывали половину первого.

Тело ныло от усталости, но сон не приходил. Шумело в ушах: то ли от непривычной обстановки — мы после многих тревожных дней и бессонных ночей отдыхали в тихой, уютной хате, то ли от наплыва мыслей и воспоминаний. Смерть Брагина не выходила из головы. Если и дальше наш подпольный обком, наш партийный актив будет нести такие потери, нам трудно будет справиться с огромными задачами, возложенными на нас партией. Я вспомнил, как перед нашим отъездом в тыл врага нас предупреждали в ЦК КП(б)Б. Нам поручено дело исключительной важности: поднять белорусский народ на борьбу против фашистской нечисти; вести эту борьбу неустанно — и днем и ночью; превратить подпольные партийные органы в боевые штабы по руководству партизанским движением. Твердо помнить, что враг постарается проникнуть в наши организации, применит террор и диверсии, будет в первую очередь наносить удары по руководящему ядру.

Теперь я еще более убедился в правильности этих предупреждений. Надо с каждым днем повышать бдительность, совершенствовать методы и средства борьбы. Главное — надо теснее связаться с народом, с патриотами Родины. Всюду должны быть свои глаза и уши, чтобы своевременно узнавать о намерениях врага, о его планах, да и не только узнавать, но и парализовать эти планы.

Невольно прислушивался к каждому шороху. Алексея Георгиевича в хате не было, но мне казалось, что он лежит где-то рядом и я слышу его прерывистое горячее дыхание.

Возле окна на улице слышался тихий хрипловатый голос часового Якова Бердниковича. Он рассказывал своему напарнику о червонноозерских днях.

— И вот, слышь ты, как стиснули нас там — ни взад, ни вперед. Фашистов поналезло везде, а на всех канавах полицейские. Дошло до того, что есть нечего. Мне домой — рукой подать, а пробраться нельзя. Сменишься, бывало, на рассвете — кишки марш играют, а в лагере хоть шаром покати: пусто, ничегошеньки нет. С горем пополам достали картошки и варили похлебку. Ребята в шутку прозвали это наше варево «осиновым пюре».

— А как же вы вылезли оттуда? — спрашивал Другой.

И снова Бердникович гудел под окном как шмель, ведя свой рассказ подробно и неторопливо и довольно основательно все преувеличивая.

— Вылезли, брат, только двух ранило… Лодки выручили. По канавке, по канавке — и мимо вражьего логова! Выскочили на греблю, а немчура: «Хальт!» Тут мы как «хальтнули», десятка три поганцев сразу уложили. Мачульский со своими зашел сбоку и еще им поддал и еще! А мы обошли деревню и оказались километрах в двух, у лесочка. Мачульский со своими хлопцами долго не отступал и вел перестрелку. Он там, наверно, еще штук тридцать отправил на тот свет. Ты знаешь, что это за боевой человек!..

Роман Наумович нетерпеливо заворочался на лавке.

— Ты что не спишь? — спросил я. — Что тебя тревожит?

— Да нет, — ответил Мачульский. — Вот врет человек обо мне, просто слушать не могу! Постучи ему в окно, пусть замолчит. Там всего было около тридцати фашистов.

— Пусть говорит. Ему хочется, чтобы так было, ведь в этом вся его душа.

Бердникович, должно быть, сам догадался, что его рассказ могут услышать в избе, и отошел от окна. Мачульский затих, но по его дыханию я знал, что он не спит. Скоро он снова заворочался и подвинулся ближе ко мне.

— Не спится что-то, — пожаловался Роман Наумович, — бессонница! — Он приподнялся и продолжал: — Вспоминаю, что видел в Бобруйске, Минске, и не могу заснуть. Пока выходили из окружения, голова одним была занята, а теперь все встает в памяти, тревожит, волнует. Хочется обдумать и дать правильную оценку.

— А ты расскажи, что у тебя на душе, тогда вместе обдумаем и обсудим.

— Если б не видел своими глазами, не поверил бы, — совсем тихо, но отчетливо говорил Мачульский. — В Минске, в Бобруйске и на всех узловых станциях гитлеровцы открыли бюро пропусков в Москву. В Гомеле устроили бал в честь взятия столицы. Как это понять, что подумать? Пропаганда это фашистская, фальшивая. Я иначе и не думаю. К сожалению, кое-кто в городах может поверить, а в деревне и подавно. Можем ли мы доказать людям, что это ложь? Можем и должны! Хорошо, что мы послали связных в ЦК, но кто знает, дойдут ли? Вот уже сколько времени они в дороге. Я думаю, Василий Иванович, что нашу связь с Москвой и с фронтом надо скорее укрепить любыми средствами, любыми путями! Радиоприемников больше достать! Дать их в каждый отряд, в каждую группу. Поищем — найдем!

Тогда все регулярно станут слушать сообщения Совинформбюро и распространять среди народа. А там о шифрах и рациях надо будет подумать.

Мачульский спустил с лавки ноги, сел возле меня и, опершись локтем о стол, задумался. Слышно было, как он трудно, простуженно дышал, потирал пальцами давно не бритую щеку.

— Городами нам надо заняться по-настоящему, — продолжал он. — Нелегко, но без этого нельзя. Нам надо направить туда опытных партийцев. Я расскажу тебе, что делается в Минске. Вот слушай, что сам видел и что передавали минчане, с которыми мне приходилось встречаться. Захватив Минск, оккупанты начали грабить город и безжалостно истреблять людей. На Широкой улице, в Дроздах под Минском и в Тростенце открыли лагеря смерти. Десятки тысяч мужчин согнали только в Дрозды. Их заставляют сутками лежать на земле лицом вниз без движения. Тот, кто шевельнет хотя бы рукой, в того стреляют. Людей морят голодом, не дают воды. В день на троих дают гнилую селедку, а воды привозят бочку на тысячу человек. Людей мучают, пытают, многих живыми бросают в ямы и сжигают термитом.

Территорию вокруг Юбилейной площади и еврейского кладбища гитлеровцы отгородили под гетто.

Юбилейной площади теперь нет в Минске, а есть «Склавенплац» — «Площадь рабов». Тут от фашистских пыток каждый день гибнут сотни евреев.

В Доме правительства — штаб гитлеровской авиачасти, в гараже Совнаркома — артиллерийская и оружейная мастерские. Все уцелевшие здания заняты штабами, эсэсовцами, частями СД. Видно по всему, что оккупанты хотят превратить Минск в военно-административный и политический опорный пункт центральной группировки войск. Здесь размещаются боевые резервы, сюда отводятся для пополнения и переформирования разбитые на фронте части. В Минске находится управление железными дорогами, много разных учреждений и госпиталей. Самые большие здания занял генеральный комиссариат — управление оккупированной территорией Белоруссии. В его подчинении десятки различных фашистских ведомств и учреждений, в том числе огромный аппарат гестапо, СД и полевой полиции. В минских типографиях печатаются фашистские газеты, листовки, плакаты на немецком и белорусском языках.

На каждом шагу минчанина подстерегает смерть. Однажды мне попалась в руки фашистская «Минская газета» за 27 июля. Там я прочитал одно объявление.

Мачульский достал из кармана записную книжку, чиркнул зажигалкой и прочитал:

— «По причине систематических актов саботажа со стороны гражданского населения против немецких воинских частей (повреждение кабелей связи) расстреляно 100 мужчин.

За каждый акт саботажа в дальнейшем, если виновный окажется невыявленным, будет расстреляно 50 мужчин.

Обязанность каждого уведомлять о виновных!»

В Заславле знакомые коммунисты показывали приказ Гитлера от 17 июня 1941 года. В нем сказано, что каждый фашистский солдат имеет право грабить и убивать советских людей.

Не перескажешь и сотой доли того, что приходится переносить минчанам. Казалось бы, что при таких условиях люди забиты, прижаты к земле, но они живут, действуют и борются! Вот что я видел своими глазами. Эсэсовцы вели военнопленных. Кое-кто из горожан вышел на улицу. Один красноармеец поскользнулся у ворот, упал, а подняться не может. Женщина, которая стояла у ворот, в одно мгновение схватила его за руки — и в калитку. Потом вышла и как ни в чем не бывало стоит и смотрит. Конвойный, если бы увидел, застрелил бы и ее и пленного, но женщина в ту минуту, наверное, не думала о смерти.

Мачульский с минуту помолчал, свернул папиросу, потом, глубоко затянувшись, продолжал:

— Был я в одной пригородной инфекционной больнице. В таких закоулках теперь легче остаться незамеченным. Мне рассказали там о медсестре Ларисе Николаевне Козловой. Она не хотела работать на немцев. А когда узнала, что в больнице много наших людей, пришла в больницу. С первых же дней ей стало ясно, что здесь не лечат, а умерщвляют больных. Лариса Николаевна, рискуя жизнью, начала лечить их. У нее нашлись помощники, организовалась подпольная группа. Советские медики лечили наших военнопленных и переправляли в партизанские отряды.

Большую помощь оказала Лариса Николаевна военнопленным, которые под видом гражданских лежали в других больницах города. Она часто заглядывала туда и, хотя сама с детьми жила впроголодь, приносила слабым больным продукты. Тем, кто поправлялся, помогала добыть документы, одежду и давала советы, как выбраться из города и добраться до ближайшего партизанского отряда. Чтобы гитлеровская администрация ничего не заметила, Лариса Николаевна устраивала на освободившиеся койки больных крестьян.

Козлову арестовали. Пять суток ее пытали в гестапо, чтобы раскрыть всю группу. У нее вырывали волосы на голове, ломали пальцы на руках. Ничего не сказала мужественная женщина и

погибла смертью героя.

Подпольная группа, созданная Козловой, несмотря на неслыханные зверства оккупантов, и сейчас действует.

Рассказывали мне о подпольщиках в типографии имени Сталина. Это одна из самых сильных групп в городе. В городе и за городом часто появляются печатные листовки. Их выпускают наборщики, мобилизованные для работы в фашистских типографиях. Делают они это таким образом. Наборщику дается часть текста, и он его прячет до удобного случая. Выбрав минуту, он набирает часть текста, другой — другую и так далее. Потом все эти части складываются и печатаются, но уже в другой типографии.

Недавно на бирже труда появилось объявление, что в немецкую артиллерийскую и ружейную мастерские требуются чернорабочие. Подпольные группы направили туда людей, которые умели не только ремонтировать, но и выносить оружие из мастерской. Много оружия в разобранном виде выносится также из другой мастерской — бывшего гаража Совнаркома…

Все, что рассказал Мачульский, было чрезвычайно важно. Я знал, что он и сотой доли не рассказал того, что происходило в крупных городах и особенно в Минске. Через своих связных мы знали, что тысячи патриотов в белорусской столице вступили в решительную и самоотверженную борьбу с оккупантами. Были у нас сведения о подпольщиках с заводов имени Мясникова, Ворошилова, Кирова и других. Подпольные группы там начали действовать с первых месяцев войны. Особенно много рассказывалось о группе коммуниста Трусова Кирилла Ивановича, работника завода имени Мясникова.

Очень характерна биография этого человека. Детские годы Кирилла Ивановича прошли в семье борисовского кустаря в нужде и голоде. Отец был убит на империалистической войне. Шестнадцатилетним юношей Трусов ушел добровольцем на гражданскую войну. После войны был военнослужащим, работал в городе Червене на агитмашине. В 1923 году вступил в партию.

Война застала его в Минске, где он работал бригадиром на авторемонтном заводе. Все дни страшных бомбардировок города он провел на заводе: помогал спасать ценное оборудование. Домой пришел только на третий день войны. Жена его, Александра Владимировна, работала в детском саду, но эвакуироваться не смогла. Когда из города вывозили детей, в пороховом дыму исчез ее сын. Его потом нашли живым, но выехать из города было уже невозможно, Минск запрудили фашисты. Проводная улица, где жила семья Трусовых, — глухая окраина, однако в поисках коммунистов и туда заглядывали

гестаповцы. Кирилл Иванович скрывался, а потом, чтобы отвести подозрение, пошел работать на вагоноремонтный завод имени Мясникова. Там он познакомился с рабочими, которым мог довериться. Вместе начали думать, как в очень сложных условиях начать подпольную работу, бороться с врагом.

Пришел однажды Кирилл Иванович к себе на квартиру. На полу около стола сидели со своими игрушками четверо его маленьких детей. Жена возилась у печки, но движения ее были такие вялые, безразличные, что казалось, все из рук валится. «Что будет с детьми? — эта мысль больно ранила его сердце. — Хватит ли сил, выдержки, умения защитить их от лишений и страданий, принесенных врагом, удастся ли пережить вместе с ними все испытания, которые встретятся на их пути?»

Александра Владимировна заметила тревогу на лице мужа. Мелькнула мысль, что он нездоров или что-нибудь стряслось на заводе. Спросила, а он молчит, словно не знает, что ответить. Молчал Кирилл Иванович долго, а потом взял на руки самого маленького, двухлетнего сына, крепко прижал к груди:

— Тяжкое время, детки, выпало на вашу долю, — тихо промолвил он. — На вашу и на нашу.

Жена еще больше насторожилась, и Кирилл Иванович под большим секретом сказал ей, что он решил включиться в активную борьбу с фашистскими захватчиками.

— А они? — показала Александра Владимировна на детей.

— Что ж теперь сделаешь, — развел руками муж. — Конечно, легче тому, у кого их нет, но и нам, многосемейным, нельзя сидеть сложа руки. Не такое теперь время.

И он рассказал о том, что увидел сегодня в городе.

Немцы гнали пленных красноармейцев по Советской улице. Впереди пустили грузовик с мешком заплесневевших сухарей. Красноармейцы, измученные голодом, жаждой и страданиями, еле переставляли ноги. А гитлеровцы с бесчеловечной методичностью каждые две-три минуты бросали с грузовика на мостовую по нескольку сухарей. Некоторые из красноармейцев, не выдержав голода, нагибаются за сухарями и отстают, а конвоиры косят их из автомата. Пока дошли до бетонного моста, колонна уменьшилась наполовину. Убитые пленные лежали вдоль всей улицы.

Сердце сжималось у Александры Владимировны, когда она слушала рассказ мужа. Она и сама видела фашистские зверства. Вот, например, сегодня по улице ехал велосипедист, она видела его из окна. Он приблизился к дому напротив, а там возле калитки играла девочка лет трех-четырех. В руках у нее бутылка с песком. Девочка увидела немца, испугалась, бутылка

выскользнула из рук и покатилась на мостовую. Гестаповец резко свернул и слез с велосипеда. С опаской обошел бутылку, ударил ногой девочку и вошел во двор. Мать ее несла воду из колодца. Гестаповец налетел на женщину, сбил с ног и начал топтать каблуками. Фашистскому палачу показалось, что девочка бросила под колеса велосипеда бутылку со взрывчатым веществом.

Александра Владимировна рассказала об этом мужу и припомнила несколько случаев героизма советских людей.

— Вот видишь, — сказал Кирилл Иванович, — люди жертвуют всем, время теперь такое. Люди, о которых ты говоришь, пока что не победили немцев. Но они показали, что врага не нужно бояться, не нужно падать перед ним на колени. Если у нас много будет таких людей, то мы будем наносить вред оккупантам и поможем нашей, армии. А они есть у нас, эти люди, и немало, я в этом уверен. Нужно только побыстрей нам найти друг друга и организоваться. Мы с тобой никогда и нигде не были последними и теперь не будем. Сидеть и ждать, пока кто-нибудь начнет первый, не в нашем характере. Жаль детей, но ничего не сделаешь.

— Я все понимаю, — тихо сказала Александра Владимировна.

Кирилл Иванович включился в подпольную борьбу. Его группа быстро росла. Вместе с пожилыми кадровыми рабочими в группе активно действовали комсомольцы. Подпольщики принимали по радио сводки Совинформбюро, размножали их и распространяли среди рабочих, собирали и прятали в надежных местах оружие и боеприпасы. Члены подпольной группы работали во всех наиболее важных цехах и вредили оккупантам. В колесном цехе, например, выпускали колеса, которые не могли долго служить. Однажды рабочим цеха было поручено сменить колесные пары в вагонах немецкого эшелона. Колеса сменили, а через несколько километров вагон сошел с рельсов и произошло крушение. Много военной техники было разбито, погибло около двухсот фашистских солдат.

В ремонтном цехе подпольщики засыпали в буксы песок. В пути буксы загорались, и поезд стоял, пока их меняли. График движения поездов срывался, и военные эшелоны задерживались.

Подпольная группа все шире разворачивала свою деятельность. Постепенно налаживалась связь с подпольщиками других заводов и пригородных районов. Но вскоре группу постигло большое несчастье. То ли была допущена какая-то оплошность в конспирации, то ли выдал провокатор — 14 октября 1941 года Трусова арестовали.

Шесть дней допрашивали и истязали фашисты Кирилла Ивановича. Шесть дней этот мужественный человек выдерживал

страшные пытки, угрозы, издевательства. Его морили голодом, жаждой, загоняли под ногти иголки, угрожали уничтожить всю семью, если он не выдаст подпольщиков. Но Кирилл Иванович ни слова не сказал фашистам. Наоборот, он еще смог каким-то образом передать одному подпольщику, что его собираются схватить, и тем спас человека от смерти.

Семье Трусова пришлось вынести страшные испытания. Не проходило дня, чтобы не являлись гестаповцы и не устраивали допросов с угрозами и побоями. Не найдя ничего подозрительного в доме, фашисты все же арестовали Александру Владимировну и посадили в тюрьму. Дети остались одни. Три дня допрашивали фашисты мужественную белорусскую женщину, каких только провокаций ни придумывали, однако ничего не добились. На квартире Трусовых часто бывали подпольщики, но Александра Владимировна никого не выдала. Бесстрашно, стойко переносила она издевательства и пытки, не дрогнула, не пошатнулась ни на одно мгновение.

Домой она пришла измученная, без сил. Дети бросились навстречу. Прижимаются, целуют, дрожат от радости, а у самих глазки запали от голода и бессонных тревожных ночей.

— А где тата? — тихонько, чтоб не услыхали малыши, спросила старшая дочка Аня.

Она несколько раз тайком от детей бегала к тюремным воротам, подолгу стояла там, надеясь хоть что-нибудь узнать о судьбе отца и матери. Домой девочка возвращалась печальная, а маленьким говорила, что видела папу и маму и они скоро придут домой.

Александра Владимировна, услыхав шепот дочери, закрыла лицо руками и заплакала. Дети тоже заплакали.

— Придет тата, — сказала Александра Владимировна. — Не плачьте! — Однако в ее голосе не было уверенности.

На следующий день утром поднялась с постели и хотела пойти к тюрьме узнать, где Кирилл Иванович, жив ли? Ступила по комнате и поняла, что не дойдет и до порога: болела голова, ныли руки и ноги, перед глазами плавали желтые круги.

— Аня! — тихо позвала она дочку и при ее помощи добралась до кровати. — Сходи, детка, в город, подойди к гестапо, к тюрьме. Может, узнаешь, что нибудь, услышишь…

Аня вернулась домой, когда стемнело, почерневшая и измученная. От испуга и отчаяния она не могла вымолвить ни слова, а потом, когда малыши уснули, рассказала матери все, что узнала и увидела.

Она долго стояла и ждала возле ворот. Подошли еще люди и стояли вместе с ней, ждали. Кто-то сказал, что вчера немцы

повесили многих советских патриотов. Некоторые пошли посмотреть, нет ли среди повешенных своих. Пошла с ними и Аня. До самого вечера она бродила по городу. Обошла все площади, скверы, парки. Задыхалась от ужаса, ноги подкашивались, когда подходила к виселицам… Не найдя среди повешенных отца, шла искать дальше.

Перед сумерками девочка пришла на Ляховку. Там, на воротах дрожжевого завода, она увидела повешенных. Возле ворот стоял немец, и подойти ближе было нельзя. Она стала вглядываться: один из повешенных еще совсем молодой и ростом меньше, чем отец, другая — девушка с обмотанными марлей ногами, а третий…

Аня с криком бросилась к виселице и свалилась у ног часового… Третий был Кирилл Иванович…

Часовой, немолодой немец, опасливо посмотрел кругом, взял девочку за руки и отвел на другую сторону улицы. Здесь, у порога полуразрушенного закрытого магазина, она стояла до самого темна и плакала. Вечером подъехала грузовая машина, какие-то люди сняли казненных, и машина двинулась дальше. Девочка побежала за машиной. Ей хотелось узнать, где похоронят отца, и хоть об этом сказать матери. Но разве поспеешь за машиной?

Так погиб Кирилл Иванович, один из первых организаторов минского подполья. Дело же, начатое им, не погибло. Подпольная организация на заводе имени Мясникова действовала очень активно, увеличивалась и крепла.

В сельских местностях обком уже многое сделал, а на города пока что меньше обращали внимания. Мы не учли, что в городах борьба проходила в более сложных условиях. Однако связь с городами мы держали. С Борисовом, Крупками, Логойском и Заславлем связь поддерживалась через Ходоркевича и Яраша, а позже через товарищей Смирнова и Федорова. Через Шашуру, Ольховца, Храпко и Полонейчика наладили связь с Бобруйском, Осиповичами, Старыми Дорогами. С Пуховичами, Червенем и частично с Минском нас связывал Покровский.

Однако этого было явно недостаточно. Десятки подпольных партийных организаций и групп требовали более оперативного и ежедневного руководства. А ведь ясно, что даже одна подпольная группа в Минске, где сосредоточено много гитлеровцев, может многое сделать. Да и сообщения из Минска имели очень большую ценность. Если это военный план — то план крупных масштабов, если директива — так из самой ставки! В Минске размещена гитлеровская промышленность, учреждения, железнодорожный узел. Диверсия в Минске — нож в сердце врага. Наконец создание широкого минского подполья могло бы серьезно помочь

массовому развертыванию партизанского движения в пригородных районах. Минским областным комитетом партии оставлены там надежные люди. Проверенные, стойкие коммунисты работали в Руденске, Заславле, Логойске, Пуховичах, Червене, Дзержинске, Смолевичах. Если они будут связаны с минскими коммунистами, им легче стать на ноги, развернуть партизанское движение в больших масштабах. Из Минска пойдут в окрестные леса оружие и медикаменты, шрифты и типографские машины, бумага и все необходимое. А главное, оттуда пойдут люди — закаленные большевики, стойкие патриоты.

Мачульский спустя некоторое время уснул, усталость взяла свое, а я еще долго лежал с открытыми глазами. Все новые и новые планы возникали в голове, как-то особенно ярко и отчетливо вырисовывались задачи ближайших дней.

XIII

Меркуль долго и безрезультатно искал группу Левшевича. Люди исчезли. В плен попасть они не могли, в тот день не было отмечено стычек с врагом. Нам бы донесли, если что-нибудь произошло. Не осталось бы в тайне, если бы кто-нибудь из группы стал предателем. Это быстро разнеслось бы по деревням — никого так не презирают люди, как изменников Родины.

Оставалось предположить только одно: спрятались люди где-то поближе к дому, в темном уголке, и сидят, ждут, пока минуют тяжелые дни. Трусость, должно быть, взяла верх над всем остальным.

Подоспели разные другие дела, и случай с Левшевичем ушел на задний план. Мы уже начали забывать о нем. Но однажды получили сведения, что житковичские полицейские арестовали несколько наших связных. И снова вспомнили о Левшевиче. Кроме него, никто из тамошних жителей не знал о наших связных в деревнях Осово, Червонное озеро — гадать уж было нечего!

Этот случай обсудили на бюро обкома и сделали вывод, что надо проявлять еще большую осторожность «в подборе кадров. Всякая ошибка может наделать очень много вреда. В последнее время на Любанщине, в Старых Дорогах, Гресске, Копыле, Слуцке, Красной Слободе, Глусске и в Октябрьском районе организованы новые партизанские группы, образовались партизанские отряды. Руководителей этих боевых единиц мы знали не всех. В Заболотье выделилась и стала самостоятельно действовать группа Пакуша и Русакова — этих людей мы хорошо знали, в Копыльском районе мы знали товарища Жижика и в Гресском — Зайца. А вот в деревне Горное Любанского района появилась группа Розова, в деревне Живунь — группа Патрина, в Славковичах — Столярова. Об этих людях мы очень мало знали, некоторых даже не видели.

Партизанское движение в тылу врага — славное и благородное дело, если оно вдохновляется чувством советского патриотизма, освящено верностью Родине, великой партии Ленина. Мы знали, что найдутся люди, которые будут не прочь погреть руки на партизанском движении, использовать отряд в своих эгоистических целях. А могли быть и просто провокаторы; таких мы тоже встречали на своем пути.

Так до нас стали доходить слухи о каком-то Балахонове, который подвизался в Глусском районе. Население говорило о нем с ненавистью и страхом. Этот человек окружил себя разгульными, бесчестными людьми. Они рыскали по деревням, вообразив, что им все дозволено. Приедут в деревню, заберут

лучшие продукты, одежду, скот, а в другой деревне все это продают, меняют.

Выдавали они себя за настоящих партизан. Балахонов старался походить на Чапаева, он отпустил усы, сшил папаху; держал при себе молодого ординарца и звал его Петькой. Этот «Чапаев» с оккупантами не воевал, а разгуливал по деревням и своевольничал. Нам удалось быстро и до конца раскрыть «деятельность» Балахонова. Было похоже, что Балахонов и его сподвижники подосланы гестаповцами для дискредитации партизанского движения.

С Патриным мы вскоре познакомились. Он явился в Любанский райком партии по первому вызову, а потом вместе с Луферовым, Горбачевым, Лященей пришел в подпольный обком. Патрин все до мелочей рассказал о себе, поделился своими планами и соображениями. Он понравился нам своей искренностью, серьезным отношением к делу, правильным пониманием указаний партии, умением держаться просто и с достоинством. Учитель по специальности, Патрин перед войной работал заведующим районным отделом народного образования. В армию призван из запаса, под Барановичами был тяжело ранен и попал в окружение. Окрепнув после ранения, он пошел на восток и, добравшись до Любанского района, создал партизанскую подпольную группу. В ней были местные жители и пять бывших красноармейцев. Рассказывая о своих планах, Патрин настойчиво просил прислать ему комиссара. Наконец он и сам, соглашался остаться комиссаром отряда, если райком поможет подобрать командира. Эта просьба заставила нас еще больше уважать его.

Патрин правильно понимал огромное значение политико-воспитательной работы в отряде и среди населения. К сожалению, в первый период партизанского движения некоторые из наших командиров недооценивали роль комиссаров в партизанских отрядах.

Командир другой группы, в прошлом воентехник, Розов был полной противоположностью Патрина. На наш вызов в обком он не явился и даже не счел нужным ответить на него. Горбачев попробовал договориться с ним лично, но успеха не достиг. Розов заявил, что ни райкомам, ни обкомам на оккупированной территории он не подчиняется и вообще не хочет знать никакого начальства.

Примерно таких же взглядов придерживался и Столяров. Это бывший повар, человек политически малоподготовленный и по своей неопытности и отсталости мог просто ошибаться. Мы знаем также, что сын одного кулака, пробравшийся в отряд под видом

красноармейца, стремился вовлечь Столярова в дурные дела, хотя сам Столяров не хотел использовать партизанское движение в каких-либо других целях.

Мы решили заняться этими двумя группами. К Столярову поехал Бельский, а я — к Розову.

Найти группу Розова оказалось нетрудно. Она размещалась в деревне, никакого лагеря и базы у нее не было. Каждый жил в отдельной избе — теплой и уютной: хозяйки кормили, обмывали и обшивали. Розов на правах командира занимал самый лучший домик и жил на широкую ногу. В этой деревне, как во всякой другой, колхозники сами недоедали, а партизан и раненых советских воинов кормили, делились с ними последним. Да и люди из отряда Розова сами не давали себя в обиду. Если им не хватало чего-нибудь в своей деревне, они шли в соседнюю и добывали там. Этим почти и ограничивалась их деятельность. Все их боевые дела сводились к тому, что они кое-где пугнули полицейских, сорвали с забора приказ коменданта да наклеили готовую листовку.

Розов производил впечатление весьма положительного, скромного человека. Молодое открытое лицо, высокий лоб, добрый мягкий взгляд. Встретив такого человека, хочется говорить с ним ласково, по-товарищески. Розов встал мне навстречу, приветливо поздоровался, пригласил сесть.

— Николай Николаевич, — представился он, заметив, что я смотрю на него выжидательно. Ни фамилии, ни военного звания не назвал. Может быть, поэтому и группу называли везде: «Отряд Николая Николаевича»?

Чем больше мы разговаривали, тем больше выявлялось необыкновенное упрямство и чрезмерная самоуверенность Розова. В принципе он признавал необходимость дисциплины в партизанской войне, но ни с одним моим практическим предложением не соглашался. Когда я предложил ему оставить уютные квартиры и распроститься с положением «зятьев», он покраснел и, еле сдерживаясь, попросил больше не говорить ему об этом. На его взгляд, переселение в лес не вызывалось необходимостью: можно воевать и сидя дома, было бы только желание.

Очевидно, Розов не думал об активной партизанской борьбе. Он твердо верил, что Красная Армия справится с врагом и сама, без помощи партизан, а им, военным людям, надо только сберечь себя в тылу, чтобы, когда армия вернется, встать в боевые ряды.

Я настаивал, чтобы группа соблюдала конспирацию, немедленно перешла в лес и в ближайшее время выросла в сильный партизанский отряд. Против этого Розов еще сильнее

запротестовал. Расти за счет местного населения он считал чуть ли не авантюрой, пустой затеей:

— Что я с ними буду делать? — возмущался он. — Пропадешь с ними в лесу. Превратиться в интенданта, добывать для них продовольствие, кормить?! Пускай сами перебиваются кто как может. А воевать они все равно не будут! Иной боится ночью на улицу выйти, а мы его в лес потащим, в партизаны. Нет, избавьте меня, пожалуйста, от этих экспериментов, это не по моей части.

— Как раз по вашей, — возразил я. — Это обязанность каждого патриота. Прежде чем возводить поклеп на людей, надо приглядеться к ним, понять, изучить. Здешние партизаны еще в гражданскую войну показали себя героями. Вот рядом с вами Октябрьский район, в прошлом Рудобельский. Этот район и назван Октябрьским потому, что здесь в гражданскую войну широко развернулось партизанское движение. Сотни партизан погибли тогда смертью героев, и об их подвигах знает вся Белоруссия. Вспомните бессмертную славу дукорских партизан! А прославленный герой гражданской войны дед Талаш? Он действовал недалеко отсюда, в Петриковском районе. Недавно я получил донесение, что дед Талаш и сейчас не сидит без дела! Он борется с первых дней войны. Гитлеровцы не раз в своих листовках угрожали ему смертью. Дед Талаш собирает оружие, боеприпасы, дает советы партизанам и подпольщикам. А ведь ему уже за девяносто лет! Разве вам неизвестно, что белорусские партизаны в дни Великой Отечественной войны еще более геройски проявили себя и правительство отметило их героизм высокими наградами?

Через несколько дней я снова навестил деревню Горное. Группы Николая Николаевича в деревне уже не было, но первый встретившийся мальчик показал мне место ее новой «дислокации». Группа расположилась в небольшом лесу, почти рядом с деревней и, как мне показалось, служила больше для отвода глаз, чем для дела.

— Задание ваше выполнил, — доложил мне Розов, — перешли на лагерное положение, готовимся к зиме.

— Хорошо, полюбопытствуем.

Землянка была просторная, неплохо оборудованная, только жильем в ней что-то не пахло. По всему было видно, что партизаны построить землянку построили, а ночевать ходили в деревню.

— А где же ваша кухня, запас продуктов? — спросил я.

Розов покраснел.

— Еще там, в деревне, — смущенно ответил он.

— Подготовьте группу к боевой операции, — приказал я.

Приближалась XXIV годовщина Октября. Мы уже несколько дней разрабатывали план крупных операций в честь славной годовщины. Это было единодушное желание партизан и воля всего населения.

Мы наметили разгромить немецкие гарнизоны в Любани, Копаткевичах, Житковичах, Погосте, Красной Слободе и Копыле, организовать крупные диверсии в городах. За Любанью уже давно следил Евстрат Горбачев. Там у него были свои глаза и уши. Связные и подпольные группы уведомляли обо всем, что делалось в гарнизоне. Загальский колхозник Виктор Раменьчик уже около месяца ходил в полицейской форме, нес охранную службу, ездил на засады. В гарнизоне его считали преданным и активным полицейским, и только мы знали о настоящей службе этого человека. Раменьчик доставил нам планы размещения гарнизона, укреплений и огневых точек. Он регулярно сообщал о планах и намерениях любанской комендатуры и старательно готовился к партизанскому налету.

Параллельно с Горбачевым разведку в Любани вел Патрин. Две партизанки его отряда жили в городском поселке и раздобыли очень ценные сведения. Все данные разведки были потом обобщены и систематизированы в штабе.

Сведения о копаткевичском, житковичском и других гарнизонах принесли разведчики, посланные еще с Червонного озера. Перед нами стояла задача — собрать все наши силы, координировать действия отрядов и ударить одновременно по гарнизонам.

Николай Николаевич молча выслушал мой приказ, козырнул в знак согласия, а потом осторожно начал возражать.

— У меня нет необходимого оружия, — растерянно говорил он, — нет боеприпасов, продуктов.

— Все должно быть! — повторил я. — Вы сидели в деревне три месяца, за это время можно было позаботиться обо всем!

— А на какую операцию вы нас пошлете? — уже с большим интересом спросил Розов.

— Узнаете за несколько часов до начала.

— Есть. Когда и куда прибыть?

Я назначил время и место явки. Через день на условленное место пошел Роман Наумович. Вернувшись, он рассказал, что Розов выполнил приказ, только с вооружением у него плоховато: нет автоматов и мало патронов. Просил дать ему еще два дня, он достанет станковый и несколько ручных пулеметов. Я разрешил: день наших боевых операций был еще не близок.

Группу Столярова Иосиф Александрович едва нашел.

Столяров не сидел на одном месте, как Розов, а рыскал по деревням и везде гулял, пьянствовал. Иногда на некоторое время он выходил в лес и, побыв там дня два, возвращался в деревню.

Операция была назначена на четыре часа утра 7 ноября. В целях конспирации и более оперативного руководства обком перебрался на остров Зыслов, на основную базу отряда Долидовича. Мы связались с Коржем и Меркулем, с Жуковским и Жижиком, Зайцем и Покровским, Петрушеней, Храпко и житковичскими коммунистами. Павловский и Маханько должны были действовать в Копаткевичском районе: надо было нанести удар там, где ею не ожидают. От такого удара врагу трудно будет оправиться. Не было ни одного района в Минской области, а в районах — ни одной группы или отряда партизан, которые к этому великому празднику не готовили бы как «подарок» удар по врагу.

На Любань должны были идти отряды Долидовича, Патрина и Розова. Гарнизон там был большой и хорошо укрепленный.

Незадолго перед операцией Мачульский и Варвашеня принесли на остров новый радиоприемник. Аппарат нам достать было нетрудно, а вот с батареями приходилось туго. Часто люди ходили за ними за полсотни километров. Большую помощь оказал один местный житель, старый коммунист Герасим Маркович Гальченя. Как раз к этому времени он пришел в Любанский район. Война захватила Гальченю в Белостокской области, где он в то время работал. В июле ему удалось добраться до Гомеля. Там он зашел в ЦК КП(б)Б, и через некоторое время его направили в Любанский район. С ним в родные места вернулись Филиппушка и Костюковец. С месяц они добирались к нам, потом прошло еще недели две, пока им удалось связаться непосредственно с обкомом. Горбачев познакомился с ними несколько раньше, а к нам Гальченя попал только перед праздником.

Сразу было видно, что это человек с большим опытом, смелый, инициативный и добросовестный. Герасим Маркович знал не только свой, но и соседние районы, имел множество знакомых среди местных жителей и обладал исключительными способностями следопыта. Он легко ориентировался в любой местности, в любое время суток мог провести через любое болото или лес. Такие люди нам были просто необходимы.

Когда надо было добыть что-нибудь нужное для штаба, Герасим Маркович почти безошибочно указывал, где и у кого это можно достать. Как-то зашел разговор о новом радиоприемнике, и он сказал, что аппарат можно взять у жены местного лесничего Веры Сущени, а батареи найдутся только у одного очень дальнего

человека, его хорошего знакомого, да у некоторых его родственников.

Нашлись специалисты по установке антенны и радиоприемника. Нашлось несколько человек, умеющих быстро записывать передачи, в их числе — Филиппушка, Костюковец и работник обкома Сакевич. Иван Денисович Варвашеня отрегулировал радиоприемник, С пяти часов вечера 6 ноября он начал ловить Москву.

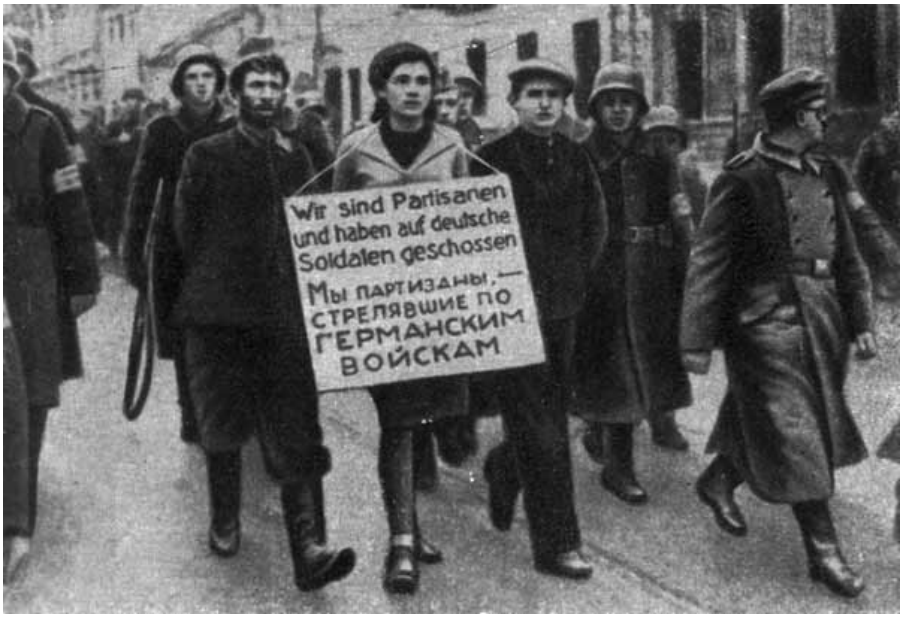
Двери штабной землянки открыты настежь. Желтоватый, дрожащий свет лампы, стоящей на столе возле приемника, освещает взволнованные и напряженные лица людей. И в землянке и возле нее много партизан и крестьян из соседних деревень. Наступал великий праздник, и каждому хотелось почувствовать его всем сердцем. Двадцать три года люди праздновали годовщину Октябрьской революции. Это уже стало традицией, духовной потребностью советского человека.

И вот снова пришел великий праздник, а кругом фашисты. Людей потянуло туда, где можно дать волю своим мыслям и чувствам, где можно хоть на минуту отдаться праздничному настроению и где, наверное, будут добрые вести.

Жила у людей непоколебимая уверенность в том, что день XXIV годовщины Октября должен принести что-то радостное, счастливое. Не хотелось думать о тяжелом, печальном, хотя судьба любимой столицы вызывала тревогу. Фашистские стервятники сбрасывали листовки, в которых заявляли, что гитлеровцы якобы уже взяли Москву. Ежедневно в отрядах партизаны слушали сводки Советского Информбюро, ежедневно партизанские агитаторы расходились по деревням со свежими вестями с фронта. Но не всегда эти вести были такие, какие хотелось услышать: люди ожидали решительного перелома, ждали крупных побед.

В лагерь пришли все, кому можно сюда прийти: свободные от службы партизаны, наиболее надежные и проверенные связные, деревенские коммунисты — руководители подпольных групп, комсомольцы… Здесь можно было увидеть многих из тех, кто присутствовал на первом районном партийном подпольном собрании на лесной полянке. Вот на пороге, землянки, прислонившись широкими плечами к косяку, сидит Григорий Иванович Плышевский. Его группа выросла в самостоятельный отряд и провела несколько довольно значительных операций. Рядом на пеньке примостился Степан Корнеев, командир роты в отряде Долидовича.

Подпольная типография.



Фашисты ведут минских подпольщиков на казнь. Крайний слева К. И. Трусов.

Героиня-подпольщица Феня Кононова.

Пришла и Феня Кононова — учительница, секретарь подпольной комсомольской организации в деревне Нижин. Закутанная в большой теплый платок, в неярком свете лампы она выглядела солидной, пожилой женщиной. Со времени первого

партийного собрания она заметно изменилась: взгляд карих, темных глаз стал глубже и спокойней. Девушка внимательно следила за всем окружающим. В течение последних месяцев она провела большую работу в своей и соседних деревнях. С помощью Любанского подпольного райкома комсомола, секретарем которого был назначен Адам Майстренко, она организовала в деревне Нижин сильную комсомольскую группу. Комсомольцы собирали для партизан оружие и боеприпасы, проводили диверсионную работу на дорогах, распространяли листовки. Кроме того, дом Кононовых — одна из главных конспиративных явок.

Трудна и опасна жизнь этой скромной девушки. Выполняя свой патриотический долг, она жертвовала всем. Часто Феня вместе со своей сестрой, комсомолкой Марией, доставляла нам чрезвычайно важные сообщения из Слуцка, Осипович, Бобруйска. Каким бы трудным ни было задание, Кононова, не колеблясь, бралась за него и всегда точно выполняла.

Иван Денисович Варвашеня с наушниками все шарит и шарит в эфире. Присутствующие, не отрываясь, следят за движением его рук, заглядывают в лицо.

Люди ожидают уже около двух часов. Здесь много партизан, которым скоро идти в бой. Услышать бы им хоть что-нибудь о Москве, о советском тыле — тогда легче воевать, рука крепче будет держать оружие!

Роман Наумович подсел ближе ко мне и шепчет, как бы продолжая наш недавний разговор:

— После боя снова пойду в Минск и Бобруйск.

— Пойдешь, если пошлем, — шепотом отвечаю я.

— Обязательно надо послать! — убеждает меня Мачульский. — Не меня, так еще кого-нибудь. Со всеми нашими городами надо связаться, создать там крепкое партийное подполье.

— Теперь уже, Роман Наумович, надо не только создавать подполье, но и умело им руководить, чтобы оно было действенным, поднимало людей на борьбу. Вот что сейчас нужно…

Я замолчал и тронул Мачульского за локоть, заметив, как сосредоточенно-спокойное лицо Ивана Денисовича осветилось радостью. И вдруг красный глазок приемника начал темнеть — разрядилась батарея. Все беспокойно задвигались, стали звать Гальченю. На счастье, в его запасливом мешке нашелся еще один заряд. Несколько пар рук лихорадочно взялись налаживать аппарат. Не прошло и трех минут, как Варвашеня снова схватился за наушники.

— Что ты услышал? — спросил его Мачульский.

— Мне показалось… — Иван Денисович не договорил и хотел надеть наушники.

— Что, что? — посыпалось со всех сторон. — Скажи, что показалось, что послышалось?

Варвашеня улыбнулся и, как бы извиняясь за свою неуверенность, сказал:

— Мне показалось, что я услышал голос Москвы, только не Могу еще сказать твердо… Может, мне почудилось…

И он снова углубился в свое занятие. Его поиски теперь были еще более напряженными, это было заметно по движениям пальцев, по выражению лица. Должно быть, в душе Иван Денисович верил, что тот голос, который на мгновение долетел сюда, на далекий партизанский остров, был голосом Москвы.

Через некоторое время сквозь шум и треск снова в наушниках послышался знакомый голос. Варвашеня поднял руку и сказал торжественно и взволнованно:

— Сталин, товарищи!

Он повернул регулятор, и из радиоприемника раздался голос Верховного Главнокомандующего:

«Теперь этот сумасбродный план надо считать окончательно провалившимся».

Из приемника загремели аплодисменты.

— Какой это план? Что было сказано перед этим? — спросили сразу несколько человек. Они надеялись, что Иван Денисович слышал начало речи.

— Это о плане «молниеносной войны», — быстро объяснил Варвашеня. — Тише, товарищи!

«Чем объяснить, — ровно и спокойно звучал голос в землянке, — что «молниеносная война», которая удалась в Западной Европе, не удалась и провалилась на Востоке?

На что рассчитывали немецко-фашистские стратеги, утверждая, что они в два месяца покончат с Советским Союзом и дойдут в этот короткий срок до Урала?»

— Должно быть, торжественное заседание в Москве, — взволнованно прошептал Мачульский.

Если звучит голос Москвы в эфире, значит она живет! Привет тебе, родная столица! Голосом Верховного Главнокомандующего Москва приветствовала людей на глухом полесском островке в глубоком тылу врага.

«Неудачи Красной Армии, — продолжал И. В. Сталин, — не только не ослабили, а, наоборот, еще больше укрепили как союз рабочих и крестьян, так и дружбу народов СССР».

Снова загремели аплодисменты, некоторые из

присутствующих тоже начали аплодировать, но на них сразу же зашикали, замахали руками. Слова хорошо были слышны в землянке, их можно разобрать и возле открытой двери, а дальше они становились неразборчивыми, сливались. Самый дальний спросил у соседа, сосед передал вопрос дальше, и так дошло до Григория Плышевского, который сидел на пороге землянки. Тот ответил раз, другой, а потом начал тихонько повторять. Так из уст в уста шепотом передавались слова доклада и шли по всему острову.

«Существует только одно средство, необходимое для того, чтобы свести к нулю превосходство немцев в танках и тем коренным образом улучшить положение нашей армии. Оно, это средство, состоит не только в том, чтобы увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране, но также и в том, чтобы резко увеличить производство противотанковых самолетов, противотанковых ружей и орудий, противотанковых гранат и минометов, строить побольше противотанковых рвов и всякого рода других противотанковых препятствий.

В этом теперь задача».

— В этом теперь задача! — послышалось среди партизан.

Время было отправляться на боевые операции. Из землянки вышли командиры отрядов и групп. В памяти каждого жили недавно услышанные слова. Они внушали бодрость и горячее желание отдать все силы на борьбу с врагом. У радиоприемника остались Сакевич, Костюковец, Филиппушка и еще несколько партизан с карандашами и бумагой. Они сверяли свои записи. Варвашеня отозвал в сторону руководителей подпольных групп, Феню Кононову и связных. По поручению обкома он объявил им, что завтра к полудню будет выпущена листовка с докладом И. В. Сталина. Для этого в лагере оставляется группа людей. Их работа будет считаться боевым заданием. Что не удалось записать теперь, запишут по передатчику ТАСС. Необходимо завтра выслать своих людей на явочные пункты, чтобы вовремя забрать листовки и распространить их среди населения.

XIV

План любанской операции состоял в следующем: две боевые группы со станковыми пулеметами перерезают дороги из Любани на Уречье с севера и на Погост и Слуцк с запада. Специальные ударные группы гранатометчиков и автоматчиков под командованием Бельского и Варвашени должны были бесшумно подползти к комендатуре, снять часовых и ровно в четыре часа утра атаковать эсэсовцев. Командиром группы автоматчиков назначен Дмитрий Гуляев — комиссар отряда Долидовича. К этой группе был присоединен отряд Патрина. Остальные партизанские силы разделили на две части. Одна часть должна наступать с северной стороны Любани, другая — с южной. Подготовка к операции проводилась в полной тайне. Шли мы в такое время, когда враг не ждал удара.

Наша задача осложнялась тем, что к юго-востоку от Любани протекает река Оресса, а к западу находится болото.

В двум часам ночи 7 ноября бойцы Гуляева и отряд Патрина подошли к тому месту Ореccы, где она ближе всего подходит к Любани. Здесь был мост, и он служил единственной переправой через реку. Гитлеровцы поставили сильную охрану и, таким образом, защитили себя от опасности нападения со стороны лесистых участков района.

Этот заслон мог стать для нас значительной помехой. Охрану моста предполагалось снять без шума, но если часовой все-таки успеет поднять тревогу, тогда наша операция примет совсем другой характер. Все это необходимо было учитывать.

Я вызвал к себе командиров передовых подразделений:

— Что думаете делать? — спросил я Гуляева.

— Сомну, — тихо ответил он, — никто и пискнуть не успеет.

В его голосе звучали решимость и уверенность, однако положиться только на это нельзя было. Рядом со мной стоял Горбачев, он получил задание: любым способом заслать в районный центр пятерых партизан. В назначенный час они подойдут к мосту из городка и по сигналу бросятся на охрану. Затем я приказал выделить две группы: одну от Гуляева, другую от Патрина. Они подойдут к мосту не по дороге, а вдоль реки: одна с правой стороны, другая с левой. Задача этих групп та же: уничтожить охрану. Если не удастся снять ее бесшумно, уничтожить быстро и в ту же минуту всем ворваться в районный центр и, не дав гитлеровцам принять боевой порядок, занять построенные ими укрепления.

На мост пошли четырнадцать смельчаков. Улучив удобный

момент, они набросились по сигналу на немецкие патрули и обезвредили их. Три вражеских пулеметчика и несколько гитлеровцев в караульном помещении были уничтожены.

Дорога очищена, отряд и группы двинулись по заранее намеченным маршрутам на свои позиции.

Подошли точно по плану к зданиям, где разместились эсэсовцы. Наших бойцов окликнул часовой. Короткой очередью из автомата Гуляев скосил фашиста. Стрелять раньше времени запрещалось, это могло всполошить гарнизон, но иного выхода не было. Пока гитлеровцы забили тревогу, группа Гуляева успела достигнуть глинобитного здания. Загремела «карманная артиллерия». Слышался звон стекла, дикие крики и стоны гитлеровцев. С вышек застрочили два станковых пулемета. Фланговые группы Патрина открыли огонь по вышкам и по окнам дома. Оккупанты выскакивали в окна, но тут же падали мертвыми. Затрещали немецкие пулеметы и с других огневых пунктов, но с перепугу гитлеровцы били невпопад. Хорошо зная каждый закоулок в городе, наши боевые группы обошли их.

Кроме отряда эсэсовцев, в Любани были комендатура, гестапо, отряд полиции. Они были атакованы отрядами Долидовича и Розова. Оккупанты пробовали сопротивляться: на улицах началась беспорядочная стрельба, но налет был таким неожиданным, что фашистская шайка, охваченная паникой, не сумела занять оборону.

Бой продолжался около двух часов, он прошел даже с большим успехом, чем мы ожидали. Вражеский гарнизон был полностью разгромлен. Больше полусотни фашистов убито, много ранено, часть полицейских разбежалась. Наши отряды захватили оружие, боеприпасы, продукты и одежду. Значительная часть продуктов и одежды была роздана местному населению.

Утром, когда основные группы отошли от Любани и остановились в деревне Редковичи, мы получили донесение командиров засад на дорогах. Они сообщали, что вражеских подкреплений не видно. Это немного удивило нас: неужто наш удар был таким внезапным, что гитлеровцы не успели поднять тревогу? Я отдал приказ снять заставы.

Рассвело. Наступило холодное, безветренное и ясное утро поздней осени. Солнце поднялось и заиграло на стеклах окон трепетными разноцветными огоньками. И по мере того как оно поднималось, ярче, свежее становилось все вокруг. Молодо желтели не успевшие почернеть за войну новые заборы, легкий иней таял на крышах, светясь и поблескивая водяными капельками, то здесь, то там выглядывал пучок еще зеленой травы. Наступил тот волнующий час, когда советский человек

выносил из дому красный флаг, вывешивал его над воротами и, радостный, взволнованный, шел на демонстрацию.

Солнце светило ласково, по-праздничному; нас так и тянуло отложить все дела и организовать в приютившей нас деревне демонстрацию, провести праздник по всем правилам, как в доброе мирное время. Но задержаться надолго мы не могли. Фашисты скоро спохватятся, бросят войска на Любань, тогда нам труднее будет отойти на свои базы.

На улицу вышли девушки, одетые по-праздничному. Накануне оккупанты объявили, что все советские праздники отменяются и празднование годовщины Октябрьской революции будет жестоко караться, но вот девушки все-таки вышли. Постепенно на улице собралось много народу. Сначала несмело, осторожно, потом в полный голос они начали разговаривать с партизанами. Узнав, что это мы ночью разгромили любанский гарнизон, крестьяне многозначительно, с искоркой одобрения в глазах улыбались, подмигивали друг другу. Когда они узнали, что вечером мы слушали Москву, обступили нас со всех сторон и просили задержаться хоть на одну минуту, хоть в двух словах рассказать, что слышно в Москве.

Так сам собой в Редковичах возник праздничный митинг. Рискуя попасть в опасное положение, мы все-таки задержались в деревне. Я поздравил собравшихся с праздником XXIV годовщины Октябрьской социалистической революции и передал содержание речи И. В. Сталина на торжественном заседании в Москве.

Казалось, ни в один праздник люди не переживали такой огромной, захватывающей радости. И мы радовались вместе с ними. Радовались тому, что Родина наша устояла перед вражеским натиском и чем дальше, тем больше крепнет наша армия. Радовались и тому, что наш большой партизанский бой прошел с успехом.

Солнце стояло над крышами, когда мы покидали деревню. По улице шли строем, крестьяне провожали нас. А на углах хат, на воротах начали появляться красные флаги. Редковичи приветствовали XXIV годовщину Октября! У партизан тверже становился шаг, красные флаги отмечали нашу победу и звали нас вперед.

По дороге в лагерь нас догнали партизаны одной из застав. На повозке возле станкового пулемета лежал человек, вымазанный грязью так, что трудно было разглядеть его одежду и лицо.

— Кто такой? — спросил я у командира заставы.

— Полицейский, — ответил тот, — схватили возле местечка, бежал куда-то.

— А почему на повозке, он что, идти не может?

— Да, не может, товарищ командир. Заморыш какой-то, должно быть гниловатый, а тут еще хлопцы дали ему припарки, он и сомлел.

— Счастье его, — вмешался в разговор Яков Бердникович, — что быстро обвял. Еще прикидывается своим, дураков нашел. Вот очнется, так мы ему еще…

— Никаких самосудов! — резко оборвал я Бердниковича и позвал Горбачева.

У меня мелькнула тревожная догадка: возможно, это действительно наш человек, тот самый подпольщик, которого Горбачев пристроил в любанском гарнизоне.

К величайшему удивлению партизанской заставы и особенно Бердниковича, который больше всех старался проучить «полицейского», выяснилось, что это и есть Раменьчик, наш партизан-разведчик. Он чуть было не погиб во время налета. Действительно, сложное положение у человека. Разведчику нужно было остаться в гарнизоне до последней минуты и ожидать наших. Раменьчик пошел на самопожертвование и добросовестно выполнил свой патриотический долг.

Он постарался устроить так, чтобы с двух часов ночи самому стоять часовым. При появлении партизан он бросил пост и, воспользовавшись паникой и переполохом среди гитлеровцев, испортил в комендатуре рацию и телефонные аппараты. Чтобы не попасть под горячую руку партизан, Раменьчик потом спрятался в надежном месте, переждал самый критический момент и направился к партизанам. Тут его и схватила наша застава. Вестимо, если человек в полицейской форме, то долго с ним не разговаривали.

В лагере нас ожидала радостная новость. Работник обкома Сакевич, остававшийся в лагере вместе с небольшой группой партизан для выпуска листовок, рассказал нам, что в Москве на Красной площади состоялся военный парад, на котором с речью выступил И. В. Сталин. Текст речи удалось записать полностью.

«…Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! — говорил Верховный Главнокомандующий. — На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих

предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!»

В скором времени начали поступать донесения из других районов. Первым явился посыльный от Меркуля и Коржа. Его доклад вызвал у всех нас небывалое оживление. Дело в том, что отряд Коржа вместе с группой Меркуля при активной помощи колхозников весьма хитроумным способом уничтожил три полицейских гарнизона в деревнях Забродье, Червонное озеро и Осово. Притом уничтожил их, мало применяя оружие.

К операции Корж приготовился хорошо. Изучив обстановку, Василий Захарович решил не тратить на полицейских много патронов, а захватить их всех без шума. О своем плане Корж рассказал членам Старобинского райкома партии. План был одобрен. Районный подпольный партийный комитет выделил в помощь Коржу группу бойцов Меркуля. Поговорили с партизанами; их тоже захватил смелый и оригинальный план очередной операции.

Начали действовать. Василий Захарович Корж взял на себя роль «переводчика», а партизан Нордман, неплохо владевший немецким языком, переоделся в форму гитлеровского офицера: он играл роль «коменданта». Несколько партизан переодели в немецкую форму. В боевую группу подбирались люди смелые, решительные, с большой выдержкой и сильной волей.

Перед рассветом подошли к деревне Забродье. Поставили вокруг пулеметы, потом разделились на группы по два, по три человека и пошли дальше. Корж шел с «комендантом». Полицейские не были на казарменном положении, поэтому приходилось заходить «в гости» к каждому в отдельности. Корж направился к дому старосты. Остановившись возле его хаты, Василий Захарович властно постучал в окно.

— Кто там? — отозвался хриплый мужской, голос.

— Комендант Шульц, — грозно проговорил Нордман.

А «переводчик», в свою очередь, объяснил:

— Пан комендант хочет поговорить с вами.

Тем временем «комендант» начал выкрикивать немецкие слова, подбирая наиболее грубые и оскорбительные. Прошло несколько минут — и в окнах появился свет, потом загремел запор, дверь открылась. Корж в сопровождении двух переодетых партизан вошел в хату. Староста, пожилой мужчина с лысиной, угодливо поклонился, а выпрямившись, весь побелел. Он узнал одного из партизан. Судорожным взмахом руки староста сбил лампу, бросился в сени и схватил топор. Стрелять побоялся — в

хате были его жена и дети. Корж тоже не стрелял: в темноте можно было попасть в своих. Завязалась короткая отчаянная борьба. Стоило сделать какой-нибудь промах, и провалилась бы вся операция. Если староста вырвется живым, он поднимет тревогу.

Поймав старосту лучом фонарика, Корж нацелил на него пистолет и приказал бросить топор. Яркий свет ослепил полицая. Один из партизан подбежал и стукнул его автоматом по голове. Топор выпал из рук. Старосту связали и вытащили на улицу.

А тем временем партизаны расправились с остальными полицейскими деревни Забродье. Местные колхозники помогали партизанам ловить и уничтожать врагов. Тех, кто остался в живых, забрали с собой, крепко связав им руки.

Двинулись дальше. Было уже светло, но партизаны шли не скрываясь. Вскоре показалась деревня Червонное озеро. Неподалеку от нее Корж приказал положить полицейских на землю лицом вниз. Оставив возле повозок охрану с пулеметами, сам с Нордманом и группой партизан пошел в деревню. Встретив на улице полицейского, «переводчик» велел ему проводить «пана коменданта» к старосте. Тот рад был угодить начальству.

— Давно служишь? — спросил его Корж.

— Давно, — угодливо ответил полицейский, — с первых дней освобождения.

— Ого! — «переводчик» сделал удивленное лицо. — Ветеран, значит?

— Что?

— Ветеран, говорю, старый служака. Здешний или приезжий?

— Здешний, но последние годы здесь не был.

— А где?

— В советской тюрьме.

— Так, так, — закивал головой «переводчик».

А «комендант» одобрительно сказал:

— Гут, гут!

— Нагоревался ты, видно, — продолжал «переводчик». — И, верно, ни за что сидел?

— За пустяки, — охотно выкладывал «немцам» полицейский, — стрелял в одного активиста во время коллективизации, да плохо попал, только ранил.

— Нагоревался! — сочувствовал «переводчик». — Ну, ничего, теперь ты у нас нужный человек, послужишь еще немного, награду дадим, повысим.

— По-о-весим… — медленно, с расстановкой повторил «комендант» и одобрительно закивал головой. Лицо его выражало удовольствие оттого, что и он сумел кое-что понять по-русски и

даже принять участие в разговоре.

Полицейский испуганно взглянул на него.

— Не бойся! — успокоил его «переводчик». — Пан Шульц еще только учится говорить по-русски.

Подойдя к дому старосты, Корж оставил партизан во дворе, а сам с «комендантом» вошел в хату.

— Добрый день, пан! — сказал «переводчик», в то время как «пан комендант» поздоровался по-немецки. — Как здоровье пана?

Староста, низко поклонившись, хотел ответить на вопрос, но «комендант» что-то выкрикнул по-немецки.

— Виноват! — козырнув, ответил «переводчик» и, резко повернувшись к старосте, проговорил: — Пан комендант не интересуется вашим здоровьем. Он приказывает сейчас же собрать весь гарнизон в школу. У него будет важное сообщение. Все должны прийти с оружием.

Староста еще раз поклонился:

— Слушаю!

«Комендант» и «переводчик» пошли в школу. Скоро туда стали собираться полицейские, и, когда все были в сборе, «комендант» дал знак «переводчику» начинать. «Переводчик» встал, окинул всех недовольным, злым взглядом и начал резко:

— Лодыри вы, лежебоки, а не помощники немецкого командования! Пан комендант очень недоволен вами. Почему вы не нападаете на партизан в лесу, а сидите по своим хатам, как приказчики в лавках? Даже охранную службу не несете, пароля не имеете. Почему и сюда некоторые пришли без винтовок?

В заключение «переводчик» от имени «коменданта» приказал полицейским идти к повозкам, которые стоят за деревней, и получить автоматы.

— Пойдете на крупную операцию, — объяснил «переводчик».

Полицейские, ничего не подозревая, вышли из деревни. У повозок их встретил Меркуль.

— Сложить винтовки! — скомандовал он.

Некоторые полицейские узнали Меркуля, бросились бежать и сейчас же были скошены автоматной очередью. Остальные поспешно выполнили команду.

— Ложись на землю! — приказал Меркуль. Полицейские легли вниз лицом.

Соседний, осовский гарнизон, услыхав стрельбу, всполошился. Полицаи двинулись к Червонному озеру. Увидев на краю деревни людей, осовские полицейские рассыпались в цепочку и залегли. Корж тоже заметил непрошеных гостей. Он приказал Меркулю взять их на прицел, а сам с «комендантом» и партизанами под командой. Шатного пошел навстречу

полицейским. Корж совсем вошел в роль «переводчика». Он громко ругался, энергично размахивал пистолетом и кричал:

— Пан комендант приказывает вам немедленно выступить для совместных действий против партизан! Сейчас же подойдите!

Полицейские направили к Коржу своего парламентера. Сначала показался белый лоскут на штыке, а потом полицейский мелкими, неуверенными шагами стал приближаться.

«Комендант» что-то крикнул, а «переводчик» спросил:

— Полицейские вы или черт знает кто?

— Полицейские, пан, полицейские, — залепетал парламентер.

— Пан комендант не верит, что вы полицейские, — грозным голосом продолжал «переводчик». — Какого черта вы прячетесь?! Если вы действительно полицейские, пан комендант приказывает вам немедленно подойти без оружия.

Полицейский бегом приближается к «коменданту». Корж взглянул на Шатного и удивился. Рядом стоял не бесстрашный партизан Шатный, а невзрачный, горбатый полицейский. Подбородок у него подвязан старым черным платком, шапка надвинута на уши, шея втянута в воротник. Корж промолчал, спрашивать не время теперь.

Корж обратился к парламентеру.

— Кто у вас старший?

— Я, — ответил полицейский.

— Фамилия?

— Левшевич, пан.

«Переводчик» вздрогнул, но виду не показал. Очень уж запомнилась ему эта фамилия.

— Зови всех сюда! — приказал он.

— Это наши! — крикнул Левшевич своим. — Это наши, идите сюда!

Четырнадцать полицейских поднялись и направились к Меркулю. Партизаны незаметно окружили их. Корж повернулся к Шатному и спросил:

— Зачем ты так обмотался?

— Чтобы не узнали раньше времени, — прошептал Шатный. — Левшевич знает меня.

Но ни предателю Левшевичу, ни его подчиненным не пришло в голову приглядываться к «полицейским». Если есть немецкий комендант и переводчик, так чего там приглядываться к полицейским! Ясно, что это полицейские с оккупантами. Когда предатели подошли к повозкам и очутились под дулами пулеметов, Шатный снял повязку и подошел к Левшевичу.

— Партизаны! — не своим голосом закричал Левшевич, но

тут же был сбит с ног ловким ударом Меркуля.

— Бросай оружие! — скомандовал Меркуль.

Насколько полицейские были жестоки и безжалостны к населению, настолько трусливы оказались здесь. Они все бросили оружие. Левшевич начал оправдываться и все пытался доказать, что он не виноват, его силой заставили пойти в полицию.

— Выродок ты поганый! — выругался Меркуль. — Ты думал, что мы так и не доберемся до тебя! — И доложил Коржу, кто этот Левшевич.

Василий Захарович спокойно выслушал Меркуля, прошелся взад и вперед по мерзлой траве, подумал, потом коротко приказал:

— Расстрелять изменника Родины!

Вслед за этим он приказал расстрелять червонноозерского полицая, который хвалился своими «заслугами». С остальными поступили по приговору населения. Тех, кто пошел в полицейские добровольно и сделал много вреда, — расстреляли, а кто попал в эту бандитскую шайку по принуждению, не проявлял активности на службе у фашистов, — отпустили.

Весть об этой операции молнией облетела район. В деревнях пошли разговоры, что Корж и Меркуль скоро ликвидируют всю старобинскую и житковичскую полицию.

От Павловского и Маханько пришли донесения о налете на копаткевичский гарнизон. Командиры передавали, что операция прошла успешно: убито свыше двух десятков гитлеровцев и полицейских, взяты трофеи. У партизан жертв не было. Меркуль сообщил о новом удачном налете на погостский гарнизон в Старобинском районе.

Житковичская группа взорвала межрайонную нефтебазу в Житковичах, на которой оккупанты хранили сотни тонн горючего. Уничтожить местный гарнизон этой группе не удалось.

Жуковский ударил по краснослободскому гарнизону, Жижик — по копыльскому. Партизаны Покровского разгромили фашистско-полицейский гарнизон в местечке Смиловичи и сожгли склад с обмундированием.

Нам стало известно, что в эти же дни минские боевые группы провели ряд крупных диверсий на железнодорожном узле. Партизаны вывели из строя водокачку на станции Минск-Товарная, и узел остался без воды. Десять дней гитлеровцы гоняли паровозы к реке, на мост, где им подавали воду. Многие паровозы испортились и совсем вышли из строя.

И во многих других местах немецкие захватчики испытали на своей шкуре смелые, могучие удары народных мстителей.

Так партизаны Минщины отметили XXIV годовщину Великой

Октябрьской социалистической революции.

Через некоторое время всю Белоруссию взволновала радостная весть: Красная Армия разгромила фашистские полчища под Москвой.

XV

Великая победа Красной Армии на подступах к Москве принесла нам невыразимую радость и счастье, окрылила партизан, повысила их боевой дух и еще больше укрепила веру в победу над гитлеровской Германией. Помню, какое радостное волнение, какое оживление царило в штабе, когда мы услышали по радио сообщение Советского Информбюро от 11 декабря 1941 года.

Обычно до тех пор, пока не принята сводка, никто из нас не шел на отдых, а если кто и отдыхал, сморенный усталостью, то вскоре поднимался и ждал свежих известий с фронта. Как услышим, бывало, что наши войска одержали победу, на душе становится тепло и радостно. Кажется, в ту же минуту пошел бы на новую операцию, хотя только что вернулся с поля боя.

Сводки принимал Александр Сакевич. Он был ответственным за их распространение, за выпуск листовок и другой подпольной литературы. И как только Сакевич переступал порог штабной землянки, мы по выражению его лица догадывались, какие вести он принес. Если сводка сообщала об успехах наших войск, глаза у Сакевича радостно блестели, с лица не сходила широкая, добрая улыбка. Если же вести были неутешительные, Сакевич заходил в землянку угрюмый, чаще всего не говорил ни слова и, словно чувствуя себя виноватым, не смотрел в глаза.

Интересно, что и у партизан выработалось особое отношение к Сакевичу. Если он приносил хорошие новости, все ласково, приветливо улыбались ему, угощали табаком, а если плохие — словно бы с обидой отворачивались от него, как будто Сакевич и в самом деле виноват в нерадостной сводке.

В ночь с 11 на 12 декабря 1941 года мы собрались в штабной землянке и стали ждать Сакевича. А он не вошел, а ворвался, и мы сразу поняли: случилось что-то необыкновенно важное.

— Читай, скорее читай! — раздались голоса нетерпеливых.

Сакевич обвел всех торжественным взглядом и, достав из-за пазухи тетрадь, начал:

— «В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве».

Он с особым ударением выговаривал каждое слово.

— «…6 декабря 1941 года, — продолжал он читать, — войска нашего Западного фронта, измотав противника в предыдущих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начавшегося наступления

обе эти группировки разбиты и поспешно отступают, бросая технику, вооружение и неся огромные потери.

…После перехода в наступление, с 6 по 10 декабря, частями наших войск занято и освобождено от немцев свыше 400 населенных пунктов».

Пересчитав трофеи, Сакевич передохнул, обвел нас торжествующим взглядом и с чувством прочел заключительную часть сообщения.

— «…Германское информационное бюро писало в начале декабря: «…Германские круги заявляют, что германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно разглядеть внутреннюю часть города Москвы в хороший бинокль».

Сакевич остановился и, улыбнувшись, добавил:

— Не видать им Москвы как своих ушей. — И продолжал: — «Теперь уже не может быть сомнения, что этот хвастливый план окружения и взятия Москвы провалился с треском. Немцы здесь явно потерпели поражение.

Немцы жалуются на зиму и утверждают, что зима помешала им осуществить план занятия Москвы. Но, во-первых, настоящей зимы еще нет у нас под Москвой, так как морозы достигают у нас не более 3–5 градусов. Во-вторых, жалобы на зиму означают, что немцы не позаботились обеспечить свою армию теплым обмундированием, хотя они на весь свет прокричали, что они давно уже готовы к зимней кампании. А не обеспечили они свою армию зимним обмундированием потому, что надеялись закончить войну до наступления зимы. Надежды немцев, как мы видим, не оправдались. Здесь был допущен немцами серьезный и безусловный просчет. Но просчет в немецких планах никак уже нельзя объяснить зимними условиями кампании. Не зима здесь виновата, а органический дефект работы германского командования в области планирования войны.

Совинформбюро».

Дочитав сообщение, Сакевич положил тетрадь на стол. Мы все по очереди еще раз сами прочитали сообщение, а затем развернули карту. Освобожденные нашими войсками города любовно обвели красным карандашом. Взволнованно, с огромной радостью думали о счастье советских людей, которые теперь празднуют свое освобождение от оккупантов. Вместе с этими людьми мы боремся единым фронтом!

Безмерна наша радость! Она вдохновляла и окрыляла нас, звала к победе. Теперь в Белоруссии, в глубоком тылу врага, еще

шире развернется беспощадная борьба с оккупантами и весь народ возьмется за оружие.

К утру была выпущена листовка о победе под Москвой и разослана во все районы Минской, Полесской и частично Могилевской областей.

Историческое сообщение Совинформбюро было принято по радио в каждом отряде нашего партизанского соединения. Его также размножили и распространили. Через день-два все население знало о великой победе наших войск под Москвой. Тысячи мужчин и женщин из деревень и городов пришли после этого в партизанские отряды. Обозы с зерном и продовольствием почти беспрерывно прибывали на наши базы.

* * *

Необходимость непосредственной связи с Москвой с каждым днем ощущалась все более остро. Мы ежедневно слушали нашу столицу, принимали сообщения с фронтов. Это поддерживало и вдохновляло, но Москва еще не все слышала о нас. Связь с ЦК КП(б)Б и с Белорусским штабом партизанского движения была несистематической. А так хотелось, чтобы о боевых делах партизан знали в Москве, в братских республиках! Нам очень и очень была нужна помощь родной столицы и братских народов.

Мы следили за героическими подвигами наших воинов, уральских рабочих, новосибирских, тамбовских колхозников, за самоотверженной работой грузинских и узбекских трудящихся. Их подвиги вдохновляют нас. Пусть и наш голос услышат на Большой земле и узнают о наших делах. Что же нужно для этого? В первую очередь установить систематическую радиосвязь. Но это нам пока не под силу. У нас был только один путь: послать на Большую землю группу опытных партизан. Однако уверенности в том, что они достигнут цели, не было. Мы один раз уже послали наших связных, но они до сих пор еще не вернулись. Нам было известно, что наши посланцы успешно перешли линию фронта. Однажды в сентябре Сакевич, приняв очередную сводку Совинформбюро, прибежал необычайно возбужденный.

— Товарищи! — воскликнул он радостно. — Про наших партизан говорят, вот слово в слово записано. Наш Петрович выполнил задание.

И он прочитал сообщение Совинформбюро от 21 сентября 1941 года.

«В Советское Информбюро, — говорилось в сообщении, — поступило письмо Степана Николаевича Петровича — бойца

партизанского отряда, действующего в Белоруссии. «В первую очередь, — пишет товарищ Петрович, — наш отряд уничтожил девять мостов через реку Случь. Немцам не удалось восстановить ни одного из них. Фашисты несколько раз сооружали один крупный мост, но мы его снова разрушали. Недавно наши партизаны окружили в деревне хату, в которой обедал фашистский обер-лейтенант, жестоко издевавшийся над крестьянами этой деревни, схватили его и расстреляли. Документы, оружие и автомашину мы доставили в отряд. Через несколько дней после этого 11 немецких автомашин, один броневик и 3 мотоцикла приехали в наш район. Немцы намеревались разыскать и ликвидировать партизанский отряд. У деревни Л. мы из засады открыли огонь по фашистам. Бой продолжался около часа. 27 немецких солдат мы уничтожили, 16 тяжело ранили, остальные разбежались. Вскоре после этого боя я заложил на дороге большую мину. Утром показались автомашины немецкого карательного отряда. Головная трехтонная машина наскочила на мину и взлетела на воздух. Из 25 немецких солдат ни один не уцелел. В другом месте мы протянули через лесную дорогу проволоку над землей и крепко привязали ее к деревьям. На рассвете через лес проходили три немецкие автомашины. Первая из них на полном ходу наскочила на провод, которым были убиты водитель и несколько солдат, сидевших в кузове. Вторая машина налетела на первую, а в кузов третьей машины мы бросили две гранаты.

В одном из местечек немцы назначили старостой своего шпиона Федота Протасеню. Три наших партизана переоделись в форму немецких офицеров, сели в немецкую легковую машину и поехали в местечко. Переодетые партизаны вызвали старосту и потребовали указать местных активных советских работников, Протасеня немедленно вручил им список сельского актива. Партизаны уничтожили предателя.

В деревнях немцы вывесили приказы, в которых обещали по 5 тысяч марок за каждого партизана — живого или мертвого. Под угрозой расстрела немцы запрещают крестьянам ходить в лес за грибами и ягодами. Но приказы, угрозы и зверства не помогают. Белорусский народ поддерживает партизан, и мы громили, громим и будем громить фашистскую нечисть…»

Мы были очень довольны, что Москва хоть немного знала о наших делах.

Теперь мы решили подготовить для отправки в Москву в штаб партизанского движения трех связных. От бюро обкома была разослана специальная директива отрядам, группам и секретарям подпольных райкомов партии. В ней указывалось, что обком

готовит широкий отчет о своей деятельности за весь период подполья. Отчет будет послан в Центральный Комитет ВКП(б) и в ЦК КП(б)Б. Командирам и комиссарам отрядов, секретарям райкомов, руководителям подпольных групп рекомендовалось прислать в обком подробные отчеты и изложить свои планы и предложения на будущее.

В отрядах по-разному реагировали на директиву обкома. Но всюду сразу поняли главное. На бюро подпольных райкомов, на партийных и общих собраниях партизан подвели итоги деятельности отрядов за полгода, и наметили пути дальнейшей борьбы.

Дать отчет Москве было большим счастьем, и люди говорили о том, что сделали и могут сделать. Иначе поступил Столяров. Получив директиву, он долго прятал ее от партизан: ему нечего было писать в Москву. И все же он не мог молчать. Родина требовала ответа на простой вопрос: как командир партизанского отряда Столяров выполняет свой долг патриота — как борется с врагом? И он вскоре прислал нам свой «отчет». В разделе «Что сделано» не было почти ничего. Видно, человек не хотел врать, но зато в планах на будущее размахнулся и исписал почти целую тетрадь. Здесь предусматривалось увеличение отряда и наилучшее его вооружение, намечались самые смелые операции и диверсии. Это были большие обязательства, оставалось только выполнить их.

Пашун и Ермакович в своих отчетах подробно описали прошлое и почти совсем не нашли слов, чтобы сказать о будущем. «Будем бороться» — вот и все. Когда мы рассматривали этот отчет, некоторые товарищи говорили, что Пашун и Ермакович, как видно, зимой не собираются воевать с оккупантами.

Розов, Жуковский, Долидович, Жижик, Храпко, Покровский, Ходоркевич, Петрушеня, Патрин, Корж, Меркуль, Павловский коротко написали, что они сделали, и еще более сжато — о своих планах активной борьбы с врагом. Мы объединили все отчеты в один и направили со связными в Москву. С этими же связными послали письмо, в котором настоятельно просили прислать нам радистов с аппаратом и шифром.

Зима давала себя знать, начинались холода, и жить в лесу становилось труднее. Вымокнув в болоте, теперь не погреешься на солнце и не переночуешь под любым кустом. Наступал очень напряженный и ответственный период нашей подпольной и партизанской деятельности. Еще не так давно многие партизаны не верили, что им придется зимовать в лесу. Теперь же стало ясно, что воевать придется и зимой. Основные кадры наших партизан хорошо это понимали, однако кое-где возникали

опасные для подполья разговоры. Нашлись люди, которые ратовали за то, чтобы на зиму свернуть партизанское движение, распустить людей по деревням, а весной, когда потеплеет, снова всех собрать. Долидович уже начал готовиться к зиме, но эта мысль почему-то ему понравилась.

Кое-кто намекал и на другое. Так, Луферов поведал нам об Ермаковиче, который на последнем заседании бюро райкома, хотя туманно и расплывчато, высказался за то, чтобы всем отрядам перейти линию фронта и добираться до регулярных частей Красной Армии. Ермаковича молчаливо, едва заметным кивком головы поддержал Пашун. Слышал я подобные разговоры и еще кое от кого. Было ясно, что эти люди побаиваются зимних холодов, теряют веру в успех партизанского движения и могучую силу нашего народа. На маловеров в какой-то степени подействовала и провокационная фашистская листовка. В этом листке, сброшенном в партизанской зоне, фашисты обращались к населению оккупированных областей. Советским гражданам давались советы не осуждать себя на гибель, не трогать гитлеровцев. Они «рекомендовали» не организовывать крупных партизанских отрядов, так как таким отрядам трудно будет прятаться и они погибнут. «Создавайте небольшие группы, — говорилось в листовке, — и пробирайтесь в советский тыл».

На фашистской фальшивке, рассчитанной на обман населения и ослабление партизанской борьбы, крупными буквами был напечатан призыв: «Смерть немецким оккупантам!»

В ответ на наши операции гитлеровцы организовали широкую разбойничью экспедицию. Они заполнили почти все деревни партизанских районов, каждый день вели наступление на наши отряды, блокировали их. Чтобы выдержать бешеный натиск врага, требовалась величайшая сплоченность и железная дисциплина. Члены обкома вышли на самые ответственные и опасные участки, а члены райкомов взяли на себя непосредственное руководство партизанскими группами и отрядами. Нам приходилось вести бои с вооруженными до зубов эсэсовцами. Иной раз по целым дням мы не выпускали из рук оружия, маневрировали, переходили с одного места на другое, подолгу лежали в болоте. В этих боях мы несли тяжелые потери в живой силе.

Жестокие бои шли почти во всех районах области. Гитлеровцы несли огромные потери, однако наступали непрерывно. По всему видно, что они готовят новое наступление на фронте и стараются обеспечить свой тыл.

В Гресском районе партизаны под командованием секретаря подпольного райкома партии Владимира Ивановича Зайца

вступили в бой с большим отрядом фашистов. В бою было убито свыше тридцати фашистских солдат и офицеров, захвачено три пулемета, один миномет, четырнадцать автоматов и много винтовок.

Против отрядов, которыми командовали секретарь Борисовского подпольного райкома партии Иван Яраш и член бюро райкома Антон Ходоркевич, гитлеровцы бросили полк эсэсовцев. Тяжелый бой продолжался несколько суток. Потеряв более двухсот солдат и офицеров убитыми и ранеными, фашисты отошли. Борисовские партизаны в этом бою понесли тяжелую потерю: смертью героя пал Иван Афанасьевич Яраш. Комиссар отряда Антон Герасимович Ходоркевич был тяжело ранен.

В это время, как на беду, я тяжело заболел. Должно быть, простудился в болоте. Случилось это на острове Зыслов. Все члены обкома были в отрядах, при мне оставалось несколько человек из штаба и неподалеку — отряд Долидовича. С утра эсэсовские отряды вели в направлении острова ожесточенные атаки. Партизаны героически оборонялись, но силы врага во много раз превышали, и нам пришлось отходить. На остров все чаще и чаще падали мины, пули посвистывали над головой. Я отдал бойцам приказ спасти типографию, запас бумаги и документы подпольного обкома. Люди работали, рискуя жизнью и не щадя сил. Через некоторое время ко мне прибежал боец и доложил, что задание выполнено.

— Василий Иванович, — тихо сказал он, — давайте я вам помогу, будем отходить отсюда, а то…

— А то что? — спросил я.

— Фашисты близко, — сказал он, и голос его тревожно задрожал. — Если мы не отойдем, нас окружат.

— А где Долидович?

Парень молчал.

— Где Долидович? — снова спросил я.

Тогда глухим от волнения голосом он ответил:

— Долидович отошел в другое место. Теперь его отряд возле острова Добрый.

Это известие глубоко поразило меня: Долидович не имел права отступать.

Я приказал бойцам занять оборону в том месте, где стоял Долидович, через силу встал и пошел вместе с ними. Эсэсовцы продвигались по гати и болоту, — мороз уже сковал его. Увидев, что оборона снята, гитлеровцы осмелели и шли к острову во весь рост. Мы встретили их пулеметным огнем. Эсэсовцы залегли и начали бить по нам из минометов. Я приказал бойцам держаться до последней возможности и послал приказ Долидовичу

прикрыть наш левый фланг.

К нашему счастью, в этот критический момент на остров прибежали Роман Мачульский, Гальченя, Филиппушка, Костюковец и несколько партизан из отряда Патрина. Мы продержались на острове дотемна, а потом отошли.

Эсэсовская экспедиция ничего не дала. Гитлеровцы ни одного отряда не уничтожили, ни одного партизана не поймали! Народные мстители мужественно выдержали тяжелые испытания и вышли из борьбы победителями.

А как дела Бондаря? Болезнь свалила меня. Несколько дней я лежал с высокой температурой и ничего не слышал о нем. Во время блокады положение у Алексея Георгиевича было, пожалуй, более сложным, чем у нас. Держать его при себе мы не могли. Наступили холода, и в наших землянках, которые мы выкопали на бугорках среди болот, было сыро и неуютно. Он лежал в деревне Барикове, в той же хате, в которой мы положили его, когда привезли с Червонного озера. Его прятала и за ним ухаживала наша связная, трактористка Настя Ермак. Этой женщине мы верили. Изредка приезжал Заболотский врач Крук. Он заведовал районной больницей в нашей зоне и лечил партизан. За эти месяцы доктор Крук вылечил немало раненых красноармейцев, все они теперь находились в партизанских отрядах.

Перед блокадой я поручил Роману Наумовичу забрать Бондаря, но сделать этого не удалось. Когда Мачульский с двумя партизанами пришел в Бариков, там уже были гитлеровцы. По улице сновали патрули, на подходах в деревню и на скрещении дорог стояли пулеметы. Нельзя было и думать о перевозке Алексея Георгиевича на новое место, — это могло бы плохо кончиться. Мачульский пробрался в Настину хату — она была свободна от постоя гитлеровцев потому, что у Насти было трое детей. Узнав, что он хочет забрать Бондаря, Настя заволновалась и решительно запротестовала.

— Значит, вы мне не доверяете? — чуть не плача, говорила она. — Значит, у меня ему плохо, не смотрю за ним, не забочусь о нем? Повезете в лес, чтоб там больной человек замерзал, голодал, рану свою гноил…

Настя поклялась, что, если нужно будет, погибнет, но оправдает доверие обкома и партизан.

Так Алексей Георгиевич и остался на старом месте. Во время моей болезни Роман Наумович старался обходить вопрос о Бондаре. Теперь же мне стало лучше, и Мачульский рассказал мне о нем. Я послал к Алексею Георгиевичу Гальченю.

Герасим Маркович переобулся в лапти (на задания он всегда

ходил в лаптях), положил в карман пистолет, за пояс заткнул топор и пошел. Вечером он вернулся, и его рассказ о Бондаре очень нас взволновал. Алексею Георгиевичу пришлось немало пережить. Эсэсовцы, должно быть, узнали, что в Барикове стоял партизанский отряд. На следующий день они произвели в деревне повальный обыск: обшарили все закоулки, взломали в хатах полы, прощупали штыками сено и солому на гумнах.

Бондарь лежал в боковушке за печью. Куда деваться? Нога сильно распухла, температура высокая — шевельнуться нельзя. Если бы Настя и захотела бы перенести его в другое место, одна она все равно не смогла бы этого сделать. Бондарь остался на старом месте. Что будет, то будет! Может случиться, что фашисты полезут на чердак, взломают полы, везде обнюхают, а у себя под носом не посмотрят. Перед самым обыском Настя пошла на хитрость. Она размела по всей хате кучу мусора, размазала глину, вылила на пол ведро воды, разбросала дрова, ухваты и ушла. Перед уходом она приказала старшей дочери Оле, чтобы она не пугалась фашистов, и сказала бы им, что мамы нет дома.

Минуты ожидания были самыми тяжелыми как для Бондаря, так и для Насти. Алексей Георгиевич находился в трудном положении: он не мог ни спрятаться, ни сопротивляться. Скорей бы кончилось это томительное, напряженное ожидание. Найдут — все патроны им, один себе. Не найдут, все обойдется хорошо, будет понемногу поправляться. Ему еще никогда так не хотелось жить, как в эти минуты.

Во дворе послышались шаги, чужая речь, и кто-то с размаху ударил ногой в дверь. В хату вошли эсэсовцы. Алексей Георгиевич рассказывал нам потом, что в тот момент он чувствовал себя совсем спокойно, его нервы были ко всему подготовлены…

Увидев беспорядок и невообразимую грязь в хате, каратели остановились на пороге. Меньшие дети бросились прятаться на печь. А Оля, преодолевая страх, осталась сидеть на лавке.

— Кто ест дома? — крикнул один из эсэсовцев.

Девочка вздрогнула, но не встала с места. Она вытянула вперед свою тонкую ручонку и, делая мучительное усилие, чтобы не расплакаться, долго держала ее перед собой. Девочка показывала фашистам на дверь. Показывала, а сказать в первую минуту ничего не могла. Только через некоторое время, когда один из эсэсовцев повернулся уже, чтобы выйти, Оля крикнула отчаянным голосом:

— Мама во дворе, пошла за дровами!

Дети на печи заплакали. Гитлеровец крикнул что-то и махнул рукой. Они отправились в хлев, обыскали все уголки в клети, в сенях, слазили в погреб, а в хату больше не возвращались.

На этот раз все обошлось хорошо, Настина находчивость оправдала себя. Вернувшись в хату, она места не находила от радости: обнимала детей, целовала Олю за то, что та сделала все как нужно.

До вечера хозяйка не прибирала в доме. Она боялась, что гитлеровцы вернутся. В этот раз они не зашли, зато в следующие дни заглядывали в Настину хату очень часто. И каждый раз хозяйка находила способ отвести глаза врага от боковушки за печью: то прикидывалась глухонемой, то укладывала детей в постель и говорила, что в хате сыпной тиф.

Так Алексей Георгиевич был спасен.

Когда наши партизаны приехали за ним, Настя обиделась до слез.

— Пусть еще немного побудет, — горячо просила она, — хоть до тех пор, пока на ноги встанет…

А как встанет, сам пойдет, куда ему надо. Провожу и надежную дорожку в лес покажу.

На этот раз мы не могли удовлетворить просьбу отважной женщины. В конце концов гестаповцы могли узнать о Бондаре. Рисковать жизнью члена бюро обкома, а также жизнью Насти и ее детей было нельзя.

Настя согласилась с этим, но начала просить о другом. Ей хотелось знать, где будет находиться Бондарь, можно ли будет приходить к нему, чтобы помогать Алексею Георгиевичу по-прежнему. Это было чувство сестры, которая беспокоится о жизни любимого брата.

Партизаны заверили ее, что Алексей Георгиевич будет обеспечен прекрасным уходом. Однако Настя не успокаивалась и добивалась своего.

Некоторое время спустя мне пришлось побывать в Барикове. Узнав, что приехали из подпольного обкома, Настя сразу пришла ко мне.

— Как Алексей Георгиевич? — спросила она.

Я сказал, что Бондарь чувствует себя неплохо, поправляется и скоро начнет ходить. Он передавал привет и благодарность за хлопоты и доброе отношение к нему. От своего имени и от имени партизан я поблагодарил Настю за спасение Алексея Георгиевича.

Настя выслушала все это с большим волнением, а потом начала жаловаться. Почему партизаны отгородились от нее, почему не хотят пустить в лагерь проведать Бондаря или, может быть, еще кому-нибудь помочь?

— Я лечила партизана, — с обидой говорила Настя, — ухаживала за ним, жизни своей не жалела, а теперь я как чужая у вас.

Пришлось разрешить Насте приходить в лагерь. Она стала одной из самых активных наших разведчиц и принесла большую пользу партизанским отрядам.

Гитлеровцы ограбили деревню Бариков, несколько хат сожгли. В совхозе «Жалы» расстреляли семерых рабочих. В Старобине загнали людей в скотобойню и подожгли ее. Кто-то донес, что население деревни Редковичи отмечало праздник Великого Октября и на хатах были вывешены красные флаги. Гитлеровцы подожгли деревню. В Заболотье учинили жестокую расправу над населением. Старого Апанаса Морозова избили до потери сознания. Они подозревали его в том, что он сжег перед приходом эсэсовцев амбар с зерном и спрятал ключи от колхозных погребов. Нескольких крестьян замучили насмерть.

Так гитлеровцы мстили за провал своей разбойничьей экспедиции.

Через несколько дней в фашистских газетах появилась очередная «утка». Будто бы все партизаны Минщины и полесских районов уничтожены, все дороги и территории вокруг гарнизонов полностью очищены

* * *

Партизаны возвращались с боев. Некоторые отряды устраивались на новых местах, так как старые стоянки стали известны оккупантам. Те отряды, о которых гитлеровцы еще не пронюхали или боялись сунуть туда нос, оставались на прежних базах.

Постепенно собирались и наши обкомовцы. Пришли Варвашеня, Бельский. Они так изменились, что их трудно было узнать. Лица обросли, одежда износилась и полиняла от болотной и лесной воды и снега. Роман Наумович, как только мне стало немного лучше, пошел на одну довольно важную операцию. Уже давно не давал ему покоя фашистский гарнизон в его родной деревне Кривоносы Стародорожского района. Через эту деревню проходил партизанский путь на Старые Дороги, которые находятся на шоссе Брест — Москва и на железнодорожной линии Осиповичи — Барановичи. Роман Наумович заглядывал в Кривоносы раза два, имел самую подробную информацию о гарнизоне и решил разогнать его.

Я ничего не имел против такой операции. Но до последнего времени находились более важные дела, и мы эту операцию все откладывали. А дня три тому назад представился удобный случай ударить по оккупантам в таком месте, где согласно официальным

сводкам гитлеровского командования все было якобы спокойно.

Роман Наумович вернулся, удачно провел кривоносовскую операцию, и вот мы сидим в землянке возле печурки и слушаем его рассказ. В другой землянке отдыхают наши бойцы вместе с теми, которые ходили с Мачульским. Бердникович и Раменьчик несут вахту. Они теперь почти всегда вместе, крепко подружились. Бердникович привязался к своему «крестнику» и всегда с ним. Должно быть, ему хочется загладить свою вину перед Раменьчиком за любанское недоразумение.

Мачульский пошел в Кривоносы с небольшой группой партизан. По знакомым тропинкам он без труда обошел посты и вышел на улицу. Хорошо бы найти отца, да где его искать? Он давно не живет в хате — за ним охотятся гестаповцы. Дознались, что сын в партизанах, и начали преследовать старика.

Встретился сосед, приятель отца Романа Мачульского, надежный человек. Он рассказал, где ночуют полицейские, где стоит пулемет, посоветовал, с какой стороны лучше зайти и где оставить засаду. Потом поднял местных людей. Он безошибочно, как охотник по звериной тропке, определил места, куда фашисты будут удирать, и это в значительной мере решило успех операции.

Партизаны ударили из засады, а когда фашистская нечисть шарахнулась назад, по ним ударили с другой стороны. Мачульский сначала не мог понять, в чем дело. Стрельба поднялась по всему селу. «Бей их, гадов! — раздавались отовсюду крики. — Уничтожай! Собакам собачья смерть!»

Все выяснилось после операции, когда Мачульский собрал партизан. Их стало больше раз в пять. Выстроились они в два ряда: кто с винтовкой, кто с охотничьим ружьем, а кто просто с хорошей дубинкой. Среди них и отец Мачульского. Подошел старик к сыну, обнял его и от имени крестьян и местной Патриотической группы поблагодарил за то, что в добрый час пришел к ним, помог расправиться с вражеским гарнизоном.

С этой ночи многие кривоносовцы, в том числе и старый Наум Мачульский, присоединились к нам.

Алексей Георгиевич чувствовал себя значительно лучше. Он охотно включился в разговор, даже шутил, смеялся. И приятно и радостно ему, что подпольный обком живет, действует и будет действовать, несмотря ни на какие трудности и испытания. Наоборот, эти трудности увеличили наши силы, закалили волю и многому научили.

Явились, наконец, любанцы: Луферов, Горбачев и Лященя. Все дни блокады я не видел их. Они и сами только что встретились, так как находились в разных отрядах.

Шинель Горбачева была вся в грязи и в нескольких местах пробита пулями.

— Показывал некоторым, как надо подползать, — объяснил он. — Заляжет иной, вроется в землю и лежит, как медведь, ждет, пока оккупант наткнется на него. А ты не жди, а сам найди врага, захвати его врасплох и оглуши. Вот наша тактика. Оглуши, а сам — ходу и следы замети. Мы должны брать врага не только силой, но и находчивостью, умом.

Затем Горбачев стал проситься на новую операцию. Этот человек был неутомим в своих поисках и отваге, в нем всегда кипела неиссякаемая энергия. На задания он ходил большей частью один, хоть это было и рискованно. Сколько раз в обкоме пробирали его за это! Теперь он предложил провести довольно сложную операцию в Любани.

— Надо взять живого эсэсовца, — говорил он. — Пусть расскажет, что они собираются делать. Тогда нам легче будет разрабатывать свои планы.

— Для такой операции надо человек шесть, — заметил Мачульский.

— Можно и одному, — уверенно заявил Горбачев, — а если понадобится помощь, так она найдется там, на месте. В каждой деревне у нас есть свои люди.

Обком одобрил его инициативу, и в тот же день он пошел с двумя партизанами.

— Трудновато подчас с такими людьми, — вдруг пожаловался Луферов. — Задумает что-нибудь сделать, — хоть ты кол на голове теши — не переспоришь.

— Хорошую инициативу надо поддержать, — заметил Бельский. — Если он достанет «языка», это будет очень важно для нас.

Луферов поднял голову, недовольно блеснул глазами.

— Легко сказать… — заметил он. — Представляю себе, что это будет за операция. Там двести человек эсэсовцев… Что можно сделать втроем? Да я и не только о нем говорю. Есть у нас и другие горячие головушки!

— Кто? — спросил Бельский.

— Да хоть тот же Ермакович и Пашун.

Это заинтересовало нас.

— Один раз я почти всю ночь просидел с ними, — продолжал Луферов. — Уговаривал, убеждал, пробовал угрожать — ничего не помогло. Вбили себе в голову, что им надо перейти линию фронта — и все. «Там наше место, — говорят, — а не здесь». — «Почему же не здесь?» — спрашиваю. «Потому, — говорят, — что мы люди военные. Нам надо воевать в рядах Красной Армии. Там

и пушки, там и самолеты. А тут нажмут фашисты еще раз, и пропадешь ни за что». Вот и говори с ними! Боюсь, что в эту минуту они уже далеко!

— Герои! — насмешливо бросил Мачульский.

Упрек относился и к Луферову. Тот понял это и покраснел. Все мы знали, что никто так не увлекался деятельностью этих двух командиров, как сам Луферов. Он очень уважал их, доверял во всем, а те не посчитались и подвели его и нас.

Это известие глубоко огорчило нас. Никто не ожидал такого поступка от Пашуна и Ермаковича, хотя мы и знали об их колебаниях.

— Одни пошли или с группами? — спросил Бельский.

— Конечно, с группами, — ответил Луферов. — Только, я думаю, не все бойцы с ними. Большинство осталось.

— Сейчас же проверь, Андрей Степанович, — приказал я Луферову. — Да поинтересуйся еще некоторыми отрядами. Посмотри, что делается у Розова и Столярова.

— Об этом я могу рассказать, — отозвался Бельский. — Недавно был в той стороне. После любанской операции Розов праздновал победу три дня подряд. Столяров отсиживается по-прежнему. Три мародера из его группы недавно ограбили крестьян деревни Лясковичи.

Заседание Минского подпольного обкома КП(б)Б с участием представителей Полесского обкома.

Самолет с Большой земли в партизанском штабе.

Пришел Долидович. Он все еще не мог смотреть мне в глаза — нелегко было пережить свою вину. Мачульский и Варвашеня уже говорили с ним, и разговор был неприятный для Долидовича. Они потребовали принять самые крайние меры: вызвать его на бюро, подробно разобрать поступок и, если выяснится, что командир имел преступные намерения, сурово покарать.

Я не поддержал этих предложений. В душе я был уверен, что Долидович наш, советский человек, коммунист. Иной раз могут быть ошибки и срывы у каждого. Растерялся человек в критический момент и не продумал обстановку.

Когда заговорили о проступке Долидовича, я сказал ему:

— Поступок твой неправильный, непартийный, но никаких суровых мер принимать мы не будем. Мы доверяем тебе по-прежнему, а ты должен оправдать это доверие.

Луферов отправился разыскивать группу Ермаковича и Пашуна. Мы, воспользовавшись тем, что все члены бюро в сборе, обсудили некоторые вопросы дальнейшей работы. Нужно было в ближайшие дни созвать совещание командиров и комиссаров отрядов и еще раз поговорить с ними о подготовке к зиме. «Дикие» отряды, вроде группы Балахонова и частично Столярова, вредили нам — необходимо было немедленно заняться ими. Нужно было увеличивать и увеличивать наши силы, организовывать и закалять людей.

Нетрудно было предвидеть, что в эту зиму нас ожидают большие и суровые испытания.

* * *

В ту же ночь члены бюро разошлись по отрядам. Я в сопровождении семи партизан направился к Столярову. Хотелось ближе познакомиться с этим человеком, узнать о его истинных намерениях и планах «Наконец пора было выяснить основное: стоит ли с ним возиться? Если это человек честный и способный, надо попробовать сделать из него хорошего партизанского командира, а если он умышленно разлагает отряд, злоупотребляет своим положением, то изолировать и обезвредить.

Столярова я нашел в небольшом поселке, недалеко от деревни Славковичи. Мы остановились на улице — нас никто не задержал, не спросил пароля и документов. Вдруг видим: выкатывают хлопцы на улицу станковый пулемет, а возле крайних хат поселка выставляют заслоны с ручными пулеметами.

— Где командир? — спрашиваю у партизана.

— А вам что нужно? — недружелюбно отзывается он.

— Да вот хотел бы поговорить с ним.

— А вы кто такой?

— Представитель советской власти.

— Знаем мы таких представителей! Удивил! У нас тоже есть представитель.

— Ну, хорошо, — говорю я, — теперь будет два.

— Не знаю, где командир! — резко ответил партизан, махнул рукой и пошел.

По дороге встретили еще одного вооруженного человека. Идет, пошатываясь, винтовку держит дулом вниз.

— Добрый день, — говорю ему. — Что, партизан?

— А разве не видишь? — бормочет парень себе под нос и идет дальше.

— Подожди! Нам нужно с тобой поговорить.

— А что мне с вами говорить? — спрашивает он и отводит глаза в сторону.

— Вот человек! — упрекаю я. — С ним хотят посоветоваться, а он убегает.

— Я не убегаю, — недовольно отвечает он и замедляет шаг.

— Где командир?

Парень поднимает голову, улыбается.

— Командир? Пьяный лежит. Где он еще может быть!

— Пойдем, покажешь его квартиру.

— Не пойду, ни за что не пойду! — запротестовал парень. — Лучше не показываться ему на глаза, когда он пьяный, может застрелить под горячую руку.

В тот день так и не удалось встретиться со Столяровым. Мы разместились в одной просторной хате и завели разговор с местными жителями. Изредка заходили партизаны. Крестьяне встречали их неприязненно и переводили разговор на безобидные домашние темы. На следующий день, часов в десять, пришел командир. Лицо заспанное, всклокоченные волосы торчат из-под шапки. Остановился возле порога, небрежно приложил руку к чубу и, не глядя на меня, доложил:

— Командир партизанского отряда Жора.

— Хорошо, — говорю, — товарищ Жора, садитесь. А мне сказали, что вы куда-то уехали.

— Нет, — говорит он, — никуда я не ездил, я был болен.

— Садитесь, — снова предлагаю я. — Давайте поговорим. Расскажите, как вы живете, воюете, как помогает вам местное население.

Столяров присел на скамью, опустил вниз чуб, с минуту помолчал, потом вздохнув, заявил:

— Голова у меня болит сегодня, кружится все перед глазами, язык не ворочается. Разрешите прийти поздней.

— Хорошо, приходите поздней.

Вскоре после ухода Столярова в хату зашел его посланный и принес килограмма два мяса и бутылку водки.

— Командир, — говорит, — прислал.

Я отдал водку обратно, а мясо взял и попросил хозяйку сварить.

В полдень снова пришел Жора. Мы собирались обедать.

— Садитесь, — говорю, — давайте вместе пообедаем.

— Спасибо, — отвечает, — я хотел пригласить вас к себе.

— Нет, — говорю, — пообедаем здесь, а потом видно будет.

Сел. Жует нехотя, без вкуса, видно, без водки ему обедать непривычно.

— Хорошо было бы познакомиться с вашими партизанами, — говорю я, — побеседовать с ними. Может быть, вы соберете их?

— А вы кто будете? — спрашивает Столяров. — В лицо вас не знаю, а утром, признаться, не решился спросить, когда заходил сюда.

— Если в лагере появляются чужие люди, командир обычно сейчас же выясняет, кто они, проверяет документы. А так к вам враг может пробраться.

— Я чувствую, что вы не чужой, — слегка покраснев, говорит Столяров, — но не знаю, кто вы.

— Если не чужой, значит свой, — смеюсь я и показываю документы.

Посмотрел, встал и выпрямился.

— Ясно, будем собирать партизан. Фомка! — крикнул он проходившему по улице партизану. — Позови Васю.

Вася пришел не очень скоро, но все-таки пришел.

— Мой заместитель, — отрекомендовал мне его Столяров.

Заместитель даже не посмотрел в нашу сторону и не поздоровался, похоже было, он еще не отоспался после пьянства. Вид у него непривлекательный: волосы растрепаны, рубашка без пояса, сапоги на ногах разные — должно быть, один свой, другой чужой.

— Собери сейчас же людей! — приказал ему Столяров.

— Где я тебе их возьму? — огрызнулся заместитель.

— Как это где? — крикнул Столяров. — Сам должен знать где!

— То-то и есть, что должен, а ты и сам не знаешь, где они. Их тут почти и нет никого. Двое пошли в Славковичи, а остальные черт их знает куда девались. Что, я буду бегать за ними?

— Распустил людей, морда лохматая! — затряс кулаками Столяров. — Ты у меня ответишь, я повыдеру тебе паклю из головы!

Заместитель флегматично ответил:

— Руки коротки! Сам распустил людей, а я отвечай?!

— Что же делать? — немного успокоившись, спросил меня Столяров. — Может, завтра разрешите собрать? Я сам займусь этим.

— Что ж, пусть будет так! — согласился я. — Только собрание партизан мы проведем обязательно.

На следующий день с утра люди постепенно начали заполнять хату. Заходят, не здороваясь, некоторые без шапок: видно, из соседних хат пришли. Смотрю, один полез на печь, уселся там, поджав ноги и втянув голову глубоко в плечи. Когда сунулся на печь еще один, первый отпихнул его ногой.

Я делал вид, что ничего не замечаю. Пробую завязать с людьми разговор, овладеть их вниманием. Начинаю говорить о докладе председателя Государственного Комитета Обороны, рассказываю, как весь советский народ поднялся на борьбу с врагом, как живут и действуют соседние партизанские отряды, как все население уважает их и ежедневно помогает им. Слушают внимательно, говорить не мешают, только искоса посматривают на своего командира. А тот сидит, опустив голову и полузакрыв глаза, нельзя понять: задумался или дремлет.

— Мы приехали сюда, — говорю я, — для того, чтобы поближе познакомиться с вами и с вашей работой. Как вы живете, воюете, как относитесь к местному населению. Хотелось бы послушать вашего командира.

В углу возле печки кто-то хихикнул. Столяров поднял голову и взглянул в ту сторону.

— Давай, товарищ Столяров, — подбадривал я его, — рассказывай, и мне будет интересно послушать и твоим партизанам.

Столяров встал и сказал:

— Что, разве я вас плохо учу? Разве я виноват, что вы плохо делаете?

И сел. Вижу, что ему больше не о чем говорить.

В своем выступлении я не критикую командира, а даже поддерживаю его, говорю, что одному трудно за всем присмотреть, что у командира должны быть надежные помощники, в первую очередь крепкий человек — комиссар. Кое-где снова послышался смех. Столяров улыбается, но не поднимает глаз.

— Говорили уже нам об этом, — сообщает он.

— Кто говорил?

— Да был тут один.

— Ну и что же вы ему сказали?

— То же, что и теперь скажем: чужих комиссаров не примем, а своего можем выбрать, если нужно. Да у нас и есть уже выбранный. Вот он, встань, Володя.

Со скамьи поднялся долговязый парень с забинтованной шеей. Смех прокатился по всей хате.

— Мякинник! — крикнул кто-то сквозь смех.

— Какой я комиссар? Я совсем и не знаю, что делать, — сказал парень.

— Что скажу, то и будешь делать! — крикнул на него Столяров. — Сказано — комиссар, значит — комиссар, нечего выкручиваться!

По хате снова прокатился смех.

— Пусть он речь скажет, — посоветовал кто-то хрипловатым голосом. — Пусть расскажет, как в Славковичах ему, пьяному, девчата мякины в штаны насыпали.

— У вас будет настоящий комиссар — опытный партийный работник! — заявил я.

— Не признаю я таких комиссаров! — резко запротестовал Столяров — Не допущу к себе!

— Комиссар у вас будет! — повторил я.

— Если так настаиваете, давайте голосовать, — пустился на хитрость Столяров.

— Никаких голосований! Обком назначил вам комиссара, и вы обязаны принять его.

Я достал из кармана отчёт Столярова с обязательствами

отряда и положил перед ним.

— Почему вы здесь не написали, что отказываетесь от комиссара? — спросил я. — Почему не написали, что не хотите как следует воевать, а прячетесь по деревням, не могли даже наладить дисциплину и порядок в отряде? Пусть бы знали в Москве, что боец Красной Армии Столяров нарушает воинскую присягу. Вместо того чтобы честно защищать свою Родину, он разгуливает по полесским деревням, пьянствует, потворствует мародерам. Почему вы не написали об этом?

Столяров взглянул на листки, и, должно быть, совесть в нем заговорила — он покраснел и низко опустил голову.

Позже мы влили в этот отряд группу местных коммунистов и передовых колхозников. Отряд с новым комиссаром быстро рос и менял свое лицо.

XVI

Спустя несколько дней явился Евстрат Горбачев. С ним пришли семь подпольщиков, которые до того времени оставались на конспиративных квартирах в районе Любани. Пришли также ребята из Нижина — члены подпольной комсомольской организации. Подпольщики помогли Горбачеву осуществить подготовленную им операцию, а теперь посетили лагерь.

— Важная птица, — говорил Горбачев, указывая на только что приведенного эсэсовского офицера, — пан в мундире, сын крупного фабриканта.

Потом, остановив взгляд на лакированных сапогах пленного, он вдруг понизил голос:

— Фене Кононовой и еще одной любанской подпольщице теперь уж нельзя работать в своих зонах. А люди эти нужны нам.

— Почему нельзя? — спросил Варвашеня.

— Им будет теперь труднее, но трудностей подпольщики не боятся!

— Эсэсовцы на их след напали, — с беспокойством сказал Горбачев. — Нужно немедленно помочь девушкам.

Он коротко рассказал, как ему удалось захватить этого фашиста.

Когда в Любань прибыла особая эсэсовская рота, Горбачев сразу же установил за ней наблюдение. Через связных он знал все, что там делалось. Однажды он получил донесение от любанской медицинской сестры — Любы. Она давно была связана с партизанским отрядом Долидовича, и Горбачев знал ее. Девушка сообщила, что к ней на квартиру стал захаживать обер-лейтенант Рудольф, заместитель командира роты. Это натолкнуло Горбачева на одну мысль. Вызвав Любу к условленное место и поговорив с ней, он убедился, что девушка сможет выполнить его поручение. Но одной ей трудно справиться с задачей, поставленной Горбачевым, и он отправился в район Нижина, вызвал на конспиративную квартиру Феню Кононову и сказал:

— Есть одно задание, с которым можешь справиться только ты!

— Давайте, — тихо ответила Феня.

— Задание очень важное, — подчеркнул Горбачев, — и рискованное.

— Если для Родины нужно идти на риск, — заметила Феня, — так пойдем, как ходили уже не раз.

— Ну так слушай! В Любани стоит особая рота эсэсовцев. Это

одно из подразделений крупной гитлеровской части, присланной на Минщину для подавления партизанского движения. Обкомом поставлена задача — выведать планы гитлеровцев, чтобы своевременно принять необходимые меры. Нужно достать «языка» и притом из офицеров.

— Что от меня будет зависеть, — заверила Феня, — все сделаю. Выкладывайте свой план.

Девушка была уверена, если Горбачев пришел сюда, то у него все продумано и все взвешено.

— План мой такой, — начал объяснять Горбачев, — ты пойдешь в Любань и там на некоторое время останешься.

— У кого? — спокойно спросила Феня.

— Есть там одна наша девушка, Люба, медицинский работник. Недавно я с ней виделся, она будет ожидать тебя. Вот тебе пароль и адрес.

— Хорошо, — согласилась Феня.

— Будешь жить у Любы в гостях как двоюродная сестра. От тебя мы ждем, во-первых, самых подробных донесений о любанском гарнизоне, а во-вторых, ты вместе с Любой поможешь нам захватить гитлеровского офицера. Там один обер заходит к Любе. Понимаешь?

На другой день Феня отправилась в Любань. Ее приход был замечен гитлеровцами. Любу вызвали в гестапо и предупредили, что если ее гостья окажется человеком подозрительным, то хозяйка будет повешена. Люба заверила гестаповцев, что Феня — ее двоюродная сестра, дочь нижинского кулака, который недавно вернулся из ссылки, что она надежный для немцев человек.

Кононова осталась жить в Любани. Вскоре она еще раз встретилась с Горбачевым, и вдвоем они уточнили план операции. Люба должна была пригласить гестаповца к себе в гости, познакомить его с Феней, напоить его. О дне и часе «угощения» обера Феня должна была уведомить Горбачева через связного. В назначенный час Горбачев с группой подпольщиков должен пробраться в Любань, спрятаться на чердаке дома и ждать сигнала Фени.

Так все и сделали. Фриц охотно явился к «барышне» и принес своего вина. На всякий случай он привел с собой двух солдат, которых оставил возле дома. Феня приготовила закуску. Пил фриц мало, с оглядкой, но это не имело особого значения. Горбачеву важно было дождаться, пока на улице все стихнет. Правда, ждать было нелегко — парням не терпелось. Девушкам еще трудней, они играли очень сложную роль. В таких условиях нетрудно и сорваться, не выдержать, но Горбачев твердо надеялся на Феню Кононову. У нее хватит и воли, и выдержки, и умения

сделать все как надо.

Время приближалось к полуночи. Горбачев дал команду приготовиться, а сам спустился вниз и притаился в темном коридоре. С пустой тарелкой в руках вышла Феня. Горбачев взял ее за руку.

— Как только вернусь, — тихо шепнула Феня, — подам сигнал.

Она приоткрыла дверь во двор и негромко, но строго сказала солдатам:

— Отойдите от окон, пан офицер приказал. Идите на улицу!

Двое часовых, которые все время торчали под окнами, вышли за калитку. Феня потихоньку пошла за ними и неслышно закрыла калитку.

— Через две минуты, — шепнула она Горбачеву, вернувшись, — я брошу на пол тарелку.

Когда Феня вошла в комнату, эсэсовец стоял перед Любой с рюмкой в руке и с мерзкой улыбкой говорил что-то.

— Выпьем за настоящих, отважных воинов! — думая о Горбачеве и его товарищах, сказала Люба и подняла бокал.

Фриц выпил. Феня поднесла ему закуску и тут же, будто нечаянно, выпустила из рук тарелку. Люба бросилась поднимать осколки. Фриц тоже нагнулся. В этот момент Феня наставила на него пистолет.

— Руки вверх!

Партизаны вихрем влетели в комнату. Пока эсэсовец сообразил, в чем дело, сильные и ловкие руки заткнули ему рот, скрутили веревкой.

Феня схватила с постели заранее приготовленное покрывало и накинула на фрица.

— Так удобней будет, — сказала она Горбачеву. — Если увидят часовые, подумают, что женщина пошла. Мы с Любой сами выведем его за огород.

Девушки быстро оделись и повели связанного обера, а партизаны пошли следом. Когда вышли за огород, Горбачев велел девушкам спрятаться, а сам с подпольщиками повел фашиста.

До ближайших кустов было километра два, но хлопцы время от времени поторапливали эсэсовца, и он шел довольно быстро.

Выйдя за городской поселок, партизаны сняли с обера покрывало, надели на него шинель, шапку, даже перчатки отдали, чтобы эсэсовец был в полной форме и чтоб всем было видно, что словлен не простой зверь, а зверь «высшей» породы. Вели нарочно через деревни, через партизанские лагеря. Горбачеву хотелось, чтобы все видели, что партизаны поймали живого фашиста.

В деревне Пластки на улицу высыпало все население. Люди

шли вслед за конвоирами и расспрашивали, как им удалось поймать обера. Здесь, как и в других деревнях района, многие знали Горбачева. Один старичок все старался обогнать гитлеровца, чтобы оглядеть его со всех сторон. А потом выбрал момент, изловчился и изо всех сил ударил обера по переносице. Старик как мог мстил оккупантам за зверски замученного сына. Пустив гитлеровцу кровь, он брезгливо помахал рукой в воздухе, как бы желая стряхнуть с пальцев что-то отвратительное. Подошел к колодцу, пробил в водопойном корыте тонкую корку льда и опустил руку в воду.

— Что вы делаете? — закричали на него женщины. — Кони не будут пить!

И вот обер стоит перед нами. Лицо выхоленное, а нос подбитый, посиневший. Кто мог сказать, что Горбачев сделал не полезное дело!

На совещание в обком прибыли все командиры и комиссары отрядов, секретари райкомов партии, руководители подпольных групп. Пленный фашист, да еще в офицерской форме, привлекал внимание. Решено было тут же допросить фашистского офицера. Это было нелишне перед началом совещания, на котором должны были решаться важные тактические и политические задачи партизанского движения. Мы еще недостаточно знали замыслы врага в этой зоне.

Зашли в землянку, конвоиры ввели туда эсэсовца и развязали ему руки.

— Из какой части? — спросил я.

Эсэсовец медленно поднял глаза на меня, а потом перевел их на Горбачева.

— Воды! — попросил он.

Гальченя дал ему берестовую кружку с желтоватой водой. Обер, должно быть, принял ее за остывший чай, глотнул, потом сморщился, покрутил носом и плюнул себе под ноги.

— Вы ест партизаны или коммунисты? — спросил он.

Герасим Маркович объяснил, что мы и коммунисты и партизаны.

Из допросов и документов гитлеровца мы получили очень важные сведения. Разгром фашистских войск под Москвой и те огромные потери, которые несут захватчики под ударами Красной Армии, вызвали у фашистов большую тревогу. Они поняли серьезную опасность и готовились к решительным боям.

Эсэсовец говорил об этом сквозь зубы, злобно, исподлобья бросая на нас колючие взгляды. Ему хотелось видеть, какое впечатление производят на нас его слова. Он говорил с явным расчетом на то, чтобы смутить нас, ошеломить неожиданностью.

Зная, что это последние часы его жизни, он всеми силами старался показать, что и мы не жильцы на этом свете.

— Мы не будем отступать под Москвой, — злобно шипел он, — мы будем только выравнивать фронт. А если отс-ступим, после нас ос-станется только шварц земля и — это… шварц пепел. — А потом, немного помолчав, добавил: — Пусьтыня.

— Захлебнешься, бандит! — с отвращением бросил Гальченя. — Тому, о чем ты тут говоришь, никогда не бывать.

В полевой сумке эсэсовца найдены копии приказов командования центральной группировки войск СС. В них указывалось, что в связи с ухудшением положения на фронте надо более энергично и более жестко взяться за «наведение порядка» на оккупированной территории. Эсэсовской дивизии и отрядам СС, расположенным на территории Слуцкого, Старобинского, Копыльского, Гресского, Любанского, Осиповичского, Глусского, Октябрьского районов, приказывалось немедленно уничтожить партизан, очистить территорию и коммуникации, создать благоприятные условия для маневрирования и перегруппировок фашистских войск.

Специальной инструкцией определялись формы и методы диверсионной и шпионской работы. Намечалось создание провокационных партийных органов в городах и районных центрах, организация провокационных партизанских отрядов и групп, открытие диверсионных школ во многих городах Белоруссии, в частности в Слуцке, Бобруйске и Борисове.

Засылая в отряды шпионов и диверсантов, фашисты рассчитывали ослабить партизанское движение, дезорганизовать его, сыграть на некоторых слабых сторонах партизанской жизни. Инструкция о выведении из строя командно-политического состава, работников партийного подполья была разработана особо. Здесь враг пустил в ход все средства: сотни видов отравы, тифозную вошь, заражение венерическими болезнями.

Материалы допроса оказались очень полезными. Трудно было предвидеть все то, что мы услышали от пленного эсэсовца, о чем узнали из документов. Все это еще раз убеждало в своевременности нашего совещания и важности тех вопросов партизанской войны, которые мы собирались обсудить.

Совещание должно было разработать конкретный план совместных действий отрядов и групп на зиму 1941/42 года. Мы понимали, что если не укрепить отряды, не объединить их действия, то некоторые зимой ослабят свою деятельность. Нам же надо расти и умножать свои силы.

Перед нами возникали новые и сложные задачи: охрана населения, городов и деревень, материальных богатств. Всего

этого не сделаешь с малыми, не окрепшими и не объединенными под единым руководством силами.

Ненависть и гнев против захватчиков охватывали все более широкие массы белорусского народа. Это обязывало подпольный обком подумать об организации единого руководства партизанскими отрядами в Полесской, Барановичской, Молодечненской и Могилевской областях.

Отрядов было у нас уже немало, и с каждым днем они все росли и укреплялись. Отряды Коржа и Меркуля уже насчитывали по нескольку сот человек каждый. По существу, там было уже четыре отряда: Никита Бондаровец и Федор Ширин проводили самостоятельно сложные операции. Если же проводилась крупная операция, старобинцы выступали вместе, общее командование в таких случаях брал на себя Василий Захарович Корж. Отряды Павловского, Храпко, Покровского, Зайца, Жуковского, Долидовича, Ходоркевича, Филиппских насчитывали более сотни партизан каждый; значительно выросли отряды Патрина, Розова, Столярова, Шатуры и других.

Недавно начал самостоятельно действовать сильный отряд Антона Петровича Пакуша и Анатолия Яковлевича Жулеги. Это те самые люди, с которыми мы встретились в июле в деревне Заболотье Октябрьского района. Тогда у них была небольшая группа, и возглавлял ее председатель сельсовета Русаков. Теперь Русаков также был в отряде, но не командовал. Пожилой, слабоватый здоровьем, он мог приносить пользу на месте, когда группа была еще на положении скромных резервов, а когда пришлось действовать в открытую, командиром стал председатель колхоза Пакуш. В этом человеке удачно сочетались редкая душевная доброта с решительностью и твердостью характера. Он был инициативным и смелым человеком, любил строгий порядок, но иногда забывался и смотрел на свой отряд как на колхоз в подполье. Не было войны — колхозники работали на поле, напал враг на Родину — они сменили плуг на ружье и пошли воевать.

На войне — по-военному, но раз в отряде те же самые колхозники и тот же самый председатель колхоза, то по привычке иной раз и военные вопросы решали по-колхозному. Устроят собрание и решают, что и как лучше сделать. Пакуша они выбрали командиром на общем собрании, а в протоколе записали: просить Минский обком утвердить его командиром отряда.

В соседнем, Копаткевичском районе начал активно действовать отряд Михайловского и Жигаря. Председатель Копаткевичского райисполкома Михайловский и директор МТС

Жигарь были оставлены в тылу врага. Долгое время им не удавалось организовать сильный партизанский отряд, и с маленькой партизанской группой они кочевали где-то в лесных дебрях. Должно быть, поэтому мы в первые дни подполья не могли установить с ними постоянную связь. После разгрома отрядами Долидовича и Павловского гитлеровского гарнизона мы встретились с Михайловским и Жигарем. Они уже твердо стали на ноги, возглавили партийное подполье и партизанское движение в районе. Большую помощь оказали им в этом Савелий Константинович Лященя и группа коммунистов из отряда Долидовича, которых направил обком со специальным заданием в этот район.

Мы давно знали о героической борьбе дукорских, руденских, пуховичских, борисовских партизан. С секретарем Руденского райкома партии Николаем Прокофьевичем Покровским держали регулярно связь с первых дней войны. Представитель обкома был у него не один раз. В Осиповичском районе действовали отряды Шатуры и Ольховца — бывшего заведующего райземотделом. Под Минском укреплялся отряд «Штурм». В Пуховичах активно действовал на коммуникациях отряд Евгения Филиппских.

Все это ставило в порядок дня вопросы координации боевых действий, централизованного и систематического руководства партизанским движением. Важно было умело сочетать партийную работу в подполье с оперативным руководством боевыми действиями партизан.

Совещание началось вечером. Собрались почти все, кого мы вызывали. Мы еще раз внимательно прочитали доклад председателя Государственного Комитета Обороны на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся и речь на параде войск Красной Армии 7 ноября 1941 года.

Вывод ясен: надо еще шире развертывать партизанское движение и крепче бить врага. От имени обкома я предложил следующий план действий: все отряды должны обеспечить себя транспортом, примерно одни сани и пара лошадей на трех-четырех человек; объединить отряды под единым руководством; провести большой рейд по районам Минской Полесской, Пинской и частично Барановичской, Молодечненской и Могилевской областей.

Задачи рейда: разгром немецких и полицейских гарнизонов в деревнях и районных центрах, разрушение мостов, складов, нефтебаз; проведение широкой политико-массовой работы среди населения и вовлечение его во всенародную борьбу с врагом.

Предложение обкома было единодушно принято. Никто не

сомневался, что население всюду поддержит и обеспечит нас всем необходимым. В свою очередь, и мы поможем населению. В гарнизонах много складов с зерном, продуктами, одеждой. Все это роздано людям. Это еще больше поднимет авторитет партизан и укрепит нашу связь с массами.

Мы учитывали также, что у партизан не хватало оружия. Рейд поможет нам решить и эту задачу.

Таким образом, выходило: оставаться на зиму в лесу на одном месте — значит рисковать отрядами; идти же в рейд, в смелое и решительное наступление на врага — значит расти, крепнуть, закаляться в боях, расширять связи с населением, воспитывать в народе веру в великую жизненную силу советской власти, в победу Красной Армии.

На этом же совещании был создан главный штаб из семи человек. В него вошли: Мачульский, Бондарь, Бельский, Варвашеня, Горбачев, Корж и я. Позже мы распределили обязанности между собой. На меня, как на секретаря обкома, были возложены обязанности командующего партизанскими отрядами Минской и Полесской областей. Мачульский и Корж были моими заместителями по руководству боевыми операциями; Бондарь — по разведке и контрразведке; Бельский и Варвашеня занимались работой подпольных партийных организаций, выпуском листовок и газет, массово-разъяснительной работой среди населения.

Так 25 ноября 1941 года мы соединили все партизанские отряды под единым руководством. Но это не означало, что отряды лишались самостоятельности и не имели права проявлять собственную инициативу. Наоборот, создание единого оперативного руководства способствовало более полному использованию инициативы и сил. Все зависело от условий и обстановки. Если нужно, отряды могли действовать отдельно, в одиночку или разделившись на группы. В случае необходимости массированного удара они должны были выполнять общий план штаба.

XVII

Командиры: разошлись. В лагере снова стало тихо. Эсэсовца увели в один из отрядов. Его следовало бы доставить в Белорусский штаб партизанского движения или в штаб фронта, но мы такой возможности не имели. Нам необходимо было как можно быстрее переправить за линию фронта документы, отобранные у фашистского офицера.

Бывает, что последние дни осени вдруг захотят порадовать людей теплом и светом: разбросает яркие лучи ласковое солнце, в воздухе снова заблестит паутинка. И не хочется верить, что зима на пороге и со дня на день нужно ожидать морозов и метелей.

Сегодня один из таких дней, и никому не сидится в землянке. Даже Алексей Георгиевич вышел вместе со всеми и примостился возле огонька. За последнее время он заметно поправился и понемногу начал ходить.

Два маленьких костра горят возле землянки. Так более удобно и практично. Когда в холодную погоду горит, потрескивая, огонек, каждому хочется подойти к нему, погреть руки. А места возле маленького костра на всех не хватит. Раскладывать же большой нельзя: будет виден дым. Поэтому и горят два маленьких костра, возле каждого сидят по три-четыре человека, свободных от службы.

Горбачев разговаривает с нижинскими комсомольцами. Они пока еще здесь, а ночью снова пойдут на свои конспиративные квартиры. Рядом с Горбачевым сидит Адам Майстренко, секретарь Любанского райкома комсомола. Беседуют о Фене Кононовой, руководительнице нижинской комсомольской подпольной организации. Фене больше нельзя оставаться в Любани. После похищения эсэсовского офицера оккупанты ищут ее. Специальные разведотряды рыскают по всем деревням и особенно беснуются в Нижине.

К огню подошли Бельский и Варвашеня. Они приняли участие в обсуждении положения Фени Кононовой и комсомольского подполья. Этот вопрос беспокоил нас всех. С комсомольским подпольным руководством в области до сих пор не ладилось. Правда, у нас был уже обком комсомола, большинство районов имели райкомы комсомола, но работали они еще слабо. В первые месяцы войны комсомольское подполье возглавлял бывший секретарь Минского обкома комсомола Мальчевский. Но, однако, он показал себя человеком неустойчивым и малонадежным. Он оставил обком и отсиживался у своей родни, а потом самовольно стал пробираться в советский тыл.

Подпольный обком партии обратился в ЦК КП(б)Б к товарищу Пономаренко и в ЦК комсомола Белоруссии к товарищу Зимянину с просьбой прислать на Минщину сильных, проверенных комсомольских работников. Вскоре были присланы Коноплин, Денисович и Степанцов. Михаил Васильевич Зимянин прибыл в штаб Минского партизанского соединения и отсюда руководил работой по вовлечению молодежи Белоруссии в активную борьбу с фашистскими захватчиками. Комсомольская работа начала быстро укрепляться.

Слуцкая, копыльская, стародорожская, любанская, гресская и старобинская комсомольские организации были самые сильные. Из деревенских самой крупной и активной считалась нижинская комсомольская организация. В этом была большая заслуга Фени Кононовой. И теперь нас волновал вопрос: не ослабнет ли работа в Нижине, если Феню перебросить в другое место? Это особенно беспокоило Ивана Денисовича, который бывал в нижинской организации, знал почти всех комсомольцев и помогал им в работе.

Бюро обкома детально обсудило дальнейшую судьбу нижинской комсомольской организации и ближайшие задачи некоторых подпольных молодежных групп. Мы пришли к выводу, что Кононову необходимо забрать из Нижина и направить на работу в Любанский райком комсомола. У нее имеется богатый опыт, пусть связывается с деревенской молодежью и комсомольцами, помогает им включиться в подпольную борьбу.

Родственников и близких Фени, которым мог угрожать арест, а также ее подругу Любу, решили забрать в отряды или переселить в отдаленные деревни района, где их никто не знал. Осуществить это поручили Адаму Майстренко.

Возле другого костра сидели Бердникович, Гальченя и председатель колхоза Андрей Трутиков. Из посторонних только Трутиков знал тропинку на наш новый островок. Он был нашим хорошим помощником во всех подпольных и интендантских делах. Трутиков вывел из окружения многих бойцов, создал несколько складов оружия и уберег почти всё колхозное добро. Когда к району приближались оккупанты, Трутиков с колхозниками разрушили все ближайшие мосты, завалили дороги срубленными деревьями, в нескольких местах засыпали мелиоративную канаву и заболотили гать. Теперь летом оккупантам не так-то легко попасть в деревню.

В Озерном были большие запасы хлеба, овощей и скота. Недаром партизаны называли эту деревню центральной партизанской базой. Старый Андрей помогал партизанам, когда в каком-либо отряде кончались продукты.

Хозяйственный и заботливый Трутиков организовал помол зерна. В первые месяцы партизанской борьбы это имело большое значение. Зерно у нас было: при разгроме гарнизонов мы забирали немецкие запасы, его давали нам и колхозы, а вот муки в достаточном количестве не имели. Мельницы теперь нигде не работали, да и вряд ли кто отважился бы привезти на мельницу сразу несколько мешков зерна: это вызвало бы подозрение оккупантов. Поэтому Трутиков молол понемногу, будто бы лично для себя. Позже он нашел ещё один способ увеличить помол: пустил в ход все жернова, какие только были в деревне, и сделал новые. Колхозники вертели жернова вручную, и мука понемногу сыпалась и сыпалась. Разумеется, это не разрешало всей проблемы, но все же помощь была значительная.

Спустя некоторое время Трутиков усовершенствовал мукомольное дело. Неподалеку от деревни стояла старая, почти уже сгнившая ветряная мельница. Колхоз ее не использовал — ремонт стоил бы слишком дорого. Заглянув однажды на эту мельницу, Трутиков обошел ее кругом, постучал пальцами по оголенным стропилам, осмотрел фундамент и решил: «Вчера это была куча дров, а сегодня ветрячок может пригодиться! Кто будет знать, что здесь партизаны мелют себе муку?» И колхозники взялись за работу. Укрепили стояки, подняли наверх новые жернова, крылья облицевали, смазали где нужно — и завертелась мельничка. Кажется, и ветра нет, а она себе вертится и вертится. Привозят колхозники зерно, просушенное в печах, чтобы камни не заклеивались и мука была бы полегче. На всякий случай на мешках пишут свои фамилии, — в случае проверки, на-ка, выкуси, — каждый имеет право смолоть муки себе на коржи.

Когда вблизи немцев нет, мельница работает, а как только они появятся, зерно прячется в тайник, переплет с крыльев снимается, шестерни разбираются, и мельница стоит никому не нужная, заброшенная.

Герасим Гальченя, подбрасывая время от времени в огонь небольшие сучки, жаловался Трутикову на непоседливость колхозников.

— Поверишь, Андрей, — поглаживая длинную, поседевшую бороду, говорит он, — когда выбирал я это место для штабного лагеря, примеривался со всех сторон, и все, кажется, было хорошо. На лошади сюда не подъедешь и пешком, не зная дороги, не доберешься. Зимой сюда идти незачем. Дров нет, лыка не надерешь, и ничего потребного для человека не найдешь. И все-таки я замечаю, что здесь кто-то бывает.

— Может, тебе показалось? — спросил Трутиков.

— Нет, не показалось, — возразил Гальченя. — Я по духу

чужого человека чую. А на этот раз яснее ясного, тут и гадать нечего. Вчера шагов за сто от штабного лагеря кто-то срубил две орешины. Это не наши: у нас один топор, и тот всегда у меня. Срубил кто-то из деревенских, должно быть на обручи. Кто тут у нас поблизости бондарит, не помнишь? Ты ведь сам когда-то бондарил — на весь район славился. Совсем упустил из виду эти орешины, когда выбирал место для лагеря. Тьфу, пропади они!

Андрей Трутиков начал перечислять всех местных бондарей. Приподняв кверху широкую, коротко подстриженную бороду, он загибал пальцы один за другим и считал:

— В Пластках: Иван — раз, Иван — два, Никанор, Петро… В Озерном: Зеленуха, Ахрем, Чигирь, Кастын, Пилиповка. Кто ж из них мог тут лазить? — спросил он, глядя на Гальченю, как будто тот должен знать об этом. — Следов не осталось?

— Да какие следы! — озабоченно ответил Герасим Маркович. — Снежок было присыпал землю, да скоро растаял. Если б были следы, никуда бы он от меня не скрылся, нашел бы я его хоть под землей. Тут главное — дознаться, кто это и видел ли он лагерь?

Трутиков на минуту опустил голову, уперся бородой в рыжеватый воротник дубленого черного полушубка.

— Не тревожься, Маркович, — вдруг заговорил он. — Не думай ничего плохого, я все улажу.

— Правда? — Гальченя добродушно улыбнулся.

— Говорю, улажу — значит, улажу. Я сам спрошу, кто приходил, мне скажут. Тогда гляну в глаза тому человеку и узнаю, что у него на душе.

— А если человек видел лагерь? — не успокаивался Гальченя. — Что тогда?

— Тогда скажу ему, чтобы держал язык за зубами, и будет держать.

— Нет, тогда скажи, чтобы он наколол себе язык, — предложил Гальченя. — Пусть иголкой наколет язык.

Трутиков улыбнулся, широкая борода его шевельнулась:

— Хорошо, так и скажу.

* * *

В сумерки Адам Майстренко и нижинские комсомольцы простились с нами и пошли на Нижин. В густых зарослях между Нижином и Бариковым их должна встретить Маруся Кононова, сестра Фени и жена Адама Майстренко.

К вечеру подморозило, последние пожелтевшие листья

падали на землю, под ногами шуршал лиственный покров, шуршал и поскрипывал, будто снег в сильный мороз. Лесом идти трудно. Комсомольцы разделились на две группы и пошли проезжей дорогой: одна группа впереди, другая чуть позади.

К условленному месту пришли поздно, однако Маруся ждала их. Вид у нее взволнованный, лицо похудело, вытянулось, даже при лунном свете можно разглядеть синие круги под глазами. Видно, она много плакала.

Маруся рассказала, что эсэсовцы перетрясли весь Нижин, многих арестовали, в том числе Фениных и ее подруг. Феню и ее родных не нашли, усадьбу ограбили, а хату сожгли. Марусе не жаль было ни хаты, ни вещей — пускай подавятся ими бандиты, — она волновалась за своих подруг, попавших в лапы фашистов. Среди девушек были комсомолки, были и такие, которые не состояли в комсомоле, но принимали участие в работе подпольной организации. За комсомолок Маруся была спокойна: эти выдержат, не сдадутся, а вот как будут вести себя остальные девчата? Уж очень молодые есть среди них, только что семилетку окончили, а некоторые даже из шестого класса. Начнут гестаповцы мучить, катовать, может, не выдержит какая-нибудь, пошатнется. А тогда смерть не только ей, а и всем остальным, погибель всей организации.

— Кто арестован? — спросил Майстренко.

Маруся перечислила, и, когда назвала имя последней девушки, голос ее задрожал.

— Может, с ними надо быть там Фене или мне, — неожиданно сказала она. — Им легче было бы… Пусть одна из нас погибнет, а организация будет работать по-прежнему.

— Неверно! — резко прервал Майстренко. — Знали бы девчата, что ты так говоришь, обиделись бы на тебя. Мало веришь им — значит, плохо знаешь! Я уверен, что ни одна не дрогнет!

— Разве только Лида, — задумчиво сказал один из парней. — Такая она еще слабенькая, несамостоятельная… Недавно брошку потеряла, так чуть не час плакала.

— Там она не заплачет! — уверенно заметил другой парень. — Ты еще не знаешь ее.

Видя, что комсомольцы сомневаются в одной из арестованных подруг, Маруся начала заступаться за нее. Она, наверно, заступилась бы за каждую из них, хотя в душе и носила тревогу.

— Не знаешь ты Лиду! — горячо запротестовала она. — Не знаешь! А если так, то и не говори. Вот на, смотри.

И Маруся протянула руку к хлопцу, считавшему Лиду слабенькой и несамостоятельной.

В руке у нее был зажат небольшой клочок бумаги.

— Читай! — шепотом приказала Маруся. — Читай, что здесь написано. Брат Лиды мне принес, Адамка.

Парень набросил на голову свитку, включил фонарик и начал читать. «Дорогие мои девочки и все, кто остался! — писала Лида. — Не думайте ничего плохого о нас и не бойтесь. Мы не подведем! Клянемся!»

— Видел? — торжествующе спросила Маруся. — Не знаешь, так и не говори! — снова повторила она. — Вступали наши девчата в организацию, клятву давали.

— Куда их погнали? — спросил Майстренко. — Далеко?

— В Кузьмичи пока, а может, в Постолы, — ответила Маруся, — там у них отделение гестапо.

— Надо послать им письмо, — немного подумав, сказал Майстренко. — Теплое письмо, сердечное. Надо, чтобы они знали, что мы получили их записку, что верим им и надеемся на них. Им легче будет.

— Верно, — ответила Маруся. — Адамка отнесет.

— Не Адамка, а ты, — возразил Майстренко. — Там ведь надо еще суметь передать.

— Адамка сумеет! — сказала Маруся. — Ему это легче сделать. Когда нужно было, мы ему и не такие задания давали. Везде проберется, все высмотрит, все узнает.

— Давайте сейчас же напишем, — предложил Майстренко. — А ты, — обратился он к Марусе, — обеспечишь передачу.

Хлопцы пристроились под кустом, набросили на головы плащ-палатку и при свете фонарика начали писать, а Маруся тем временем пошла ближе к дороге. Шла и думала о маленьком Адамке. Вот напишут письмо девчатам, свернут его в трубочку и отдадут ей. А она сегодня же подойдет к одной знакомой хате, условно постучит в окно, разбудит мальчика и тихо скажет: «Новое задание тебе от комсомола!»

Адамка сразу же прогонит свой сон, выпрямится, нахмурит брови и ответит по-военному: «Слушаю!»

Маруся отдаст ему маленький листок, а он положит его в потайную распорочку в шапке и вернется в хату. А назавтра, еще до рассвета, встанет, наденет длинную дырявую свитку и под видом бездомного сироты пойдет куда надо.

Сколько раз этот мальчик уже делал так! Как любит его вся подпольная организация!..

Размышляя, Маруся вышла на дорогу. Глянула в одну сторону, в другую, прошла немного вперед, хотела уже повернуть обратно, как вдруг черная фигура с винтовкой в руках загородила ей дорогу.

— Ты куда? — спросил хриплый, приглушенный бас.

— Домой, в Нижин, — стараясь быть спокойной, ответила Маруся.

— Откуда? — Изо рта полицая резко пахнуло самогонным перегаром.

— Из Барикова иду.

Подошел еще один полицай, взглянул в лицо Марусе и захохотал:

— Старые знакомые, слава богу!

— Я вас не знаю, — твердо сказала Маруся, хотя она сразу узнала в полицейском кузьминского пьяницу и проходимца, которого в деревне никто и за человека не считал. На лице у него был длинный синевато-красный шрам, поэтому везде и звали этого долговязого нескладного лодыря «шрамоватым». Маруся поняла, что она наскочила на засаду.

— Стыдно не признавать старых знакомых, — насмешливо говорил «шрамоватый». — Ты, Кононова, не выкручивайся, а говори правду, так лучше будет. К муженьку ходила? Знаю, знаю твоего муженька. Если бы нарвался он на меня, всей обоймы не пожалел бы, ей-богу. — И, повернувшись к другому полицаю, прибавил: — Старые счеты с ее коханым, понимаешь?

— Это же, должно быть, сестра Кононовой, — тихо сказал полицай.

— Какой Кононовой? — равнодушно спросил «шрамоватый».

— Ну той, которую ищут теперь, Фени Кононовой.

— Они ищут свое, — хвастливо сказал «шрамоватый», — а мы свое.

«Шрамоватый» резко махнул рукой, и от этого так повело его в сторону, что, сделав несколько шагов от дороги, он чуть не повалился на куст.

— Тихо ты! — подхватил его полицай, так же не очень твердо стоявший на ногах.

— Ты знаешь, кто ее муженек? — продолжал «шрамоватый». — Вряд ли знаешь. Это же над всем комсомолом начальник. Понял? А главное — мой давнишний враг. Понял?

Первый полицейский замолчал, видно «шрамоватый» был здесь старшим и его слушали.

— Значит, к муженьку ходила? — крюком согнувшись над Марусей, спрашивал «шрамоватый». — Есть ему носила!.. А как же: носи, носи, а то подохнет в лесу с голоду.

— Мой муж эвакуирован, — решительно заявила Маруся, — и нечего зря болтать языком.

— Эвакуирован? — «Шрамоватый» скривил широкий рот в ехидную улыбку. — Врешь ты, молодуха, он здесь. Может, даже

вон в тех кустах где-нибудь сидит, — ты, видать, не издалека идешь.

— Я в Барикове была.

— Об этом мы спросим у бариковцев, — заметил «шрамоватый». — Только вряд ли ты там была. Кто там у тебя?

— Тетка.

— Врешь! Никакой тетки там у тебя нет. У нас в Кузьмичах твоя тетка. Но ты к нам не ходишь. А тетка тоскует перед смертью.

Последние слова кольнули сердце. «Почему перед смертью?»— подумала она. Потом отбросила тяжелую мысль: мало ли что скажет пьяный полицай.

— В Барикове у меня другая тетка, — сказала Маруся, — сестра моего отца.

— Проверим! Теперь мы все узнаем, можешь нам поверить: самого дальнего родственника не пропустим.

Подошел еще один полицай и, отозвав «шрамоватого», доложил, что в дальних кустах блеснул огонек. Сначала один раз, потом другой: он следил за тем местом около получаса, но ничего больше не заметил.

— Где? — спросил «шрамоватый» и как-то сразу отрезвел.

— Вон там, — показал рукой полицай.

Маруся догадалась, о чем они говорят, и сердце ее защемило. Должно быть, свет фонарика на момент вырвался из-под плащ-палатки, и дозорный полицай это заметил. Что же теперь делать, как спасти ребят? До этого момента Маруся боялась за себя, а теперь все мысли ее перенеслись туда, к мужу, к ребятам, которые сейчас пишут письмо арестованным подпольщикам. Услыхали ли они разговор, догадались ли об опасности? Может, увлеклись составлением письма, прикрывшись плащ-палаткой, и не слышат голосов? Маруся стала говорить громко, чтобы ребята услыхали и приготовились. Подошел «шрамоватый» и поднес к ее лицу кулак:

— Тише! — и злобно спросил: — Сколько их там? Говори правду.

— Двадцать человек, — громко сказала Маруся.

— Не кричи!

— Правда, двадцать! — еще громче подтвердила Кононова.

— Не кричи! — вскипел старший и с размаху ударил ее прикладом в грудь.

Маруся упала. Полицай кивнул одному из своих; тот быстро побежал по дороге к Нижину, откуда вскоре примчались еще трое полицейских. «Шрамоватый» что-то приказал своему «войску», потом отозвал одного из полицаев в сторону и, указав на Марусю, усмехнулся и что-то сказал.

Полицай подошел к Марусе. Держась за верстовой столб, она пыталась встать, ноги подкашивались, мучил тяжелый кровавый кашель, шумело в голове.

— Вот мы тебе поможем, молодичка, — с издевкой промолвил он и протянул руки.

Маруся оттолкнула их и, собрав все силы, встала.

— Вот и хорошо! — издевался полицай. — Поднялась сама — столб помог. А чтобы ты снова не упала, мы привяжем тебя к этому столбу… Вот так… И руки привяжем, и ноги, и шею. Под ноги вот этот камень подложим… Будешь стоять выше всех… Если твой коханый выстрелит, так пуля прямо в тебя и попадет. Видишь, как хитро придумано, ты не смотри, что наш «шрамоватый» с виду нескладный. Чтобы пуля не пробила тебя, ты прикажешь своему коханому не стрелять… Пусть лучше живым сдается, потому что лучше живому в пекле, чем мертвому в раю.

— Ада-ам! — крикнула Маруся изо всей силы. Ночное эхо подхватило ее голос и понесло далеко-далеко. — Ада-ам! — повторила женщина. — Полиция!..

Но ребят уже не нужно было звать. Заметив, что Маруси долго нет возле них, они стали ее искать и услышали голоса. Вскоре Майстренко с комсомольцами был уже возле самой дороги. Не успели полицаи развернуться, как ребята ударили из автоматов. Один предатель упал на землю, отполз в чащу и начал стрелять в Марусю, но не попал. Майстренко пустил по нему очередь, и он замолчал.

Партизанская пуля подбила «шрамоватого». Бросив винтовку, он спрятался в кустах. Искать его не стали. Остальные полицейские рассыпались в темноте, как испуганные зайцы, и, только отбежав более километра, начали беспорядочно стрелять.

Так в эту ночь и не удалось комсомольцам добраться до Нижина. Маруся еле стояла на ногах, ей нужен был хотя бы короткий отдых. Да к тому же было ясно, что в эту ночь не будет спокойно ни в Нижине, ни в Кузьмичах.

Подпольщики дошли до Барикова и нашли Настю Ермак. Настя оживилась, стала энергичной, деловой, когда увидела, что партизаны нуждаются в ее помощи. Марусю она взяла к себе и устроила в боковушке, в которой когда-то лежал больной Бондарь. Сейчас же напоила ее отваром мяты, растерла спину и сделала компресс.

Маруся пробыла у Насти несколько дней, а потом совсем перебралась в партизанский отряд. Туда же вскоре пришли нижинские комсомольцы. Все они стали партизанами.

Перед уходом в лагерь они связались со своими

односельчанами и передали записку арестованным девушкам.

«Не теряйте веры, дорогие! — писали ребята. — С вами мы все, все наши партизаны и партизанки, все честные люди. Держитесь, скоро мы придем к вам на помощь!»

XVIII

Феня начала работать в Любанском райкоме комсомола, под руководством Адама Майстренко. Любанский райком комсомола, как и райком партии, базировался при отряде Долидовича. Комсомольские организации были при других отрядах, а также в деревнях, и Фене приходилось бывать всюду. Ходила она чаще всего одна, а иногда со своей сестрой Марусей. В деревни пробиралась глухими тропами, только ей одной известными.

Опаснее всего было пробираться в Нижин. Феню опасность не пугала. Она являлась туда всегда в точно назначенное время. Бывало, соберутся подпольщики в законспирированном месте и ждут. На улице тьма непроглядная, злая метелица заносит дороги, а комсомольцы уверенно поглядывают на часы: еще минута-две, и Кононова появится. Если она задерживалась, комсомольцы все равно ждали. Они знали — Кононова придет, никакие трудности ей не помешают. И Феня приходила. При ее появлении у комсомольцев поднимался боевой дух, самое сложное задание казалось не таким трудным. Каждому хотелось делать все так, как делает Феня, во всем брать с нее пример.

Однажды Феня получила очень ответственное задание: ей поручили пробраться в Кузьмичи и Постолы, раздобыть там планы немецко-полицейских укреплений; найти в этих деревнях своих людей, которые обо всем информировали бы партизанское соединение.

Майстренко уже давно вынашивал план разгрома кузьмичского гарнизона. Эта идея пришлась по душе и Розову. Оба уже несколько раз обращались в штаб соединения с просьбой разрешить им проведение операции. Они хотели ударить сразу, долго не раздумывая, хотя и сами понимали, что это слишком рискованно. Штаб не мог дать согласия на такую скороспелую операцию. Нам было известно, что гарнизоны в Кузьмичах и Постолах Любанского района, Ламовичах Октябрьского района, в Погосте Старобинского и Уречье Слуцкого районов большие и хорошо вооруженные. Расположенные на узлах дорог, эти гарнизоны служили заслоном между районами и должны были препятствовать распространению партизанского движения. В Кузьмичах и Постолах — несколько дотов, связанных подземными ходами, на перекрестках — дзоты. Пулеметов и боеприпасов здесь хватало. Ясно, что к операции по разгрому этих гарнизонов надо тщательно подготовиться.

У Фени Кононовой были надежные люди в Кузьмичах и в Постолах, однако проникнуть туда трудно. И днем и ночью по

улицам ходили патрули, дзоты вынесены далеко за околицы, и гитлеровцы задерживали всех, кто шел или ехал в деревню и из деревни. Феня долго думала, как лучше выполнить задание. Надежный план все не складывался. Она пошла к Марусе. Сестры встретились в молодом ельнике, присели рядом на пеньках. Начался разговор по душам, совсем по-домашнему, только тема не домашняя.

— Что ты мне посоветуешь? — спросила Феня. — Ты ведь у меня старшая, лучше все знаешь.

— О чем ты? — удивилась Маруся.

— Об одном задании. Надо сходить в Кузьмичи и Постолы. Наши люди там есть, только вот связь с ними порвалась. Не могу придумать, как мне до них добраться через посты и дзоты, как встретиться?.. Десяток вариантов перебрала, все как-то ненадежно, все как-то не так выходит, как хочется.

— Расскажи мне свои варианты, — попросила Маруся.

Феня рассказывала, а Маруся слушала и взвешивала каждый вариант. Некоторые были не под силу одному человеку, хотя Феня с этим не соглашалась. Она не обращала внимания ни на трудности, ни на риск: у нее нашлись бы силы преодолеть любые препятствия, а рисковать своей жизнью она привыкла.

Феню беспокоило только одно: придуманные ею варианты не обещали успеха.

— Все это не то, — заметила Маруся, когда Феня смолкла. — Смелости и находчивости у тебя, Феня, на пятерых хватит! Но дело это надо хорошо обдумать. Может быть, что-нибудь лучшее найдется.

— Для этого и пришла к тебе, — ответила Феня.

— А что, если воспользоваться еще одним вариантом?

— Каким? — обрадовалась Феня.

— Самым простым!

— Бывает, что самый простой — самый лучший, — заметила Феня. — Говори, может быть, на мое счастье, подашь хорошую мысль.

— Ты Адамку, Лидиного братишку, знаешь? — спросила Маруся.

Феня сразу обо всем догадалась.

— Знаю, знаю! — взволнованно заговорила она. — Правильно, Маруся, это просто здорово!

— А в Нижин у тебя есть дорожка?

— Есть, туда я хожу, — ответила Феня. — Адамка проберется в Кузьмичи и вызовет нашего человека. Мы с ним встретимся в условном месте и договоримся о дальнейшем… Правильно! Сегодня же, как только стемнеет, пойду в Нижин.

— Может, мне с тобой пойти? — несмело спросила Маруся. — В последние дни ты одна ходишь и ходишь… Боюсь я за тебя, Фенечка.

— Ты думаешь, я на «шрамоватого» нарвусь? — полушутя спросила Феня. — Не бойся, этот «бобик» подох уже.

Маруся удивленно подняла глаза. То, что был уничтожен еще один полицай, ее не удивило, но этот крепко ей запомнился, и женщина заинтересовалась.

— А я не слыхала, — сказала она.

— Вчера нам передали, что Адам подстрелил его как следует, три большие раны нанес, так он заживо гнить стал, лихо на него! Когда ковылял на своих ходулях, служил фашистам, так хорош был, а когда подбили бандита, словно бешеного пса, так эсэсовцы выбросили его вон. Люди, конечно, тоже не приняли выродка, он и подох без помощи.

— Я помогла бы тебе выполнить задание, — тихо, с задушевной теплотой сказала Маруся. — Когда я с тобой, тогда у меня легче на душе. А как услышу, что ты пошла одна, места не нахожу от тревоги, сердце неспокойно за тебя.

— Ничего, Манечка, — успокаивала ее Феня. — Я справлялась раньше, справлюсь и теперь. А тебе трудно будет, ты еще не поправилась как следует.

— Я быстрей поправлюсь, если буду ходить на задания, — уверяла Маруся. — Разве я ранена в бою или контужена?.. Ничего еще не сделала, а сижу… Адам не пускает, ты не пускаешь, а командиры, так те и слушать не хотят.

Так они беседовали около часа. Время терпит: Фене идти на задание вечером, и ей не хочется расставаться с сестрой. Редко выпадают такие милые сердцу минуты. Земля немного подмерзла, снег еще не лег. Погода тихая, а в густом сосняке и совсем тепло. До них доносится приглушенный расстоянием шум в лагере Долидовича; слышатся короткие приказы командира, голоса партизан, хлопоты хозяйственного взвода.

— А комиссар снова пошел на операцию, — сказала Маруся.

— Какой комиссар? — спросила Феня.

— Наш, Гуляев. Прошлой ночью только вернулся, а сейчас опять ушел. Вот неугомонный человек! Как подумаешь, кажется, жизнь не жалко отдать за такого. Ранили его на фронте, и он попал в окружение. Другой и обмяк бы там. А он выбрался и сразу в партизаны. Говорят, еще с открытыми ранами пришел. А теперь, где он только не побывал, в какой операции не участвовал! Сегодня и мой Адам пошел с ним.

— Он же был с Розовым, — заметила Феня.

— Был, а теперь больше с Гуляевым. Видно, понравился ему

этот человек.

Маруся глубоко вздохнула, подняла на сестру задумчивый, жалостливый взгляд и спросила:

— А про твоего ничего не слышно?

Феня смутилась: такого вопроса она не ожидала.

— А что теперь можно услышать? — покраснев, спросила она. — Да не был он еще моим. Так только дружили.

— Если б не война, был бы!

— А может, и не был бы, — усмехнулась Феня.

— Вот какая ты! — мягко упрекнула Маруся. — Я ведь знаю, кто он для тебя, а ты все не признаешься, все как будто стыдишься…

— Я часто думаю про него, — грустно сказала Феня. — Особенно когда иду или еду куда одна… Хоть бы узнать: жив ли? А как? Свет велик, а я не знаю его воинской части… Пробовала у людей расспрашивать, письма в Москву писала, ничего не вышло. Одним теперь живу: надеюсь, что скоро у нас будет постоянная связь с Москвой, тогда письмо в Центральный штаб партизанского движения пошлю. А теперь, как слушаю сводку, так все чего-то жду. Все мне кажется, что назовут по радио знакомое имя!

— Знакомое! — снова добродушно упрекает сестру Маруся. — Не то это слово.

— Милое, — поправляется Феня, и глаза ее наполняются слезами.

Маруся молчит. Ей неудобно, что она тронула ту ранку, которая болит у сестры больше, чем другие. Хочется чем-нибудь помочь ей. Она берет Феню за руку и начинает выкладывать все, что у нее на душе. Лучшего сочувствия и не нужно человеку.

— А думаешь, мне легко, хоть мой Адам и при мне? — тихонько жалуется Маруся. — Каждый день он куда-нибудь идет, каждый день! Провожу его и думаю: «Не выживу, если не вернется, места на земле не найду…» А вернется — не верю, что он здесь, все мне кажется, что он где-то на задании, где-то под пулями да под минами… Если б уж не видела его, ничего не знала о нем, может, даже легче было бы…

Сердечно расстались сестры, и Феня пошла готовиться в дорогу. До Нижина она добралась сравнительно легко. Ей здесь известны все тропки и тайные обходы, которые знали только Феня и несколько человек из подпольной организации. Комсомольцы по очереди дежурили на этих тропах и ставили условные знаки. Если, например, у мостика притаилась полицейская засада, то в условленном месте ставилась маленькая вешка с ветками, если же дорога открыта, вешка ставилась без

веток. И так на протяжении всей дороги. Небольшая, почти незаметная работа, но какую большую пользу приносила она! Выполняли ее главным образом нижинские мальчишки, бывшие школьники, такие, как Адамка. Дадут им задание, они и пошли. Везде пролезут, все сделают, а наткнутся на полицейских, найдут, что сказать, сумеют оправдаться, вывернуться.

Адамка помог Фене и в последнем задании. Он отнес записки в Кузьмичи и Постолы. Комсомольцы вышли на встречу с Феней, и в Кузьмичах вскоре была создана боевая подпольная группа, а в Постолах — две. Подпольщики доставляли в штаб сообщения о гарнизонах, добывали планы укреплений — одним словом, активно помогали подготовить разгром этих вражеских гнезд.

Комсомольская работа в Любанском и Старобинском районах была поставлена неплохо, а в других районах широкое комсомольское подполье только еще организовывалось. Нужно было передать какой-то опыт, помочь молодым организациям и установить связь между районными организациями комсомола. Вот на эту работу и послали Феню в Гресский и Слуцкий районы. Она пробыла там около двух недель, а вернулась, снова взялась за свою прежнюю работу. И, конечно, в первый же день потянуло ее в Нижин: туда, где близкие и дорогие сердцу люди, где был ее дом, ее школа и любимая река Оресса. Хотелось скорее увидеться со своими и узнать об арестованных девушках. Посоветовалась с Майстренко, получила задание и пошла.

Из загальских лесов вышла в сумерках, а когда «своими тропками» подошла к Нижину, совсем стемнело. Комсомольцы еще не знали, что Феня вернулась в район, и не ждали ее. Должно быть, они никого не ждали в этот вечер и никаких знаков на дороге не поставили. Кононова заметила это, постояла, подумала и пошла дальше. Она была уверена, что куда-куда, а в Нижин проберется, несмотря ни на какие препятствия. Сколько раз приходила, сколько раз отсюда уходила! Каждый кустик, каждое дерево, каждая ложбинка на дороге знакомы ей.

Вечер тихий, слегка морозит. Снег не скрипит под ногами, но и не скользит, как в оттепель. Вот знакомый взгорочек, а там кустики. За кустиками — открытое, самое опасное место. За ним — нижинское кладбище. Место это обойти нельзя, другого более удобного подхода к деревне нет. Главное — проскочить на кладбище, от него рукой подать до явочных квартир.

Бывало, поджидая Феню, комсомольцы дежурили на кладбище и время от времени подавали условные сигналы. Если дежурных не было, открытое место приходилось переползать: в темную ночь человек на земле незаметен. А теперь снег кругом. Выходя из лагеря, Феня и не подумала, что на этом открытом

месте лежит снег, и не взяла маскировочного халата. А без халата — будешь видна за километр. Феня остановилась в кустах. Страшновато выходить на открытое место. У нее появилось ощущение, которое бывает у бойца, в первый раз идущего в атаку. Пока были кустики, деревца, хотя они и не заслоняли от вражеской пули, но все-таки идти было как-то легче: нога ступала твердо, глаз видел далеко. Как только кончались кустики, тянуло бойца к земле, начинало казаться, что все пули полетят именно сюда.

Притаившись за последним кустом, девушка оглядела все кругом и прислушалась. На кладбище ничего не видно и ничего не слышно. Слабый ветерок изредка налетал на сосняк и глухо шумел в вершинах. Да кто там может быть в такую пору? Феня быстро зашагала к кладбищу. На всякий случай вынула из потайного кармана пистолет. Вдруг ей стало смешно: сколько везде ходила, никого и ничего не боялась, а тут, возле своего родного дома, напал страх. Может быть, это потому, что в детстве она боялась кладбища? Девушка все прибавляла шаг, а под конец не выдержала — побежала и уже не останавливалась до самого кладбища. Бежала не от страха, а из желания скорее прийти на место к своим людям, пока они не легли спать. Еще немного, еще несколько шагов. Феня перескочила через канавку и припала грудью к сосне. Она вся дрожала от волнения. Так когда-то прижималась она к своей матери, когда на сердце было тяжело, когда к горлу подступали слезы. Мать обнимала ее за плечи, целовала мягкие темно-русые волосы, и любое горе становилось меньше. Как бы хотелось и теперь прижаться к ней, расспросить, как она живет. Но Феня даже не знала, где ее мать. Отец ушел в лес, а мать — в Глусский район, к родственникам.

И все-таки легче стало на душе, она чувствовала себя дома. Здесь почти в каждой хате убежище и радость встречи с близкими и дорогими людьми. Глянула на деревню — вон видна хата, до нее пять-шесть минут ходу. Только ограда впереди да несколько плоских деревянных памятников. Феня собралась идти, и вдруг ей показалось, что за одним из памятников что-то шевельнулось. Показалось или нет? Девушка присела на корни сосны, стала вглядываться в темноту. В самом деле там кто-то есть, только нельзя разобрать — человек или собака. Перевела взгляд на другие памятники и с тревогой заметила, что и за ними тоже кто-то прячется. Потом разглядела человеческую фигуру за деревом. Сомнений быть не могло: на кладбище люди, и недобрые…

Человек отделился от сосны и двинулся к Фене. За ним поднялись и пошли те, которые сидели за памятниками. Кононова считала: один, два, три… шесть… «Нет, это не наши.

Наши выслали бы одного, двух. Тут что-то недоброе».

Передний сделал шагов десять и спрятался за ствол дерева.

— Кто там? Вылезай!

Голос незнакомый. «Не видит!» — подумала Феня.

Девушка, не спуская глаз с притаившегося за деревом человека, обдумывала, что делать. Когда опасность нависла над головой, страх исчез Решимость, упорное желание бороться до последнего дыхания наполнили душу девушки. Она понимала, что здесь легко не отделаться, — натолкнулась на полицейскую засаду, и они постараются захватить ее живой. «Но и им жарко будет!» — это решение созрело сразу, твердое и непоколебимое.

Феня достала пистолет и легла на землю. Человек за деревом махнул рукой, и те, что были позади, пригибаясь, побежали вперед, три справа и два слева. Перебегая от дерева к дереву, они приближались к Фене, а человек за деревом оставался на месте. «Значит, это старший, — подумала Феня. — Если его прикончить, остальные не станут проявлять особую активность». Она взяла на прицел сосну, за которой стоял полицай, и, выбрав момент, когда тот высунулся, выстрелила. Тот шлепнулся на землю и закричал диким голосом:

— Ложись!

Все попадали еще до его команды. Справа и слева от Фени прогремели винтовочные выстрелы. Пули прозвенели над ее головой. «Должно быть, видят», — подумала Феня, рывком вскочила в канавку и отползла в сторону. Можно было бы попробовать ползти дальше, но…

— Живым его, живым! — крикнул старший полицай, но сам не тронулся с места.

Феня устроилась в канавке у куста, отгребла от себя тонкий слой снега. Сквозь ветки куста враги были ей видны. У девушки не было военной практики, однако она чувствовала, что пуля ее не достанет, а их можно всех перебить, жаль только, что патронов мало. Она решила подождать, пока они подползут совсем близко, выпустить половину обоймы и попробовать перебежать в кусты.

— Живым его-о! — кричал из-за сосны старший. — Говорю, живым!

А полицаи боялись идти в обход и беспрерывно стреляли. Пули летели куда попало.

Наконец старший высунулся и неуклюже, на четвереньках, пополз к канавке. Феня выстрелила и быстро отползла влево. Тот залег. Девушка заметила, что полицаи, которые ползли с левой стороны, оказались совсем близко от нее.

— Ого-онь! — закричал старший.

Пули летели в то место, откуда только что блеснул

пистолетный выстрел. Старший пришел в ярость, поднялся за деревом и бросил гранату. Она взорвалась в нескольких метрах от Кононовой.

Феня еще раз взглянула влево: трое полицаев в десяти шагах от нее. Они палят без разбора в одну точку. Нужно незаметно подползти немножко ближе, перебить тех, что слева, и по канавке, которая огибала кладбище, пробраться до загуменьев, а там можно будет спрятаться.

Девушка затаила дыхание — и ползти не нужно, вот они сами крадутся по-волчьи: головы пригибают, а спины торчат на метр от земли. Вдруг двое приподнимаются и бегут к канаве. Расчет ясен: хотят перескочить канаву и зайти сзади. Еще момент… Кононова стреляет почти в упор. Один раз, другой… Стреляет и, согнувшись, бежит канавкой к загуменьям. Бежит не оглядываясь, не чувствуя под собой земли. В ушах все еще слышатся сухие звуки собственных выстрелов. «Кажется, попала, — мелькает мысль, — кажется, не на ветер…» Ничего не слышно. Даже стрельба справа затихла. Должно быть, растерялись, не знают, что делать… Бежать, бежать.

Девушка спотыкается о корень и падает. «Ранили», — мелькает мысль. Минуту лежит и не может понять, почему упала. Сзади послышались глухие стоны. «Значит, попала», — радуется Феня и, быстро поднявшись, бежит дальше.

Вот огород и высокий плетень до самого гумна. Девушка выскочила из канавки и побежала вдоль плетня.

Полицаи еще около получаса обстреливали канаву. Стреляли в темноту, уже не целясь. Расстреляв патроны, начали бросать в канаву гранаты. Вскоре пришли несколько полицаев и эсэсовцев из Баринова. Гитлеровцы решили, что отряд партизан наступает на Нижин, и поспешили на помощь местной полиции. Узнав, что стрельба поднята из-за одного человека, эсэсовский офицер разозлился, потряс пистолетом перед носом старшего полицая и приказал окружить кладбище.

И только когда была обыскана вся канава, осмотрены все кусты, ограды, памятники, полицаи подошли к своим раненым. Один был мертв, а другой, пристроившись на могиле, перевязывал ногу выше колена, стонал и ругался на чем свет стоит.

— Почему того не перевязал? — грозно спросил у него старший.

— Я сам весь кровью изошел! — огрызнулся полицай. — Что я мог сделать?

— Покажи! — старший включил фонарик и посмотрел на рану. — Глупости, комар укусил… У меня в руке дырка побольше,

и то я не вышел из строя.

— Ты под корнем лежал…

— Молчать!

Эсэсовец разразился хохотом. Размахивая пистолетом, он тыкал им в живот старшего:

— Вояки, опора гитлеровского командования… Один партизанский разведчик всех перебил…

— Я хотел взять его живым, — оправдывался полицай.

— Так вот бери неживых, — ехидно ответил эсэсовец.

Вскоре был поднят на ноги весь гарнизон деревни Кузьмичи и соседние полицейские участки. Нижин окружили со всех сторон, начались лихорадочные поиски исчезнувшего партизанского разведчика.

Полицаи взяли в Нижине подводу, взвалили на сани труп убитого, рядом с ним посадили раненого и повезли в Кузьмичи. Когда подвода выезжала с кладбища, эсэсовец подозвал одного из полицаев.

— А почему его здесь не закопать? — спросил он.

— Там у него родственники, — угодливо ответил полицай, — и свое кладбище возле деревни.

Эсэсовец скривил губы.

— Слишком много чести, — заметил он, усмехаясь, — возить с одного кладбища на другое. — Потом сердито спросил: — Какой дьявол выдумал устроить здесь засаду?

— Пан Дубик посоветовал, — отрапортовал полицейский.

— Кто такой Дубик?

— Наш бургомистр в Кузьмичах.

— А зачем была эта засада?

— Уже несколько дней тут следим, — понизив голос, объяснял полицейский. — В этой деревне крупная подпольная организация. Недавно они одного вашего… — полицейский запнулся, — одного нашего пана обер-лейтенанта живым в плен захватили.

— Это они? — эсэсовец резко повернулся к полицейскому.

— Они, пан офицер! И нашего одного ранили, помер… Тесная связь с отрядами, — продолжал полицейский. — Пану Дубику удалось дознаться, что на этом кладбище организуются тайные встречи партизан с местными подпольщиками.

Эсэсовец бросил на полицейского презрительный взгляд, махнул рукой и пошел к своей команде.

В ту ночь Феню Кононову не нашли. Да если б и нашли, вряд ли поверили, что это она стреляла на кладбище. Кузьмичская полиция склонна была думать, что это был Горбачев. Его знали во всех гарнизонах, гонялись за ним и боялись.

Утром эсэсовцы согнали всех нижинцев на широкую площадь возле Ореccы и долго держали там.

Многие были легко одеты и дрожали от холода. Немцы затягивали допрос в надежде, что перемерзшие люди выдадут партизана. Но никто не сказал ни слова, хотя почти все знали, что их Феня, их молодая учительница-комсомолка, вечером наведывалась в деревню. Они укрыли ее в таком месте, куда ни один полицай, ни один эсэсовец не догадался бы заглянуть.

Феня выполнила все поручения райкома. На следующий день перед рассветом, когда многих часовых сморил сон, комсомольцы вывели ее из деревни. Снова провели через кладбище, как раз через то место, где ночью она выдержала неравный бой.

* * *

Спустя несколько дней Кононова появилась возле Нижина и уже не одна. С ней хорошо вооруженные партизаны во главе с Розовым и Майстренко. Они шли, чтобы освободить нижинских девушек.

Половина кузьмичской школы превращена в тюрьму. Окна в этой половине забиты досками и переплетены колючей проволокой. Люди со страхом и тревогой проходили мимо школы, оттуда доносились крики и стоны истязаемых узников фашистской комендатуры.

В качестве проводников с партизанами шли Нижинские комсомольцы. Приблизиться к школе нужно было тихо и незаметно. Надо без единого выстрела снять часовых, войти в школу и вывести арестованных. Разведкой установлено, что ночью около школы будут дежурить местные полицаи. Это облегчало задачу — они не так старательно несут охрану, как немцы.

Партизаны поздней ночью начали приближаться к школе. Патрулей не слышно. Возможно, они находились на другом конце деревни. Полицейский пост с пулеметом партизаны благополучно обошли. В эту темную ночь школа казалась особенно мрачной. На фоне белого фундамента видно, как часовой устало переставляет ноги: ступит шаг, потом остановится, немного постоит, потом снова шагнет.

Розов и Майстренко ползут впереди, вслед за ними — два опытных партизана. Если первую пару постигнет неудача, то двое других придут на выручку.

Часовой остановился около входа в школу, поставил одну ногу на ступеньку и наклонил голову над дулом винтовки. Розов

молнией подлетел к нему и схватил сзади за руки. Майстренко выхватил у полицая винтовку и приставил к его подбородку дуло пистолета.

— Тихо! — угрожающим шепотом приказал он.

Полицай послушно закивал головой и опустился на колени.

— Ты один здесь?

Полицай теперь уж закрутил головой, а рта не раскрывал, видно, боялся, промолвить слово.

— Где он? — спросил Розов, связывая полицаю руки.

— Там, — тихо сказал он и показал за угол. — Он спит. Мы тут по очереди ходили. Если хотите, я заберу у него винтовку, я все сделаю.

Передав связанного партизанам, Розов и Майстренко двинулись вдоль стены, но не прошли и нескольких шагов, как кто-то позвал Майстренко. Он остановился.

Товарищ Майстренко! — шептал связанный полицай. — Там у него граната в кармане, смотрите, осторожно.

— Я тебе дам «товарищ», — пригрозил кулаком Майстренко и пошел дальше.

— Я его сразу узнал, — не то с радостью, не то со страхом шептал полицейский. — Мы с ним хорошими знакомыми были.

— Ти-хо! — цыкнул на него один из партизан.

Охранник спал. Проснувшись, он начал яростно обороняться. Пришлось слегка «погладить» его по голове и заткнуть рот.

Первый полицейский показал, где спрятаны ключи от школы, и провел партизан в класс, в котором находились нижинские подпольщицы. Девчата спали на полу, прижавшись друг к другу. Тяжелым и тревожным был их сон, но усталость брала свое. Никто не пошевельнулся, когда Майстренко и Феня вошли в класс. Майстренко включил электрический фонарик, а Феня опустилась на колени и стала осторожно, чтоб не напугать, будить девчат.

Трудно было узнать их. Лицо Лиды синее, будто неживое, под глазами кровавые подтеки, одежда порвана. Когда Феня осторожно прикоснулась к ней, та вздрогнула и испуганно метнулась в угол.

— Лидочка, это я, — тихо прошептала Феня. — Не бойся, тут все наши. Быстренько буди девчат, и пойдем.

Операция прошла успешно. Освободили не только нижинских девушек, но и всех, кто находился в фашистском застенке. На следующий день в лагере Кононова ласково обнимала своих подруг.

— Ну, как вы там, мои милые, мои дорогие? — спрашивала она.

— Не волнуйся, Фенечка, — ответила за всех Лида, — как фашистские каты ни издевались над нами, мы ни одного словечка не сказали.

XIX

На протяжении декабря и первой половины января мы готовились к большому партизанскому рейду. Это был очень сложный и тяжелый период борьбы наших отрядов с фашистскими захватчиками. В районах Минской и смежных областей Белоруссии действовали крупные части эсэсовцев. Гитлеровцы поставили своей целью во что бы то ни стало расправиться с белорусскими партизанами. Нашим отрядам приходилось ежедневно вести жестокие бои, маневрировать, часто менять места дислокации. Особенно трудное положение создалось в Старобинском, Краснослободском, Гресском, Копыльском, Слуцком, Руденском, Борисовском и Смолевичском районах. Отрядам Коржа, Меркуля, Бондаровца пришлось перебраться на Любанщину, Глущину и в район Старых Дорог. Базы этих отрядов, подготовленные к зиме, были оставлены под присмотром партизанских связных, которые остались на месте и жили в деревнях.

Партизанские отряды Минской и Полесской областей сдерживали бешеный натиск фашистских войск, упорно готовились к большому рейду.

Необходимо было значительно пополнить отряды людьми, оружием, организовать хороший санный транспорт. Стоять на одном месте в такой ответственный момент со сравнительно небольшими силами было для нас рискованно и опасно. А стремительное наступление должно было принести успех.

Гитлеровцы боялись нашей зимы. Надеясь закончить войну до наступления сильных морозов, гитлеровское командование не обеспечило теплым обмундированием даже свои фронтовые части, а тыловикам вовсе ничего теплого не выдавалось.

Немецкое командование считало, что тыловики себя обеспечат за счет награбленного у населения имущества. Кое-где фашистам удавалось ворваться в деревню, отнять у населения теплую одежду, обувь. Население прятало одежду, а партизаны принимали все меры к тому, чтобы не пускать эсэсовские отряды в деревни. Заходить в леса оккупанты не решались, боялись партизан. Им приходилось почти все время торчать на ветру и морозе. Обмораживания и простуда выводили из строя сотни гитлеровцев. Связные доносили нам, что слуцкая мебельная фабрика не успевала выполнять заказы на гробы для замерзших гитлеровцев.

Партизаны старались обеспечить свои отряды санями. Санный транспорт, маневренность отрядов и будет

способствовать нашей победе. Зима была снежная и лютая. Чем дальше, тем трудней и трудней было оккупантам ездить на машинах, а партизаны на санях могли проникнуть в любое место и двигаться в любом направлении.

С советскими людьми нетрудно было решать любую сложную задачу. Чтобы посадить на сани отряды, участвующие в рейде, нам нужно добыть шестьсот саней. Кроме того, мы решили сформировать конный отряд, а для него также нужны лошади, седла уздечки. Население пришло на помощь: советские патриоты с радостью отдавали нам все, что нужно.

До прихода врага колхозники спрятали инвентарь, упряжь, фураж. Колхозы угнали лошадей, которых не успели эвакуировать, на дальние выпасы, а зимой вывели их в лес и организовали прокормочные пункты. Теперь и лошадей и упряжь передали партизанским отрядам. Чего бы партизаны ни потребовали, население немедленно шло навстречу. Кто коня давал, а кто и сам с конем шел в партизаны. Все эти вопросы обсуждались вместе с колхозным активом.

Народ жил одним желанием: как можно скорее уничтожить врага. Вот почему мы с первых дней нашей борьбы чувствовали под собой твердую почву, смело брались за сложные, широкие по масштабам и даже иной раз рискованные задачи.

В рейд должны были идти самые сильные отряды. Минский подпольный обком возглавил это большое наступление. Часть отрядов целесообразно было оставить на месте, чтобы не оголять район. С нашей помощью они могли действовать и развиваться. На Любанщине оставались Патрин, Столяров, в Октябрьском районе — Павловский, в Глусском — Храпко, Яковенко Владимир Кириллович, в Копаткевичском — Михайловский, в Копыльском — Жижик, в Гресском — Заяц, в Пуховичском — Филиппских, в Осиповичском — Ольховец и Шашура, в Руденском — Покровский. На отряды возлагалась задача помогать, когда мы будем проходить через их территорию. Они должны сковывать силы врага, не давать гитлеровцам покоя ни днем ни ночью.

Перед выходом в рейд погиб наш боевой товарищ, член подпольного обкома Евстрат Горбачев. Погиб этот человек так же мужественно, как и воевал, смертью героя, не выпуская из рук оружия. Возвращаясь из отряда Столярова, Горбачев возле хутора Подклетное наткнулся на конный отряд эсэсовцев. Гитлеровцы, как видно, догадались, что им встретился один из партизанских руководителей, и решили взять его живым.

Место открытое: до леса не добежишь и до хутора далеко. Горбачев принял бой в открытом поле. Окопавшись в глубоком снегу, он вынудил спешиться и залечь весь отряд.

Горбачев во время боя проявлял силу и выдержку необычайную. Сколько раз доводилось ему сталкиваться с фашистами, и всегда он выходил победителем. Фашисты один за другим падали вокруг Горбачева, а он оставался целым и невредимым.

«Партизан должен быть неприступной огневой точкой!» — всегда говорил он и сам служил лучшим тому примером. Отправляясь на задание, Горбачев всегда брал два пистолета с запасом обойм, автомат с запасом дисков, штук пять гранат, кинжал. Все это в нужную минуту пускал в ход.

И на этот раз Евстрат Денисович, как только залег, открыл шквальный огонь по фашистам, рассчитывая, что боеприпасов у него хватит надолго. Важно было ошеломить гитлеровцев, прижать их к земле, а самому отползти к лесу.

Но эсэсовцы упорно стремились зайти в тыл Горбачеву, отрезать ему дорогу в лес. Спустя некоторое время им это удалось.

Окружив Горбачева, эсэсовцы стали приближаться к нему, и тут Евстрат Денисович, должно быть, понял, что выйти из окружения невозможно. В самый критический момент он швырнул в наиболее плотную группу гитлеровцев несколько гранат, а потом поднялся во весь рост и бросился на прорыв. В этот момент его тяжело ранили. Зарывшись в снег, он снова стал мужественно и упорно отбиваться, но скоро силы начали покидать его, кончались боеприпасы. Евстрат Денисович решил притвориться убитым и подпустить к себе гитлеровцев как можно ближе. Почти целый час эсэсовцы не подходили к раненому Горбачеву, боялись. А когда они, наконец, приблизились на пять-шесть шагов, Евстрат Денисович швырнул в них две гранаты, а последней взорвал себя.

После мы узнали из допроса полицая, что взрывом последних гранат было убито и ранено одиннадцать гитлеровцев.

Заехав в деревню Азломль, эсэсовцы приказали колхозникам свезти трупы своих убитых в деревенскую школу, подготовить все для похорон, а тело Горбачева оставить на месте. Объявив, что похороны убитых состоятся завтра утром, они двинулись дальше. Фашисты боялись оставаться на ночь в деревне, расположенной у самого леса, и убрались поближе к гарнизону.

Вернувшись утром в деревню, эсэсовцы пришли в ярость: ни один из убитых немцев не был подобран с поля, а Горбачева похоронили. Эсэсовцы выгнали всех жителей на улицу, начались допросы, пытки. Колхозники отвечали:

— Как только вы ушли, через час деревню заняли партизаны… Они взяли да и похоронили партизана…

Вот они только что поехали отсюда, может, еще и на километр не отъехали.

А один пожилой колхозник, Щербаченя, так ответил фашистам:

— Мы ваших фашистских законов не знаем и знать не хотим. Ваши трупы могут валяться сколько угодно, могут лежать сотнями под одним крестом, а мы с нашими людьми поступаем по-нашему, по-русски. Умер человек честно, праведно, его надо и похоронить как следует!..

Светлое имя Горбачева памятно и дорого всему белорусскому народу. Никогда мы не забудем этого воистину прекрасного человека — бесстрашного коммуниста, партизана. Несколько партизанских отрядов названо было именем Горбачева. Во всех отрядах и группах, во всех населенных пунктах партизанской зоны были проведены митинги, посвященные светлой памяти героически погибшего партизана. На этих митингах партизаны поклялись жестоко отомстить гитлеровцам.

Первой операцией нашего рейда был разгром немецко-полицейского гарнизона на станции Постолы Житковичского района. Фашисты сильно укрепились в Постолах, в совхозе «Сосны» и еще в некоторых населенных пунктах. В Постолах находились и охранные войска, так как на деревообрабатывающем заводе оккупанты производили железнодорожные шпалы, дубовые брусья для дзотов и другие материалы.

Выехали мы точно в назначенное время. Каждый отряд вышел с определенного, заранее условленного места. Мы не могли сосредоточивать все отряды в одном пункте, это было бы опасно, да и не вызывалось необходимостью. Часть отрядов к моменту выступления расположилась в лесах, недалеко от деревни Углы, некоторые стояли у совхоза «Жалы», возле деревень Живунь, Старосек. Все взяли направление на деревню Убибачки.

Приехали мы сюда часов в двенадцать ночи. Заняли эту и соседние деревни, выставили заслоны. С такой силой можно было вступать в бой с любым противником. В то время у нас были станковые и ручные пулеметы, даже минометы. Кроме винтовок, многие партизаны имели автоматы, пистолеты. Гранаты и бутылки с горючим были почти у каждого. Мы пользовались бутылками с горючим давно, с того времени, когда Бумажков и Павловский употребили это орудие в бою с колонной гитлеровских танков.

В деревне Убибачки я со штабом зашел в одну просторную хату в середине деревни. Со мной были Мачульский, Бондарь, Бельский, Варвашеня, Лещеня. В рейд отправились почти все

члены обкома, — ведь перед нами стояли большие и очень ответственные задачи: кроме боевых операций, у нас было немало других дел по созданию партийного подполья и организации партизанского движения в тех областях и районах Белоруссии, где подпольных обкомов и райкомов еще не было. Помощник начальника штаба вызвал к нам командиров и комиссаров отрядов. Пришли Меркуль, Корж, Долидович, Гуляев, Бондаровец, Ширин, Розов, Плышевский, Пакуш, Жулега.

Чистая половина хаты, которую гостеприимно отвела для нас старенькая, но еще подвижная хозяйка, наполнилась людьми. Приятно и радостно было смотреть на них. Все бодрые, подтянутые, волевые. Почти у каждого хорошая одежда: бекеша на меху, тулуп или теплая шинель. На плечах поскрипывали ремни, на поясе висели пистолеты и гранаты. Командирам доверена судьба многих людей, они несут большую ответственность, их слушают, берут с них пример. Поэтому и внешне они должны выглядеть культурно и внушительно. Мы специально занимались этим, готовясь к рейду. Партизаны у нас тоже были одеты тепло и добротно.

Хозяйка обвела нас взглядом и, ничего не сказав, торопливо сняла с крюка деревянное ведро, выбежала из хаты. Через минуту она вернулась с водой, вытерла фартуком озябшие руки и подошла ближе.

— Я все гляжу, гляжу, — ласково, склонив голову набок, заговорила она, — гляжу — и глазам своим не верю. И в хате и на улице полным-полнешенько людей… Говор наш, дух, чую, наш… И одежда на всех, и кони тоже, сани, амуниция — все наше… Неужто это вы пришли уже, соколики мои, вернулись к нам?

— Нет, бабуля, — отвечаю я хозяйке, — мы тут и были. Мы партизаны.

— Партизаны? — с искренней радостью переспросила старушка. — Партизаны… Вот какие вы!.. И много ж как, ой, много!.. На фашиста идете?

— На фашиста!

— Знаю, хлопчики, знаю… Так это вы его врасплох, правда? Спит, лихо ему, сны видит, а вы его по затылку, а если который не спит, так того по бельмам, чтоб они у него кровью заплыли!

— Так, бабуля, так!

— Может, вам сварить чего тепленького?

— Спасибо, пора ехать.

— Так, может, я хоть воды вам скоренько нагрею, — просила она, — да заварю липовым цветом, малинки сушеной всыплю. Напейтесь на дорогу, — бог даст, ни кашель, ни простуда не пристанет.

Хоть и жаль было обижать бабулю, но пришлось отказаться от ее угощения. Надо было спешить. Необходимо было разделить отряды на две колонны и пустить их параллельно по двум маршрутам. Одна колонна должна была пройти с юга от совхоза «Сосны», возле деревни Кузьмичи, а другая — значительно левее, в направлении деревни Городячицы с заходом на Ветчин. Штабная группа и конный отряд шли между колоннами. До рассвета мы должны подойти к намеченным пунктам близ постоловского гарнизона.

Я указал командирам их маршрут, еще раз объяснил обязанности каждого отряда.

Старушка все суетилась в углу возле посуды, все что-то готовила, и, когда мы вышли из горницы и стали прощаться, она настоятельно начала задерживать нас.

— Побудьте еще немножко, — просила она, — хоть одну минуточку, я тут огурчиков соленых достала, капусты квашеной… Вот и чарочка нашлась, как знала, берегла… Хоть по капле выпейте на дорогу.

Корж усмехнулся и погладил ладонью усы:

— Эх, и догадливая же ты, бабуля!.. Не годится отказываться, идя на мороз.

— Вот и я говорю! — подхватила хозяйка. — Хоть по капле, хоть по росинке… Не взыщите только, что рюмочка у меня одна: немцы — чтоб им пусто было! — молоко искали, так перебили всю посуду… Давайте я сама вам поднесу.

Корж снова добродушно засмеялся, и старушка поднесла ему первому. Василий Захарович взял рюмку, поклонился хозяйке и одним глотком выпил. Потом взял из миски круглый, как моченое яблоко, огурец. Старушка поднесла Меркулю, а потом всем остальным по очереди.

— На здоровье вам, детки, — взволнованно говорила она, провожая нас. — На доброе здоровье, на великое счастье, спасибо, что зашли. Простите, если что не так! Может, обратно когда будете ехать, так не минуйте моей хаты.

Мороз был сильный и колючий. Сдавалось, и ветра не было, а пробирало до костей. Кони намерзлись на привале и неудержимо рвались в дорогу. Мы дали им волю. Чем раньше будем на месте, тем лучше! Там, где дорога была укатана, полозья скрипели, но мало было таких дорог: не очень-то люди теперь разъезжали. Почти всюду лежал глубокий и мягкий снег — сани шли тихо, плавно.

С постоловским гарнизоном мы справились сравнительно быстро. Пулеметные гнезда на подступах к железнодорожной станции и часовых уничтожили без единого выстрела. Фашисты

не ожидали нападения в такой ранний час, да и мороз градусов на тридцать прижал солдат, и они расползлись по теплым углам. Наши бойцы при помощи местных жителей накрыли их и уничтожили.

Сопротивление было оказано в двух местах: на железнодорожной станции и на заводе. Станцию взяли до рассвета, а завод продержался еще часа три. Там засела большая половина гарнизона. Из комендантского управления к заводу был прорыт подземный ход, и гитлеровцы перебрались туда. Здесь стояло много пулеметов.

Как только фашисты почувствовали, что гарнизон окружен и спасения им нет, они заставили машиниста держать двигатель под парами и давать тревожные гудки, чтобы вызвать на помощь соседние гарнизоны. Рев сирены разносился далеко по окрестности. Только этот способ поднять тревогу у гитлеровцев и оставался, так как телефонную и телеграфную связь мы повредили. Не помогла фашистам эта хитрость: наши снайперы сбили сирену, и завод замолчал.

Спустя некоторое время мы предложили гитлеровцам сдаться, в ответ они усилили огонь. Тогда я приказал выбить врага. В сумерках партизаны подползли к стенам завода и начали бросать гранаты в окна и амбразуры. Неподалеку находился склад с горючим. Бойцы подползли к нему и забросали бутылками с бензином. Раздался сильный взрыв, взметнулся столб огня. Стрельба с завода немного утихла, а потом возобновилась с еще большей силой — стреляли внутри завода. Мы не понимали, что происходит. Потом выяснилось. Оказывается, у гитлеровцев начался разлад: одни стояли за сдачу в плен, другие — возражали, и между ними началась перепалка.

К девяти часам утра бой был закончен. Наши партизаны потушили пожар и спасли завод. В бою уничтожено больше сотни гитлеровцев, часть оккупантов и полицаев сдалась в плен. Мы взяли много винтовок, боеприпасов и сотни тонн награбленного хлеба. Зерно роздали населению.

После небольшого отдыха левая колонна нашего соединения пошла на Ленинский район Пинской области, а правая на Скавшин, Сухую Милю, Милковичи Старобинского района.

Мы со штабной группой и конницей двигались к деревням Махнавичи и Долгое. В Долгом стоял большой немецко-полицейский гарнизон. Надо было изолировать его от соседних гарнизонов и уничтожить.

Ночью прибыли в деревню Махнавичи. Здесь уже были ударные отряды Гуляева и Розова. Основные силы левой колонны, которую возглавлял Мачульский, остановились в Милевичах

Пинской области. Вскоре прибыл посыльный от Романа Наумовича. Он сообщил, что в деревне задержана группа военных. Один из них вызывает особенное подозрение. Он главный в этой группе, держится смело, независимо и утверждает, что он наш советский генерал.

Я приказал передать Мачульскому, чтобы он выяснил, что это за люди, а командира пусть направит в штаб соединения.

Спустя некоторое время таинственный генерал явился. Это был очень подвижной человек, невысокого роста, худощавый, с широкими усами. На нем была кожаная куртка на меху, шапка-ушанка, поношенные армейские сапоги. С ним пришел молодой человек в шинели.

Начался разговор. Выяснилось, что это действительно наш советский генерал, бывший командир кавалерийской дивизии. Его часть стояла под Белостоком. В первые дни войны она приняла на себя страшный удар врага. После долгих, суровых боев Михаил Петрович Константинов (так звали генерала) был тяжело ранен и с группой бойцов попал в окружение. С Константиновым остался его адъютант, который теперь сопровождал генерала.

Подлечившись, Константинов со своими людьми перебрался в Минскую область, сначала действовал в Воробьевских лесах самостоятельно, а потом вошел в группу Владимира Зайца, секретаря Гресского подпольного райкома партии. Генералу, должно быть, не понравилось находиться в подчинении у районного партийного работника. Он расширил свою группу за счет поправившихся после ранения бойцов и отошел от Зайца. Сначала двинулся на Копыльщину и в западные области Белоруссии, потом повернул на Старобин, Житковичи, Ленино. Здесь наши отряды и встретили его.

Узнав, что мы уже воюем по-настоящему, Константинов выразил желание идти с нами. Ему понравилось, что у нас во всем надлежащий порядок, Дисциплина, все делается по определенному плану, под единым руководством. Нам тоже было интересно иметь у себя такого опытного командира.

— Давайте будем воевать вместе, — предложил я Константинову.

На это он ответил просто и искренне:

— Я человек военный, генерал, мое место в армии, но, поскольку я очутился в тылу у врага, постараюсь быть полезным Родине и здесь. Свою воинскую присягу я не нарушу!

В штаб соединения доставили двух полицейских из долговского гарнизона, задержанных в деревне Махнавичи. На допросе они подробно рассказали, как размещен их гарнизон, где

ночуют гитлеровцы, полицейские, в каком месте стоят пулеметы. Назвали пароль на сегодняшнюю ночь.

Я обещал полицаям, что им будет сохранена жизнь, если они проведут партизан в гарнизон.

Дмитрий Гуляев попросил, чтобы операцию в Долгом поручили ему. С начала рейда он командовал отдельным отрядом, а комиссаром у Долидовича остался Александр Боровик. Гуляев брался справиться с долговским гарнизоном своими силами. С ним шли партизаны из отряда Меркуля, которые хорошо знали деревню.

Посылать в Долгое несколько отрядов не было необходимости, так как гарнизон уже изолирован. В помощь Гуляеву мы дали Пакуша. Этот человек отличался неудержимым стремлением накапливать вооружение, боеприпасы и другое военное имущество. Узнав, что Гуляев идет на Долгое и что там можно раздобыть кое-что полезное для отряда, он попросил взять и его.

Перед выступлением Гуляев собрал своих партизан, построил и торжественно объявил, что обком и штаб соединения поручили им ответственную задачу.

Гуляев приказал поставить на сани два станковых пулемета и прикрыть сеном. На передние сани, рядом с собой, посадил полицая и дал ему винтовку без затвора. На других санях сидел Пакуш с другим полицаем. Договорились, что при встрече с часовыми полицейские назовут пароль и скажут, что везут в гарнизон продукты.

Отряды ехали немного поодаль. Трусившие полицейские всю дорогу советовали не торопиться. Они уверяли командиров, что перед рассветом все спят и гарнизон можно взять без единого выстрела.

Подъехав к деревне, Гуляев приказал отрядам быть наготове и ждать сигнала, а сам с Пакушем и группой бойцов, спрятанных в сене, поехал к казарме. Пленные полицейские рады были угодить партизанским начальникам: они провели Гуляева и Пакуша мимо часового и показали вход в казарму. Гуляев огляделся. Все шло, как полагалось. Он дал сигнал — белую ракету. В один миг были захвачены комендатура и казарма. Налет был такой внезапный и стремительный, что фашисты даже винтовки не успели разобрать. Они так и остались в пирамиде. Пакуш посмеивался, довольно потирая руки:

— Вот находка так находка! Всем теперь винтовок хватит, еще и в запасе останется.

Он тут же выстроил своих людей, дал по винтовке тем, у кого их не было. А остальные старательно завернул в мешковину и

положил на сани.

Антон Петрович хотел забрать не только весь запас боеприпасов, но и деревянную пирамиду для винтовок. По его приказанию бойцы вытащили ее на улицу, но тут вмешался Гуляев.

— Ты не в мирное время живешь, — сказал он. — И не в летний лагерь собираешься. Если понадобится такая штука, сам сделаешь.

В Старобинском и Ленинском районах мы простояли несколько суток. Партизаны отогревались и отдыхали. Многие выехали в ближайшие деревни с докладами о положении на фронтах, задачах партизан и населения в борьбе с оккупантами.

Так мы делали всегда. Остановившись в населенном пункте, прежде всего старались собрать народ, рассказать о последних сообщениях с фронта, наладить массовое слушание радиопередач из Москвы. Это подбадривало и вдохновляло население.

Помню, пришли мы однажды в деревню Обидемля Старобинского района. Оккупантов там не было, а полицаи попрятались при нашем появлении. Колхозники встретили нас с радостью и сердечным волнением. Все, от старого до малого, высыпали на улицу. Колхозники узнавали многих партизан. Начались радостные, дружеские объятия, приветствия. Вопросам не было конца: «Что нового на фронтах? Как наша Москва? А можно ли послать письмо в Москву?»

Мы старались ответить каждому, но это было невозможно, и попросили колхозников собраться и послушать доклад.

Колхозники двинулись в клуб и заполнили все уголки, стояли в дверях, под окнами. С докладом выступил Иван Денисович Варвашеня. Он рассказал о положении на фронтах, о героической борьбе Красной Армии, о методах борьбы народных мстителей в тылу врага. Вопросов было столько, что одному Варвашене трудно было на все ответить. Пришлось и нам помогать Ивану Денисовичу.

Колхозники были несказанно довольны, что партизаны обо всем знают. Это еще выше подняло наш авторитет. Людей интересовал вопрос, как это партизаны обо всем узнают, откуда у них такие свежие волнующие известия? Пришлось сказать, что у нас есть радиоприемники. Ну, тут и пошло!.. Посыпались просьбы, пожелания… Некоторые настойчиво просили сейчас же установить радио и включить Москву.

Сакевич быстро установил радиоприемник. И когда в клубе зазвучал знакомый голос московского диктора, все затаили дыхание, у многих заблестели на глазах слезы.

В этот день мы поздно расстались с обидемлянскими

колхозниками. Прослушав сводку, люди просили не выключать радиоприемник и остались слушать передачи. В продолжение всей оккупации они носили в своих сердцах тревогу за судьбу Москвы, Ленинграда. И вдруг им выпало счастье своими ушами услышать голос любимой столицы, так разве можно было ограничиться одной сводкой?

Когда мы закрыли собрание и собирались уходить, нас окружили мужчины, женщины и молодежь. Они спрашивали нас, можно ли присоединиться им к партизанам, и просили зачислить в отряд. Наиболее надежным колхозникам мы дали адреса наших связных.

Такие собрания во время рейда проводились во многих деревнях.

Секретарь Старобинского подпольного райкома Меркуль созвал заседание бюро райкома. На этом заседании обсуждали очередные задачи по развертыванию партизанского движения и политико-воспитательной работы среди населения. Кроме того, был составлен план работы райкома на первый квартал нового года. Бельский, Варвашеня, Бондарь, Лященя, Сакевич побывали в Ленинском и Ганцевичском районах. Они связались с местными коммунистами, комсомольцами и беспартийным активом, помогли им создать партийное подполье. Большую помощь оказал им Василий Захарович Корж, который хорошо знал там многих партийных и советских работников, поддерживал контакт с ними с первых дней войны.

Утром следующего дня наша левая колонна пошла на Ганцевичский район Пинской области, мы — на Красную Слободу, а правая колонна двинулась между Красной Слободой и Слуцком. Была сильная вьюга, дороги занесло. Люди стали мерзнуть, и я приказал сделать привал. Место для привала неподходящее, за три-четыре километра расположен большой гитлеровский гарнизон, но другого выхода не было. Простояли здесь больше шести часов. Лошади отдохнули, обогрелись, и вьюга стихла.

Во многих деревнях, через которые мы проезжали, были немецко-полицейские пункты, однако полицейские не решались выступать против нас. Они боялись нас как огня, разбегались и прятались Был такой случай. На привале в деревне Величковичи мы выбрали хату с двумя половинами, рассчитывая, что она будет удобна для штаба. В деревне встретили нас хорошо, только хозяин хаты, которую мы облюбовали для штаба, на наш стук не отозвался: Это нас насторожило. Снова стучим в дверь, в окно, никто не открывает и огня не зажигает. Потом слышим внутри кто-то стонет. Я послал Бондаря выяснить у соседей, есть ли в

этой хате больные. Соседи сказали, что там все здоровы. Мы стали стучать сильнее. Наконец нам открыли. В первой половине хаты никого не было, а во второй на кровати лежала женщина и громко стонала. Два подростка сидели на печи. Мы подумали, что она больна и нам не следовало бы ее беспокоить. Мы спросили женщину:

— Где же хозяин?

Она снова застонала и ответила:

— Поехал в Старобин за доктором.

Прозябшие и усталые после большого переезда, мы вскоре задремали, а затем и уснули. Пока мы спали, из-под кровати «больной» выполз ее муж и, приподняв в другой половине избы доски в потолке, вылез на чердак. Ни мы, ни наши часовые, стоявшие во дворе, ничего не слышали. С чердака он пробрался на сеновал и там спрятался. Днем мы узнали, что хозяин избы — изменник Родины, что он расстрелял несколько местных активистов и выдал гестаповцам красноармейцев. Теперь он служил тайным агентом у фашистов и одновременно заготавливал сено для воинских частей. Мы решили его поймать. Убежать из деревни он не мог. У нас было правило: заняв деревню, мы окружали ее и никого не выпускали и не впускали. Проверка показала, что ни один человек из деревни Не выходил. Тогда мы начали искать предателя, но не нашли.

По нашему разрешению колхозники начали разбирать сено, в стогу нашли предателя, привели его к нам. Его жена созналась, что она притворялась больной, чтобы помочь спастись мужу. Но эта уловка не удалась. Не удавались врагу подобные уловки потому, что честные люди всегда помогали нам и внимательно следили за всякими вылазками и происками врага.

Повсюду разнеслись слухи, что большое соединение Красной Армии перешло линию фронта, оно продвигается по тылам врага и беспощадно уничтожает фашистов и их прислужников. Так говорили о нас. В народе к этим слухам многое прибавлялось, и получалось, что у нас есть своя легкая и тяжелая артиллерия и даже танки. В дни рейда над районами, но которым проходили наши отряды, часто пролетали советские самолеты, направляясь на запад. И вот пошли разговоры, что у партизан есть и свои самолеты.

Нам рассказывали, что, когда в деревню Долгое приехали гитлеровцы и стали узнавать численность армии, которая здесь проходила, колхозники наговорили им такого, что у захватчиков глаза на лоб вылезли.

— Неисчислимая сила их здесь, — утверждал старик, бывший колхозный сторож. — Когда шли, так, должно, верст на пять

дорогу заняли. Передние уже здесь, а задние далеко-далеко, где-то за самыми Махнавичами. Я в тот день как раз из лесу шел. Как свернул с дороги, чтоб их пропустить, так, верно, часа два стоял в снегу. Хорошо, что тут недалеко хата лесника, так я пошел к нему и там сидел более часа, а они все ехали да ехали… И это еще не все. Там, где-то в сторону Пинска, говорят, еще больше прошло. Ходят слухи, что идут они на Барановичи и на Минск.

— А какое у них оружие? — спрашивал немец-переводчик.

— Всякое там есть, всякое, — кивая головой, продолжал старик. — И какие-то очень длинные ружья, и покороче со сковородами, и пулеметы, и пушки сзади везли.

На самом деле в Долгом, может, и сотни наших партизан не было. И оружие они имели самое обычное, как и все отряды. Позднее мы обзавелись пушками и противотанковыми ружьями, а в первые дни партизанского рейда у нас их не было.

Наш привал в Величковичах затянулся. Дорога была тяжелая, и лошади выбились из сил. Задержало и еще одно обстоятельство. По плану нам предстоял налет на гарнизон в Красной Слободе. Краснослободские партизаны ждали нас, но они не знали времени нашего прихода. Теперь до Красной Слободы оставался только один переход и можно было связаться с ними непосредственно. Мы направили к партизанам специальную группу, которая поможет им подготовиться для совместных действий.

Налет на Красную Слободу был необходим. Недавно в жестоких боях с оккупантами погиб руководитель краснослободских партизан, секретарь подпольного райкома партии Максим Иванович Жуковский. Выбыла из строя и часть бойцов. Нам надо было поддержать партизан этого района, помочь им выстоять, преодолеть трудности и окрепнуть.

Гитлеровцы узнали, что наши передовые отряды стоят в Капацевичах и Величковичах. Они обошли нас с юга и начали обстреливать деревню из пушек и минометов. Крайняя хата, стоявшая особняком от деревни, загорелась. Пожар мы погасили. Ответить на артиллерийский огонь у нас было нечем, из пулеметов далеко не достанешь. А все же как-то нужно было пугнуть фашистов. И тут я вспомнил о Константинове. Удобный случай для проверки человека! Вызвал его и приказал взять группу партизан, зайти гитлеровцам в тыл и выбить их из совхоза. Он попросил разрешения взять группу верховых, поспешно козырнул и выбежал из хаты.

Не прошло и трех часов, как гитлеровцы замолчали. Михаил Петрович блестяще выполнил свою задачу. Почти половина гитлеровцев была перебита. Фашисты не ожидали, что в тылу

могут появиться конники. Убегая, фашисты побросали оружие, и Константинов вернулся с богатыми трофеями. Так мы обзавелись минометами и пушками.

И еще не раз генерал Константинов проявлял себя в смелых, находчивых налетах, не раз выполнял самые ответственные и сложные задания. Мы убедились, что это опытный, храбрый командир и добросовестный человек. Я назначил его заместителем начальника штаба соединения, а потом мы ввели его в состав подпольного обкома.

На следующий день ночью мы подошли к Красной Слободе. Здешние партизаны были уже наготове.

Краснослободский гарнизон разбежался при нашем приближении. Гитлеровцы и полицейские убегали в такой панике, что бросили почти все свое воинское вооружение и боеприпасы.

Наконец настало время заняться старобинским гарнизоном. Меркуль бил его не раз, но гарнизон пополнялся и укреплялся. Гитлеровцы не выпускали районный центр из своих рук. Этот гарнизон теперь был изолирован, и его можно полностью уничтожить. Мы остановились возле деревни Кривичи, чтобы уточнить план операции и расставить свои силы. Вдруг наша разведка доносит, что оккупанты ночью бежали из Старобина. Жаль, что поздновато узнали об этом, можно было бы перенять их по дороге!

Решили повернуть на Копыль. Надо было встретиться с секретарем подпольного райкома партии товарищем Жижиком и установить более тесную и непосредственную связь с копыльскими партизанами. Об их делах обком хорошо знал. В копыльских лесах не один раз бывал Иван Денисович Варвашеня, часто наведывалась и Александра Игнатьевна Степанова. Как член Минского подпольного обкома, она занималась делами не только Слуцкого, но и соседних районов. Жижик, при постоянной поддержке Варвашени и Степановой, создал в районе широкое партийное подполье. Из его партизанских отрядов выделялся отряд Ивана Николаевича Тереховича, по кличке Дунаева.

Среди населения и партизан Случчины о Дунаеве шла хорошая слава, и мне хотелось познакомиться с ним.

Жижик встретил нас в Старицком лесу. Мы увидали невысокого, худощавого человека лет под сорок, с добродушным лицом и светлыми волосами. На первый взгляд это был ничем не приметный человек. Между тем Жижик обладал твердой волей, был чрезвычайно смелым и выносливым, умел жить с людьми и пользовался большим авторитетом среди партизан и населения.

Под могучим развесистым дубом ютилась землянка штаба отряда. Маленькая снаружи, она оказалась просторной внутри и

весь наш штаб без труда разместился. В маленькие круглые окна светлым конусом на пол падал свет. Хозяин землянки уселся как раз под этим конусом, сдвинул со лба ушанку, и в его белокурых волосах заблестели искорки. Он начал рассказывать о своих людях и говорил о них так сердечно, с таким уважением, что хотелось стать приятелем каждого, о ком он так увлекательно говорил.

— Вот к нам недавно пришел один человек, — говорил он. — Боец Красной Армии, с тремя ранами. Поправился в деревне, стал на ноги… И когда окреп парень, поехали наши к нему. Приехали и говорят: «Собирайся, пойдем с нами». А сами кто в полицейской, а кто в немецкой форме. Забрали парня, вывели за деревню и за горло: «Будешь служить нам, — это значит фашистам, — все твое, а не будешь, копай себе яму!» — «Не буду я вам служить!» — твердо ответил боец. Пошли дальше. Завели парня в лес, еще раз пригрозили: «Будешь или нет?» — «Выродки! — крикнул боец. — Не на такого напали! Делайте что хотите, не буду служить фашистам!» Тогда один из «полицейских» не выдержал, рассмеялся: «Молодчина, Рожков, так и нужно! Теперь пойдем к нам, в отряде таких любят».

Воин смелый и человек прекраснейший этот Рожков. Уже не раз показал себя в боях. А на тех хлопцев и теперь сердится, — не может простить им, что выбрали такой унизительный способ проверки.

Жижик с таким же увлечением стал рассказывать о своих командирах.

— Да, есть с кем воевать! — продолжал он. — Вышли в лес с группами Еременко, Изюмский, Межнавец, Шестопалов. С первого дня оккупации они руководили у нас подпольем в сельсоветах, а теперь командуют отрядами.

Я спросил его о Дунаеве.

— Дунаев в лесу, сейчас должен явиться, — ответил он.

Однако Дунаев пришел к нам около полуночи.

— С отрядом? — спросил Жижик.

— С отрядом.

Мы кончали разработку плана разгрома копыльских гарнизонов. Сначала будем уничтожать объединенными силами, а с более слабыми копыльцы и сами справятся. Дунаев запротестовал и начал спорить горячо и азартно. Он настаивал на том, чтобы пройти рейдом по всему Копыльскому району и стереть с лица земли все фашистские гарнизоны и полицейские пункты. Откровенно говоря, мне понравилась настойчивость Дунаева. Молодой парень, с мягкими юношескими чертами лица. Ему, казалось бы, сидеть молча да слушать, что говорят старшие,

а он готов всю ночь спорить, добиваться своего.

В Копыльском районе долго не задерживались… Мы помогли Жижику разгромить немецкие гарнизоны в Копыле и на станции Тимковичи, а остальные, услышав о нашем наступлении и победе, разбежались.

Через несколько дней двинулись в Барановичскую область. С нами пошел и Дунаев.

Перед партизанами была поставлена задача: быть не только воинами, но и неутомимыми пропагандистами и агитаторами. Я не помню случая, чтобы, останавливаясь в деревне, особенно в западных областях Белоруссии, мы не провели бы собрания крестьян. После разгрома немецко-полицейского гарнизона созывали население и показывали, сколько эти выродки награбили, чем занимались защитники «нового порядка».

В рейде мы возили с собой портативную походную типографию. Было у нас также несколько пишущих машинок. На привалах выпускали листовки, обращения обкома к населению, сводки Совинформбюро. В сотнях экземпляров расходились они по деревням и городам и звали людей на борьбу. Вот одна из листовок, выпущенных в то время подпольным обкомом:

«Дорогие товарищи!

Красная Армия, ведя наступательные бои с противником, все дальше и дальше продвигается вперед.

Фашисты отступают на запад, неся большие потери в живой силе и военной технике.

Только одна часть (Западный фронт) под командованием генерала Еременко освободила шесть крупных городов, больше 2 500 населенных пунктов и продвинулась вперед на 260 километров.

В настоящее время войска товарища Еременко ведут бои за города В. и С.

За 12 дней марта наши войска освободили 385 населенных пунктов, гитлеровцами оставлено на поле боя 49 900 трупов. Захвачено в плен 6 263 солдата и офицера, 220 пушек, 1 512 пулеметов, 14 600 винтовок, 216 танков, 5 105 автомашин и много военного имущества. На Западном фронте за период с 23 марта по 4 апреля частями Красной Армии уничтожено до 40 тысяч солдат и офицеров; освобожден 161 населенный пункт и захвачены большие трофеи.

Противник несет большие потери и в авиации. Только за 4 и 5 марта в воздушных боях и на аэродромах уничтожен 221 вражеский самолет.

Фашистские войска, отступая под натиском Красной Армии на запад, еще более нагло расправляются с мирным населением. В районах Белоруссии гитлеровские палачи расстреливают мирное население, сжигают села и деревни, бросают в огонь женщин и детей, грабят личное имущество трудящихся.

Повсюду слышны плач, стоны и крики женщин, стариков и детей, которых мучают фашистские убийцы.

Пусть знают гитлеровские шакалы, что никакие зверства и террор не сломят народного движения, поднявшегося против немецкого фашизма.

Товарищи! Приближается время освобождения белорусской земли от фашистской нечисти. Приближается время, когда белорусский народ снова заживет счастливо и радостно.

Отомстим же гитлеровским бандитам за пролитую кровь наших отцов, матерей, братьев и сестер. Не выпустим ни одного живого фашиста с нашей земли, залитой кровью нашего народа!

Пусть белорусская земля станет могилой для немецких захватчиков! Все, как один, на борьбу с врагом! Организуйтесь в партизанские отряды.

Разрушайте мосты, железнодорожное полотно, пути отхода противника. Не давайте лошадей, повозок, мяса и хлеба фашистам. Пусть эта грязная, вшивая погань, которая пришла на нашу землю в качестве оккупантов, подыхает с голоду.

Всеми способами помогайте Красной Армии и партизанам громить врага.

Наше дело правое, мы победим!

Минский областной комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии».

В правом углу листовки стояло: «Прочитай и передай другому».

В Барановичской области мы уничтожили около десятка немецко-полицейских гарнизонов. Прошли через Несвиж, Городею, возле самых Столбцов. Оттуда через Дзержинский и Узденский районы направились на Гресск. Вместе с отрядами Владимира Зайца захватили бывший военный городок Конюхи со всем вооружением и имуществом. В плен взяли несколько десятков гитлеровцев и полицейских. Из Конюхов мы могли контролировать почти весь район. Авторитет Гресского партизанского отряда настолько поднялся, что население, в

особенности молодежь, вступала в партизанские отряды группами. Спустя некоторое время в Гресском районе были организованы две партизанские бригады.

Недалеко от Слуцка мы остановились — необходимо было решить одну сложную задачу. Некоторые наши командиры, особенно Дунаев, настаивали на выступлении против большого слуцкого гарнизона.

— Что мы ходим по мелким гарнизонам? — говорили они. — Сила у нас есть, надо брать большие города! Зажмем гарнизон с четырех сторон — и точка!

Р. Н. Мачульокий (в центре), дед Талаш и Г. М. Гальченя.

Вручение партизанам правительственных наград.

И. Д. Варвашеня (слева) и командир партизанского соединения Пинской области А. Е. Клещев.

В то время я не мог поддержать такое предложение, это было нам еще не по силам. В Слуцке находилось много фашистских регулярных войск и техники. Зачем лезть на рожон, если в этом нет крайней необходимости? Только растрачивать силы, губить своих людей? Не в этом наша тактика. На врага надо нападать внезапно, неожиданно наносить ему сокрушительные удары и отходить в неизвестном для него направлении.

В Слуцк целесообразно послать две-три группы партизан с заданием: с помощью подпольщиков освободить из лагеря наших военнопленных, захватить банк, сжечь мосты через Случь, привести в негодность железнодорожную линию. Этим мы нанесем больший ущерб врагу, чем атакой в лоб.

Штаб соединения согласился со мной. В Слуцк решили послать отряд смелых и хорошо знающих город бойцов во главе с опытным, отважным командиром.

Во время рейда мы начали сбор средств на вооружение Красной Армии. Население с величайшим энтузиазмом отдавало нам свои сбережения. Приносили кто что мог: деньги, облигации,

ценные вещи. Мы собрали уже сотни тысяч рублей и много ценностей. Из донесений наших связных и слуцких подпольщиков — Александра Фомина и Петра Маглыша — мы знали, что в слуцком банке гитлеровцы хранят много народных средств и золотых вещей, награбленных у населения.

Почему бы не захватить банк и не забрать средства в фонд обороны? Эта идея понравилась всем.

Я вызвал Дунаева и сказал:

— Вот тебе задание. Подбери людей, возьми побольше тех, кто из Слуцка, и составь план операции.

Дунаев разработал план, и обком утвердил его с небольшими поправками.

Ночью, в страшную метель, Дунаев с партизанами пробрался в город, окружил лагерь военнопленных, снял часовых и выпустил наших бойцов. Потом они подошли к зданию районного банка. Здесь их ожидали слуцкие подпольщики во главе с Петром Маглышем. Без шума сняли часовых. Открыть сейфы помогли работники банка, с которыми у нас была установлена связь.

Из города партизаны вышли без потерь. Только один боец был легко ранен.

Золота и серебра, захваченных в наших банках, здесь оказалось немало. Были также золотые и серебряные вещи бытового употребления, награбленные у населения.

Когда мы посылали собранные населением и партизанами средства в фонд обороны, к ним присоединили и эти ценности. Я писал тогда в Центральный Комитет партии:

> «С первых дней Отечественной войны трудящиеся Минской области ведут непримиримую борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, вероломно напавшими на нашу Родину.
>
> Немецкие захватчики рассчитывали беспощадным террором запугать белорусский народ, подавить его волю к борьбе. Но белорусский народ никогда не покорится захватчикам. Со все нарастающей силой ведут минские партизаны беспощадную войну против немецких угнетателей. Множество партизанских отрядов, сотни групп и десятки тысяч одиночек народных мстителей днем и ночью ведут борьбу за освобождение своей Родины.
>
> В окрестностях Минска, в Антоновском и Комаровском лесах, на дорогах, ведущих на запад и на восток, во всех районах области все чаще и чаще слышатся взрывы и выстрелы. Это действуют отважные

белорусские партизаны.

Трудящиеся города Минска и Минской области, партизаны и партизанки, следуя благородному почину патриотов нашей Родины, полные жгучей ненависти к врагу и желая как можно скорее прогнать немецких захватчиков с родной земли, собрали на строительство самолетов денег и облигаций на сумму 3 075 827 рублей. Кроме того, собрали золотых монет царской чеканки 2 810 рублей, золота бытового — один килограмм, серебра — 10 килограммов. Собранные деньги и ценности доставлены через линию фронта в советский тыл и сданы в Государственный банк. В сборе средств приняли активное участие рабочие, работницы, колхозники, колхозницы и интеллигенция временно оккупированной Минской области. Сбор средств продолжается.

Просим вас дать распоряжение о строительстве на собранные нами средства самолетов для Красной Армии и присвоить им названия «Партизан Минска», «Партизан Слуцка», «Партизан Борисова».

Партизаны и партизанки города Минска и Минской области заверяют ЦК ВКП(б), что и впредь еще безжалостней и в большем количестве будут уничтожать ненавистных гитлеровских оккупантов до полного их уничтожения и оказывать всяческую помощь нашей доблестной Красной Армии.

Секретарь Минского обкома КП(б)Белоруссии

В. Козлов».

И вскоре нами была принята следующая телеграмма из Москвы, от И. В. Сталина:

«Секретарю Минского обкома КП(б)Белоруссии товарищу Козлову.

Передайте трудящимся города Минска и Минской области, партизанам и партизанкам, собравшим 3 075 827 рублей деньгами и облигациями, 2 810 рублей золотыми монетами, золотые и серебряные вещи на строительство самолетов «Партизан Минска», «Партизан Слуцка», «Партизан Борисова», — мой братский привет и благодарность Красной Армии».

Эта телеграмма была огромным счастьем для каждого

минчанина, рабочего, служащего, колхозника, для каждого партизана и партизанки.

Областным комитетом партии были выпущены большим тиражом листовки с текстом телеграммы. Они разошлись по Минской, Полесской, Пинской, Барановичской, Молодечненской, Могилевской областям. Сбор средств на вооружение Красной Армии развернулся затем по всей Белоруссии, десятки миллионов рублей внесли трудящиеся республики на оборону своей Родины.

В районе Слуцка мы пробыли неделю. Разбили несколько вражеских гарнизонов, разрушили почти все мосты через Случь, сожгли нефтебазу. На наш след напали крупные подразделения эсэсовцев. Вступать с ними в бой не было смысла, тем более что местность вокруг Слуцка не благоприятствовала нам. У эсэсовцев имелось тяжелое вооружение — артиллерия, минометы и танки. Пришлось отойти к Старым Дорогам и дальше к Осиповичам.

В Осиповичах большой железнодорожный узел. Если не удастся разбить фашистский гарнизон и парализовать железнодорожный узел, то уничтожим соседние станции. Парализовать немецкие коммуникации в этих местах так или иначе было необходимо. Это артерии немецкого центрального фронта.

В Осиповичском районе у нас были силы, и немалые. Здесь действовали сильные партизанские отряды под командованием очень способного человека — замечательного организатора и военного специалиста капитана Шашуры и Полонейчика, также способного партизанского командира. Отряды входили в наше соединение, но базировались на территории Могилевской области, недалеко от железнодорожного узла. Мы оказывали помощь этим отрядам. На них возлагались ответственные задачи.

Разведка донесла, что оккупанты готовили в Осиповичах ловушку и подтянули туда крупные силы. Мы изменили свой план. Решили идти скрытыми дорогами мимо Бобруйска в направлении станции Телуша, а затем повернуть на Паричи, Шатилки. Пришлось пока что ограничиться отдельными диверсиями и небольшими операциями. Всему свое время.

Шли лесами и населенными пунктами. Неподалеку от станции Телуша стали свидетелями небывалого коварства врага. К мостику на шоссейной дороге Бобруйск — Жлобин гитлеровцы согнали толпу женщин. Они стоят возле мостика, а солдат и переводчик — шагах в ста от них. Оба с дубинками. Женщины испуганно оглядываются и плачут. Мы подумали, что их угоняют на каторгу.

— Марш! — кричит переводчик и взмахивает дубинкой.

Женщины стоят.

Тогда гитлеровец медленно опускает руку на кобуру, вынимает пистолет, не спеша целится и стреляет. Пули свищут над головами, женщины с криком падают на шоссе.

— Встать! — кричит переводчик. — Марш!

Женщины осторожно делают несколько шагов по направлению к мостику, останавливаются, щупают снег ногами и идут дальше.

— Назад! — кричит переводчик, как только женщины минуют мост. — Назад!

Женщины поворачиваются и снова идут. Как только они проходят мост и ступают на шоссе, гитлеровец поворачивает их и снова гонит на мост.

Мы не могли понять, что происходит. Потом узнали.

Местные партизаны недавно подорвали минами немецкие грузовики, так это эсэсовский способ разминирования. Если мост заминирован, женщины подорвутся, а нет — их счастье!

Гитлеровцы крепко поплатились за свое преступление. Мы их всех перебили.

Ночью внезапным налетом заняли станцию Телуша, уничтожили охрану и так поработали на линии, что несколько сот метров полотна как не бывало!

В этом нам помогли железнодорожные рабочие и служащие. Они пришли с ключами, ломами, лопатами. Не прошло и часа, как стали прибывать люди из ближайших деревень. И все принялись за работу.

Какая могучая энергия появилась у людей, какая неудержимая сила! Они с такой лютой яростью рвали рельсы, словно это были живые жилы фашистского чудовища.

Что осталось бы от всего станционного оборудования, от стрелок и водокачки, если бы у людей была возможность поработать до рассвета?

Возможно, эти же люди сами прокладывали здесь дорогу для блага своей Родины. Теперь для блага Родины они разрушают ее. Разрушают без сожаления, без раздумья. Они знают, что построят новую дорогу после победы. И уж такую дорогу, которая не будет знать войны, которая будет служить только делу мира, мирному труду.

Недалеко от станции в бывшей машинно-тракторной мастерской оккупанты ремонтировали танки. Мастерская охранялась гестаповцами. Партизаны окружили мастерскую и уничтожили гитлеровцев, сожгли все танки и поломали оборудование.

Свой рейд мы закончили в апреле сорок второго года. Прошли еще через Паричи, Шатилки, Азаричский район,

побывали в Копаткевичах, Петрикове и ранней весной вернулись на свои базы — в Любанский, Стародорожский, Слуцкий, Старобинский и Глусский районы.

* * *

Первый рейд по Белоруссии принес огромную пользу. Он укрепил связь с массами, поднял авторитет партизанского движения и почти удвоил количество бойцов. Мы побывали в районах, с которыми прежде поддерживали связь только через связных, и установили непосредственный контакт с подпольными райкомами, парторганизациями и группами.

Во многих районах Минской и смежных областей мы фактически стали хозяевами. Во время рейда почти все деревни этих районов очистили от гитлеровцев и полицейской нечисти. Наши отряды стали более сильными и боеспособными. Увеличилось количество тяжелого вооружения: пушек, минометов. В походах и боях закалялся и приобретал опыт наш боевой коллектив. Многие командиры и комиссары отрядов проявили себя талантливыми организаторами. Даже Николаи Петрович Розов, который до рейда еще не избавился от неправильных представлений о партизанском движении, многое понял в этом походе и действовал как настоящий патриот, смелый и боевой командир.

Партизанское движение на Минщине приобрело массовый, всенародный характер. Силы наши росли, появлялись новые отряды. Еще до нашего возвращения на базы в Глусском районе, кроме отряда Храпко, начал действовать отряд Виктора Ливенцева. В Старых Дорогах активно боролся с врагом отряд Петрушени. В Октябрьском районе успешно развернул свою деятельность Макар Бумажков, брат Тихона Бумажкова. Октябрьский район стал партизанским. В районе Пухович действовали отряды Филиппских, Тихомирова, в Бегомльском районе — Манковича, Мормулева.

Партизанский отряд Покровского за короткое время вырос почти в два раза. На вооружении отряда, кроме винтовок, было пять станковых и семьдесят ручных пулеметов, много автоматов, два батальонных миномета. Партизанские диверсионные группы подрывали эшелоны с танками и живой силой противника, уничтожали гитлеровские обозы.

С каждым днем все страшнее становилось гитлеровским гарнизонам в Руденске и Пуховичах, Червене и Узде. Большая часть территории этих районов находилась под контролем

партизан. Грабительские экспедиции оккупантов в отдаленные сельсоветы заканчивались полным разгромом.

Гитлеровское командование, встревоженное массовым партизанским движением, направило против отряда «Беларусь» крупное подразделение регулярных войск. Отряд базировался в лесу, недалеко от деревни Клинок Червенского района. Заняв окружающие деревни — Турец, Клинок, Иваничи, Волму, Рудню, Хочин, Турин и Лужицу, эсэсовцы замкнули партизан в кольцо. Несмотря на большой перевес сил, гитлеровцы все же не решились войти в лес и начали артиллерийскую подготовку. Вражеская батарея стояла на пригорке возле, кладбища деревни Клинок. Снаряды со злобным шипением пролетали над головами партизан, занявших оборону на краю леса. Они разрывались в лесной чаще, там, где, по расчетам гитлеровцев, находились основные силы отряда. После полудня эсэсовцы двинулись в атаку.

— Подпускайте как можно ближе! — приказал Николай Прокофьевич.

Черная вражья лава, беспорядочно паля из винтовок и автоматов, грозно подкатывалась к замаскированным партизанским окопам и завалам. Некоторые бойцы нетерпеливо и тревожно поглядывали на командира.

— Начинать огонь только по сигналу! — уже и сам начиная волноваться, еще раз предупреждает Николай Прокофьевич.

Пятьсот метров… триста… двести… Фашисты поднялись во весь рост. Длинные, мышиного цвета шинели зловеще приближаются к первой линии обороны партизан. Сто метров…

— Огонь! — кричит Покровский.

Прицельный огонь с близкой дистанции ошеломил эсэсовцев. С диким ревом они ринулись назад, устилая опушку леса трупами.

Партизаны ожидали, что гитлеровцы снова начнут артиллерийскую стрельбу. Но вражеская батарея молчала и фашистское командование, видимо, вырабатывало какой-то новый план.

Утром в воздухе появились бомбардировщики. Услышав характерный вой «юнкерсов», Николай Прокофьевич приказал поджечь заранее приготовленные кучи хвороста. Чернокрылые стервятники мчались прямо на лесной дым. Пронзительно засвистели бомбы, и над столетними соснами и елками взлетали огненные столбы. С утра до вечера гитлеровцы обрушивали на костры тяжелые фугасные бомбы. На заходе солнца, когда прекратился вой самолетов, партизаны пошли взглянуть на место, где они утром зажгли костры. Леса там уже не было. Сотни

вековых деревьев лежали вывернутые с корнями, земля чернела от огромных воронок…

Рано утром гитлеровцы снова пошли в атаку. Они, очевидно, считали, что после такой сильной бомбардировки в лесу мало кто уцелел. Партизаны снова подпустили на близкое расстояние эсэсовцев и начали расстреливать их, как и в первый день.

Три раза в этот день бросались фашисты на партизанскую линию обороны и три раза откатывались, оставляя на поле боя сотни убитых и раненых. Разведка сообщила Николаю Прокофьевичу, что со стороны Пухович и Минска подходят свежие вражеские подкрепления. Чтобы сохранить отряд, надо было выходить из окружения.

Ночью отряд, нащупав слабое место в обороне гитлеровцев, двинулся на прорыв. Железная лавина народных мстителей неожиданным и стремительным ударом смяла эсэсовские цепи и вырвалась из блокады.

Триста восемь вражеских солдат и офицеров убиты в бою у Клинка. Чтобы скрыть от местного населения и партизан тяжелые потери, оккупанты похоронили трупы в разных местах. Но уже на другой день командование отряда «Беларусь» точно знало о количестве убитых эсэсовцев.

Соединение партизанских отрядов Минской области представляло грозную силу, с которой оккупанты вынуждены были считаться. В апреле сорок второго года они отозвали с фронта довольно крупные регулярные части и бросили против нас дивизию эсэсовцев с танками и артиллерией.

Разведка доносила, что противник готовится нанести главный удар по юго-восточным районам области. Там находились основные силы минских партизан. Командиры отрядов получили приказ выслать сильные ударные группы навстречу гитлеровцам. Партизаны должны были деморализовать фашистские войска, отрезать части противника друг от друга. Все подходы к нашим основным позициям заминированы. Когда ударные группы начали действовать в тылу противника, захватывать обозы и боеприпасы, гитлеровцы частенько поворачивали назад, не выполнив своих планов.

Партизанские отряды заняли оборону. Утром 14 апреля над стародорожскими и любанскими лесами появились два вражеских разведывательных самолета. Порыскали полчаса и исчезли. Всем было понятно: скоро начнется штурм. Не прошло и часа, как больше десятка бомбардировщиков налетело на наши базовые деревни и лес, где размещались партизаны.

В Любанском лесу с правого фланга окопались отряды Долидовича и Гуляева, в центре — Розов. Отряды Патрина,

Столярова, Меркуля, Пакуша и Плышевского находились в резерве. Наши оборонительные позиции выбраны умело, хорошо замаскированы, и почти все бомбы рвались вдали от них. Вслед за бомбежкой противник открыл огонь из пушек и минометов. Он бил по Загалью, островам среди болота и по ближнему лесу. С юга, с запада и с севера показались танки, а с ними три батальона отборной пехоты.

Отрядам приказано не стрелять и ничем не выявлять себя. В бой вступили только ударные группы. Они заходили противнику с фланга или с тыла, наносили внезапный удар и стремительно отходили на новые позиции. Это вносило панику во вражеские ряды, отрывало пехоту от танков. А без танка гитлеровец не вояка.

Мы ждали с минуты на минуту — танки должны взорваться на наших минах, так как обойти их нельзя: кругом болота. Кроме того, в засадах сидели партизаны, вооруженные связками гранат и бутылками с горючей жидкостью.

В штабе появился посыльный от Долидовича. Командир просил позволить ему выслать дополнительную группу истребителей танков, и в это время на левом фланге врага раздалось сразу несколько взрывов. Такие же взрывы эхом повторились на правом фланге и в центре. Розов готов был кричать от радости: это его минеры устроили заграждение фашистским танкам.

Эсэсовское командование, видя, что с бронированной техникой здесь не пройти, остановило танковую атаку и усилило огонь артиллерии. Пехота наступала теперь без танков. Гитлеровцы ринулись в атаку почти во весь рост. Артиллерия перенесла свой огонь в глубь леса. Вот уж совсем близко вражеские подразделения, вот они уже видны партизанам из укрытий.

— Не стрелять! — передается команда по линии обороны.

Вот гитлеровцы уже в трехстах метрах от партизанских укрытий.

— Не стрелять! — передается команда.

И когда оккупанты подошли метров на сто пятьдесят — двести, партизаны открыли ураганный огонь. Долидович так ударил по левому флангу, что добрая треть эсэсовского батальона была уничтожена. Уцелевшие гитлеровцы повернули назад, начали отползать, но тут их встретила ударная группа, которая зашла им в тыл.

Розов, ударив противнику прямо в лоб, не выдержал и поднял отряд в контратаку. Его поддержали другие отряды. Много оккупантов было загнано в болото и там уничтожено, остальные

откатились.

Эсэсовцы снова пустили в ход авиацию, начался бешеный артиллерийский обстрел. Собрав новые силы, противник опять пошел в атаку — и снова был отбит. Снова пошел — опять был отбит. И так до вечера: девять раз эсэсовцы атаковывали наше соединение, и все девять атак захлебнулись. Под вечер мы ввели в бой свои резервы, пустили в ход артиллерию и перешли в контрнаступление по всей линии.

Семь дней шел тяжелый, кровопролитный бой. И мы победили!

Вражескую дивизию сначала оттеснили в Октябрьский район, потом заперли между деревнями Барбарова — Катки — Хоромцы — Яминск — Пруссы и там ее разбили.

Партизанское движение разрасталось невиданно быстрыми темпами. Это требовало от подпольного обкома еще большей оперативности в руководстве. Для организации широких народных масс и активизации борьбы с захватчиками мы использовали все средства. Очень много внимания уделяли подпольной печати: выпуску газет, листовок и работе радио. Масштабы этой работы значительно расширились, методы усовершенствовались. Во многих районах начали выходить регулярно подпольные печатные газеты.

Мы брали под свой контроль и влияние все новые и новые районы, все новые и новые отряды вливались в наше соединение. В помощь местным партийным организациям отправили в Минск, Бобруйск, Борисов, Слуцк, Бегомль, Логойск и Заславль специальные обкомовские группы во главе с членами обкома. Одну из таких групп, направленную в Минск, возглавили Машков и Лященя.

XX

Вернувшись из рейда, мы решили узнать, как живут и работают партийные и комсомольские подпольные организации и партизанские отряды, остававшиеся на местах.

Надо встретиться с руководителями и командирами, поговорить и вместе обсудить планы на будущее.

Вскоре мы увиделись с Луферовым, Патриным, Храпко, Столяровым, Павловским, Жигарем, Бумажковым. В отрядах Патрина и Столярова все в порядке, только рост отрядов оказался весьма незначительным. Это настораживало и беспокоило: видно, с политической работой среди населения здесь обстояло не все благополучно. Отряд Храпко пополнился за счет населения Глусского района. Однако вовлечение новых людей проводилось с оглядкой: люди просятся в партизанский отряд, а у них требуют оружие — винтовки или автоматы, хоть это оружие добывалось в упорной борьбе с врагом, а не росло на грядках. Несмотря на указания ЦК КП(б)Б, отдельные командиры и политработники неправильно понимали значение всенародного партизанского движения. Областной комитет партии вынужден был еще раз детально и всесторонне рассмотреть вопросы, связанные с развертыванием всенародной партизанской борьбы.

На второй день после нашего возвращения в штаб пришел Адам Майстренко. Я выслушал его доклад о работе комсомольского подполья и с тревогой ждал, что он скажет о Фене Кононовой, подтвердит ли сведения, полученные штабом во время рейда. Майстренко рассказал об активной работе комсомольской организаций отряда Храпко. Он назвал отличившихся комсомольцев, в частности Николая Татура, который проявил себя во многих боях и оказался хорошим комсомольским организатором. Подробно рассказал о деятельности комсомольцев-подпольщиков в Баяничах, Редковичах, Живуни, Загалье, Озерном, а о Нижине ни слова. Между тем в своих прежних докладах он всегда начинал с ведущей нижинской комсомольской организации. Я не выдержал и спросил:

— А как же твои нижинцы? Как Феня?

Майстренко опустил глаза, лицо потемнело.

— Не сберегли мы Феню, — проговорил он, наконец, глухим голосом.

Видно, ему не легко было говорить о Фене. Майстренко понимал, что именно с нее и надо было ему начинать свой доклад, но не решался произнести горькие слова, не

поворачивался язык, пересыхало в горле. Это была величайшая утрата для комсомольцев минского подполья. Враг нанес нам большой удар.

— Нижинская комсомольская организация, — продолжал Майстренко, — и до сих пор в глубоком трауре, хоть работы своей не ослабляет. Подпольщиков там стало больше, но Фени нет, не уберегли. Да, не уберегли… Мне и говорить тяжело…

Спустя несколько минут он рассказал все подробно.

Больше месяца тому назад Феню послали на задание. Возвращаясь в лагерь, она наткнулась на крупную засаду эсэсовцев, и девушку схватили. По приметам узнали, что это Кононова, и повели в Нижин. Сосновский комендант и кузьмичская полиция рассчитывали взять реванш за свои неудачи в Нижине и «ответить делом» на ежедневные упреки своего начальника. Плюгавый бургомистр Дубик предвкушал будущую славу. Он уже видел себя с немецким крестом на груди и старательно обдумывал, какой бы неслыханный допрос учинить нижинской учительнице. В Кузьмичах и в окружающих деревнях тогда уже не было гестаповцев, и Дубик чувствовал себя полноправным хозяином. Этот выродок решил провести допрос Кононовой в ее родной деревне, на глазах односельчан. Ему очень хотелось отличиться перед оккупантами. Дубик рассчитывал, что через Кононову ему удастся раскрыть всю нижинскую подпольную организацию и тогда можно будет написать рапорт в Бобруйск — самому окружному фюреру. Пусть и там знают, кто такой Дубик, кузьмичский бургомистр!

До Нижина Кононову вели трое эсэсовцев и девять вооруженных полицейских. Они связали девушке руки и все-таки боялись, что Кононова может как-нибудь перехитрить их и убежать. За последние месяцы слухи о смелой и решительной комсомолке распространились по всей Минщине и Полесью.

— Ну, теперь все! — оскалив зубы, говорил Дубик. — Насмеялась ты над нашими панами, многим досадила… Теперь все скажешь! Нажмем, так родного отца выдашь.

— Пес ты бешеный, изменник Родины! — крикнула в ответ Феня. — И откуда ты взялся, подлюга такой, паршивец? Как тебя земля носит, выродка?

Дубик перенимал все приемы гестаповцев. Те обычно сгоняли нижинцев на площадь, и он сделал так же. Когда людей пригнали, он объявил:

— Сейчас здесь будут названы фамилии всех, кто связан с партизанами. Сами не хотите говорить — скажут другие.

Из толпы послышались гневные возгласы:

— Предатель, гадина, прочь от нас!

Приказав вывести на площадь Феню, Дубик развязал ей руки, снял с головы платок.

— Показывай, кто здесь бандит! — крикнул он. — Всех укажешь — живой останешься!

— Вот он, — спокойно сказала Феня и показала на Дубика.

— Ну, ты не упирайся! — закричал Дубик и изо всей силы дернул девушку за косу.

— Отойди, подлюга! — посоветовал Дубику кто-то из толпы.

— Она не пожалеет вас, как некоторые ее жалеют, — обозлился бургомистр. — Здесь у вас не один десяток таких, — он указал пальцем на девушку, — и вся деревня на подозрении у представителей немецкой власти на местах. — Дубик ткнул пальцем себя в грудь. — Не доверяйте этой партизанке, помогите нам. Немецкая власть на местах, — он снова показал на себя, — учтет ваши заслуги.

Над головой бургомистра просвистел камень и врезался в переносицу полицая, стоявшего с винтовкой возле Фени. Он схватился руками за лицо. Дубик растерялся. Феня быстро нагнулась и тем же камнем стукнула бургомистра по лицу. «Власть на местах» повалилась. Полицаи сбили Феню с ног. Полетели еще камни, полицаи начали стрелять, люди разбежались.

Дубик с разбитой физиономией поспешил под защиту кузьминского гарнизона. Вслед за ним отряд полицаев повел Феню, которой снова связали руки. Она держалась гордо, как и подобает мужественным советским людям.

Через два дня Дубик снова появился в Нижине. Лицо у бургомистра опухшее и перевязанное бинтами. С ним — конный отряд полицаев, человек двадцать. Приехали показать свою силу и отомстить за недавний позор. Ничего не добившись от Фени в Кузьмичах, Дубик снова привез ее в Нижин. Девушка сидела на подводе измученная, еле живая.

— Теперь-то ты заговоришь! — шипел разъяренный полицай.

Он приказал согнать к Ореcсе нижинских девушек и пригрозил Фене:

— Не назовешь подпольщиков, каждую десятую расстреляю. Так и знай!

Кононова поняла, что приближается самый трудный и ответственный момент в ее жизни. Надо сейчас же что-то придумать: девушки, подруги дорогие, должны жить! Они будут жить и продолжать борьбу с немецкими фашистами, увидят победу и ясное солнце мира над землей!

Феня взглянула на подруг: они стояли плотной кучкой, жались друг к другу, с доверием и горячим сочувствием смотрели

на Феню.

«Родные вы мои, — светилось в глазах Фени, — вижу, что верите мне и теперь, верите, жалеете и надеетесь… Надейтесь, девушки, не подведу! За Родину, за нашу партию не пожалею жизни!»

Феня сделала вид, будто не слышала, что сказал фашистский прислужник. Дубик подошел к саням, ударил ее по голове и повторил свои угрозы. Феня подняла на него опухшее от перенесенных мучений лицо и снова бессильно опустила голову. Это был единственный метод борьбы, который она могла применить. Она решила не реагировать на пытки, не стонать и не вымолвить ни слова. Пусть фашистские выродки думают, что она не может говорить от страшной слабости, оттого, что полицаи «перестарались» во время допроса.

— Признавайся! — кричал Дубик и все бил девушку кулаком по голове. — Признавайся!

Феня молчала.

— Видите, дуры, — повернулся полицай к девушкам, — ей не дорога ваша жизнь, она даже и слушать не хочет. Одну какую-нибудь покрывает, а вас всех на смерть ведет.

— Губители! — крикнула одна из девушек. — Людоеды, вы ее замучили, а теперь неживую говорить заставляете!..

К девушке подошел здоровенный, взлохмаченный полицай, замахнулся кулачищем, потом передумал и ударил прикладом.

Дубик размахивал руками и кричал:

— У нас и мертвые заговорят! Мы ей развяжем язык! Снимите ее с воза, поставьте!

Полицаи подхватили Феню под руки, подняли и поставили на мерзлую землю. Девушки заплакали, подались вперед. Феня была босая, ноги посинели и опухли от побоев. Она напрягала последние силы, стояла и шаталась, но не выдержала и упала. Полицаи подняли ее.

— Развязать? — спросил один из них Дубика.

— Нет! — замахал руками бургомистр. — Вырывайте ей волосы. Держите и вырывайте!..

Девушки кинулись к Фене, сбили с ног полицая. Феня мужественно переносила пытки. И уже слабеющим голосом сказала:

— Бывайте, девочки мои дорогие! Да здравствует наша Советская Родина!

Когда она потеряла сознание, Дубик приказал бросить ее в ледяную воду Ореccы…

Так погибла Феня Кононова, пламенная патриотка Родины, стойкая волей и духом комсомолка. Как ее ни пытали, она не

сказала ни одного слова, которое мог бы использовать враг, не проявила слабости, не нарушила присяги, данной ею три вступлении в подпольную организацию.

Штаб Минского соединения перед боем.

Новое пополнение партизан.

Это сообщение Майстренко поразило всех нас до глубины души. Мы видели немало зверств гитлеровских людоедов и их пособников, но такого еще не встречали. Нас восхищало мужество

комсомолки, ее неодолимая воля к победе над врагом. Мы рекомендовали подпольному обкому комсомола всюду обсудить нижинские события и на удар врага ответить крепким ударом. Комсомольцы должны отомстить за смерть Фени!

Через несколько дней после героической смерти Фени Кононовой кузьмичский гарнизон был разгромлен Майстренко с двумя боевыми группами отрядов Патрина и Столярова ночью внезапно налетел на фашистско-полицейское логово. Изменники Родины, подлые псы-полицаи и их хозяева фашисты были уничтожены.

XXI

В партизанской войне служба связи имеет исключительно важное значение. Перед уходом в подполье нам говорили в ЦК КП(б)Б: «От хорошо налаженной связи будет зависеть многое. За организацию этого дела надо браться с первых же дней борьбы с врагам».

Мы так и поступили. Службу связи установили почти в каждом районе области. До мая 1942 года через специальных партизанских связных и местных надежных людей мы были связаны с каждым заводом, фабрикой, кварталом города и с каждой деревней.

Связь была самым тщательным образом законспирирована. Тут, как и во всей нашей работе, помог богатейший опыт конспирации и организации подпольной связи большевистской партии в дореволюционный период. У нас свои явочные пункты и квартиры, «почтовые ящики» в дуплах старых деревьев и «почтовые работники». На случай провала первой линии связи создали две, а то и три параллельные линии. Если случался провал на одной линии, выручала другая, третья.

В первые месяцы партизанской борьбы главным средством связи с советским тылом были наши боевые испытанные подпольщики. Мы поручали им передачу очень важных донесений и всегда были уверены, что они не попадут в руки врага. Провал группы связи мог повлечь за собой тяжелые потери, хотя это и не было бы провалом всей организации. Следует сказать, что за весь период подполья по линии связи крупных провалов у нас не было.

Группы связи посылались через линию фронта, в Москву — в ЦК КП(б)Б и штаб партизанского движения. Первую группу, как известно, возглавлял наш боевой партизан Степан Петрович.

Служба связи хорошо послужила нам, сыграла очень важную роль в первые месяцы партийного подполья и организации партизанского движения в Белоруссии. Но с каждым днем все более широким и могучим становилось партизанское движение. Изменялись условия борьбы, возникали новые сложные задачи. Нам стало тесно в рамках нашей первоначальной нелегальной связи, она уже отставала от наших потребностей, тормозила движение вперед. Назревала необходимость широкого использования технической связи. С первых месяцев 1942 года мы упорно добивались этого. В начале мая мы получили рацию. Белорусский штаб партизанского движения стремился к тому, чтобы в каждой области, в каждом партизанском соединении и даже в бригадах, а позже и в отрядах были свои рации. Это

помогало поддерживать непосредственную связь с нашими фронтами и отдельными армиями, координировать действия, регулярно сноситься с Москвой, Центральным штабом партизанского движения и ЦК КП(б)Б. Позже мы узнали, что Центральный Комитет КП(б)Б наши донесения получал и пытался установить с нами непосредственную связь. Однако посланные к нам люди по тем или иным причинам не доходили и оставались работать в партизанских отрядах других областей республики.

Наконец, к нашей общей радости, одна группа достигла цели. Связисты опустились на парашютах в партизанской зоне, неподалеку от деревень Убибачки и Кузьмичи Любанского района. Два дня люди блуждали по лесу и, наконец, наткнулись на наши заставы.

В это время мы выполнили план одной операции и шли в направлении Старые Дороги — Осиповичи. Отряды остановились на привал возле деревни Озерное, а штаб — у деревни Бариков. В штаб прискакали трое верховых и доложили, что возле деревни Убибачки задержаны двое неизвестных людей с пакетом на мое имя. Люди одеты в немецкую форму, вооружены немецкими пистолетами. Они проговорились, что где-то в лесу их ожидает еще один человек. Когда задержанные убедились, что перед ними партизаны, то заговорили смелей.

Я взял с собой группу конников, сел в тачанку и поехал в деревню Убибачки. Путь не близкий — по прямой дороге около сорока километров, а объездами так и того больше. На место прибыл уже утром. Задержанные оказались людьми, мне известными. Один — бывший председатель Узденского райисполкома Жариков, а другой — бывший директор средней школы Старобинского района Скалабан.

Когда встал вопрос о непосредственной технической связи с Минским подпольным обкомом и партизанским соединением, товарищ Пономаренко приказал подобрать десантную группу из людей, которые знали меня, хорошо ориентировались в местности и могли бы пользоваться доверием населения.

Это дело было поручено товарищу Авхимовичу, который был тогда секретарем ЦК КП(б)Б по кадрам. Позднее он сам побывал в Минском, Полесском, Пинском и Гомельском подпольных обкомах, оказал большую помощь в подборе руководящих партийных кадров и своей деятельностью способствовал развертыванию всенародной партизанской войны.

Занимаясь подбором десантной группы, товарищ Авхимович вспомнил о Скалабане, который в то время работал в Москве. Он вызвал его в ЦК, и Скалабан согласился лететь на Минщину. Когда стали думать о втором человеке, Скалабан рекомендовал

Степана Жарикова, с которым он познакомился в Москве. Во время одной из встреч Жариков рассказывал ему, что знает меня, хотел бы пробраться ко мне и вместе воевать.

Это были знакомые мне люди. Но суровое время требовало бдительности. Я не знал, как они вели себя во время войны, и был осторожен с ними. Они радостно бросились обнимать меня, а я поздоровался сдержанно и даже холодно, никак не мог преодолеть чувства настороженности.

Письмо от секретаря Центрального Комитета КП(б)Б мы внимательно прочитали. Хотелось бы порадоваться и порадовать других, но мы не могли сразу, без должной проверки признать подлинность письма. Кто знает, Пономаренко писал его или нет? Гестапо придумывало различные провокации. Мы уже получали письма с подписью секретаря ЦК КП(б)Б. Один раз мы получили письмо, адресованное всем партизанам Белоруссии, с просьбой оказывать всяческую помощь работнику разведотдела Красной Армии. С этим письмом, якобы подписанным начальником отдела генштаба Красной Армии Кузнецовым, к нам пытались пробраться гитлеровские шпионы. Все провокационные письма, сфабрикованные гестаповцами были нами разоблачены.

Вскоре привели третьего человека. Это был парнишка с открытым, немного наивным лицом, с живыми, веселыми глазами. Звали его Володей, фамилия — Февралев. Он родом из станицы Цимлянской Ростовской области и попал в группу после окончания курсов радистов в Москве.

Всех троих мы допустили к работе, только на всякий случай Бондарь установил за ними наблюдение. Время покажет: будут хорошо, честно работать, значит люди свои, будет им тогда доверие и уважение, а начнут хитрить, пусть тогда пеняют на себя.

Я составил радиограмму для передачи в Москву, в Центральный Комитет КП(б)Б и штаб партизанского движения. Радисты передали. На другой день получаю ответ: «Рады, что связались, поздравляем, желаем успехов…»

«Что ж, — думаю, — первая радиограмма могла быть и такой, нет ничего удивительного». Передаем еще раз и просим конкретных указаний в работе. Вскоре приходит ответ и опять: «Поздравляем, крепко жмем руку, желаем успехов».

Тут уж «мы насторожились: не может быть, чтобы из ЦК КП(б)Б послали нам две одинаковые радиограммы?! Ведь там знают, что не поздравления и добрые пожелания нам нужны, а действенная помощь в работе. Видимо, здесь попахивает провокацией.

Мы решили послать в ЦК еще одну радиограмму, в которой

поставили несколько конкретных специфических вопросов. Опять те же приветствия, поздравления и пожелания.

Что делать? Рация есть, а связи с Москвой, с Центральным Комитетом КП(б)Б как не было, так и нет. Снять радиста, поставить своего, так он не знает кода и шифра. А Жариков специально готовился для работы шифровальщика.

Вызываю его в штаб.

— Скажи, — говорю, — Степан Сергеевич, правильно ты расшифровываешь радиограммы?

— А почему вы спрашиваете? — отвечает. — Конечно, правильно.

— Почему же все три радиограммы одинаковые?

— Не знаю, — отвечает, — они не совсем одинаковые. Должно быть, там так писали, я за это не отвечаю.

Тут у меня уже не хватило терпения.

— Будешь говорить правду или нет? — крикнул я. — Говори, кто вас сюда послал?

Он заволновался, «клянется, что прибыл из Москвы, из Белорусского штаба партизанского движения. Уверяет, что расшифровка точная.

Долго я с ним разговаривал, ничего не добился и отпустил. Вечером собралось закрытое бюро обкома. Докладываю бюро, что полученные из Москвы радиограммы вызывают подозрение, что они совершенно одинаковые и не дают руководства в работе. Нельзя верить, что эти радиограммы из ЦК КП(б)Б. Можно поздравить, пожелать успехов один раз, но не может быть, чтобы это повторялось три раза подряд. Уж очень неподходящее время для любезностей! Фашисты рвутся на юг, а мы слащавые телеграммы получаем.

Долго думали, как быть. Срыв непосредственной связи с Москвой не на шутку обеспокоил членов бюро. Надо было немедленно искать выхода.

Бельский предложил вызвать на бюро Жарикова и потребовать от него объяснений. Я не возражал, но предупредил Бельского, что шифровальщик говорит не совсем искренне. Жариков пришел хмурый, растерянный. Задаем вопросы — отмалчивается или крутит головой, если сурово говорим о его вине. Ничего плохого не признает за собой, даже бесспорные факты отрицает.

Тогда я вношу предложение — отстранить от работы шифровальщика Жарикова и поручить товарищу Бондарю провести расследование. Если хоть что-нибудь из наших подозрений подтвердится, применить закон военного времени. Бюро обкома приняло это предложение.

Только теперь понял Жариков, что запираться больше нельзя. От отчаяния и глубокого волнения он чуть не заплакал, а потом признался, что просто забыл шифр. Московские радиограммы остались нерасшифрованными.

— Разве моя голова — энциклопедия? — оправдывался Жариков. — Я не могу долго помнить такие сложные вещи. Когда заучивал, казалось, хорошо знал, а пока летел на место, все забыл, все выскочило из головы.

— Значит, эти радиограммы, которые читал нам, ты просто выдумал? — спросил я.

— Да, — отвечает, — выдумал. Я думал, что все будет хорошо.

— А Скалабан знал об этом?

— Нет, не знал.

Я приказал изолировать Жарикова, так как у нас появилось подозрение, что он предатель. Выходя из штаба, Жариков, наконец, оказал, что у радиста Февралева есть запасной, аварийный шифр. Только этот шифр не очень сложный, гитлеровцы могут разобраться в нем.

Пришлось пойти на риск. Я вызвал Володю Февралева и приказал ему передать следующую радиограмму в ЦК КП(б)Белоруссии: «Нормальную связь установить с вами не могу. Жариков забыл шифр. Полученные от вас радиограммы не расшифрованы. Прошу срочно командировать нового шифровальщика».

Но радист отказался передавать радиограмму запасным шифром.

— Это шифр аварийный, — заявил он, — им разрешается пользоваться только в самых крайних случаях — в случае аварии.

— Так у нас ведь как раз авария, — говорю ему, — у нас проваливается связь с Москвой.

— Почему проваливается? — спрашивает он. — А Жариков зачем?

— Жариков забыл шифр, он арестован за обман и провал работы.

— Не может этого быть, — не верит Февралев. — Мне приказано подчиняться только Жарикову, и я должен выполнять приказ. Пусть Жариков напишет мне, что случилось.

Пришлось принести радисту записку от Жарикова. Узнав его почерк и окончательно убедившись, что положение с радиосвязью и в самом деле угрожающее, Февралев передал радиограмму своим шифром.

В тот же день пришел ответ от товарища Пономаренко: «Радиограмму получил. Принимаю меры. 29-го будет самолет.

Ждите. Укажите место и установите наземные сигналы».

Мы указали место, и 29 мая 1942 года в двенадцать часов ночи самолет спустил на парашютах радиста и шифровальщика.

С этого времени у нас установилась регулярная радиосвязь с ЦК КП(б)Б. Немного позже нам прислали еще несколько раций и радиоузел. Мы наладили радиосвязь с соседними областями, районами, с наиболее крупными бригадами и отрядами. Каждый день ЦК получал от нас сообщения о партизанских делах, гитлеровских вооруженных силах, гарнизонах и укреплениях на территории Белоруссии.

Товарищ Скалабан хорошо показал себя на работе. Он стал комиссаром отряда и много раз участвовал в тяжелых боях. Это был человек добросовестный и способный. Мы представили его к правительственной награде, и потом по поручению Президиума Верховного Совета Союза ССР я вручил ему орден Красного Знамени.

Что же касается Жарикова, то он сначала не понимал всей серьезности и ответственности партизанской борьбы. На партизанскую деятельность смотрел, как на легкую романтику. Ему казалось, что все эти рации, шифры никому не нужное фантазерство. Кому из партизан понадобится шифр? Зачем он? Какая там может быть связь? Люди просто прячутся в лесу от гитлеровцев, и для них важно только одно: не попасть в лапы врагу.

Жариков скоро увидел свою ошибку. Это произошло после того, как мы послали его рядовым бойцом в отряд Долидовича. Воевал Жариков неплохо, заслужил доверие партизан и через некоторое время стал командиром взвода. За боевые заслуги товарищ Жариков был награжден правительством Союза ССР орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» первой степени.

Погиб Степан Жариков из-за своей беззаботности и неосторожности. Он шел из Ганцевич в штаб за оружием и боеприпасами для отряда. По дороге зашел к знакомому колхознику, отдохнул у него, угостился и пошел дальше. Вместо того чтобы пробираться незаметно, двинулся открытой дорогой и наткнулся на гестаповцев.

Я очень жалел, что человек погиб так нелепо. В этом виноват не только он, но отчасти и мы. Видимо, не сумели подойти к человеку, не помогли ему по-настоящему переломить себя. Что поделаешь? Немало приходилось переживать и страдать и за свои ошибки и за ошибки товарищей.

* * *

Другой радист, прилетевший к нам из Москвы, привез мне письмо из ЦК КП(б)Б. Оно было какое-то загадочное, и вначале я не мог понять, в чем дело. Меня спрашивали: «Когда вы в последний раз были в Москве, в ЦК ВКП(б), с кем вы имели разговор, какой документ оформляли?» Я думал, в чем дело, зачем мне задают такие вопросы? Потом понял, что это делается для проверки. Последний раз в Москве я был в 1940 году, встречался с секретарем ЦК ВКП(б) Андреевым А. А. и писал там один важный документ. Вот таким образом проверялось, тот ли это Козлов, может, кто-то другой, подосланный врагом? Всего можно было ожидать в то время.

Я послал в ЦК КП(б)Б подробный ответ: когда был в Москве, с кем встречался, о чем шел разговор и какой документ оформлял. Через несколько дней после этого пришла очень важная шифровка. Передают благодарность всему составу обкома и всем партизанам соединения. Затем извещают, что Центральный Комитет ходатайствует перед правительством Союза ССР о награждении белорусских партизан, отличившихся в боях с немецкими фашистами, орденами и медалями Советского Союза.

В этой же телеграмме было сказано, что Центральный Комитет ВКП(б) следит за борьбой белорусских партизан, все знает о их деятельности и, возможно, в ЦК будут вызваны руководители партизанского движения.

XXII

В одном из живописных уголков Любанщины, недалеко от деревни Старосек, затерялся среди лесных зарослей островок Зыслов. Река Оресса с широкими болотистыми берегами, огибает его с востока. Вокруг острова болото, и добраться до него даже в самое сухое лето не легко. Остров густо зарос орешником, высокими соснами, березами и дубами. Деревенские мальчишки и девчата, проваливаясь по пояс в трясину, ходят туда за земляникой и малиной, а ближе к осени — за орехами. На острове очень много всякой птицы: что ни дерево, то гнездо.

Едва ли обозначался на карте этот островок, а если обозначался, так маленькой, чуть заметной точкой. На этом острове Долидович разместил свои запасные базы. Мы заинтересовались этим островком, когда встал вопрос о постройке большого партизанского аэродрома. Потребность в этом назрела летом сорок второго года. Оставаться без аэродрома было уже невозможно. У нас хорошо наладилась живая связь с Большой землей, часто в партизанский край прилетали самолеты, но приземлиться им было негде. Летчики сбрасывали грузы, оружие, боеприпасы, но не всё мы находили. Грузы часто попадали в болото или лесную чащобу и не достигали своей цели.

Аэродром поможет нам встать еще ближе к Большой земле, к родной Москве. Минским партизанам да и всему белорусскому народу было известно, что Центральный Комитет партии следит за их борьбой с врагом, интересуется их жизнью и деятельностью. Это придавало людям силу и отвагу, укрепляло в тяжелой, героической борьбе.

Советский человек воспитан так, что ему трудно жить и работать, не чувствуя локтя братских народов, не имея ежедневной живой связи со своим правительством, со своей партией. Послать своего представителя в Москву — было великим счастьем и честью для каждого партизана и партизанки. Тем более что нам есть о чем рассказать. К 1 августа 1942 года только одно наше соединение объединяло около десяти тысяч партизан. Мы имели большое количество винтовок и автоматов, ручных и станковых пулеметов и около двух десятков пушек. Это были силы, с которыми можно оперировать во всех районах Минщины и Полесья и оказывать помощь партизанам других областей.

Мы установили контакт с брянскими, украинскими и польскими партизанами и оказывали им братскую помощь в борьбе с ненавистными оккупантами. Мы крепко помогали украинским партизанам, в частности бригаде Ковпака, которая

почти три месяца находилась на территории Белоруссии. Большую и активную помощь оказали белорусским партизанам москвичи и население других областей РСФСР. Так, в наше соединение прибыл отряд имени Гастелло под командой Казимира Пущина, Николая Пантелеенко и Александра Жуковского. Отряд автоматчиков сформирован почти исключительно из москвичей-комсомольцев. Затем прибыл конный отряд под командой Флегентова. Перебравшись через линию фронта, кавалеристы провели героические рейды по тылам врага.

Гастелловцам пришлось преодолевать огромные трудности еще в пути. Им надо было пройти по тылам врага полторы тысячи километров. Сколько вражеских гарнизонов встречалось на пути, сколько железнодорожных линий с охранными войсками, сколько разных водных преград! Мужественные и решительные воины чуть не на каждом шагу проявляли исключительную находчивость, инициативу, а где нужно было, пускали в ход оружие. Не имея средств переправы, гастелловцы форсировали несколько рек. Где вброд, где вплавь, а где на плотах, сделанных на скорую руку, они переправлялись сами и переправляли воинское имущество. Не раз приходилось переправляться под фашистскими пулями, не раз принимали бой на берегу. Около десятка периферийных гарнизонов и немало вражеских застав было уничтожено гастелловцами за время их необычайного перехода.

Прибыв в минское соединение, отряд включился в боевые дела. Штаб соединения поручил гастелловцам совершить налет на фашистский эшелон на участке Житковичи — Копцевичи. Подрывную группу в составе Василия Шутова, Галины Кировой, Григория Токуева и Льва Гинзбурга возглавил Казимир Пущин. Операция проводилась днем. С обеих сторон железнодорожного полотна гастелловцы выставили наблюдателей, по своей неопытности они не сразу заметили подошедший немецкий патруль. В самый разгар работы подрывников немецкие охранники подняли тревогу. Из вражеского эшелона, который в это время подошел, высыпали гитлеровцы. Завязался тяжелый, неравный бой. Гастелловцы прикрыли подрывников огнем, им удалось сползти в кювет, а дальше нельзя было двинуться ни на один шаг, так как шквальный вражеский огонь преграждал дорогу. Только стойкость и подлинный героизм партизан спасли положение. Мощным и дружным огнем гастелловцы принудили гитлеровцев отхлынуть и залечь. Подрывники, использовав этот момент, выскочили из кювета, отползли в ближайший кустарник и стали сражаться вместе со своими товарищами.

Вскоре отряд отступил, но гитлеровцы понесли большие потери. В результате налета на значительное время был задержан эшелон и нарушен график движения, много фашистских вояк легло на поле боя.

Следующая операция на участке железнодорожной линии Копцевичи — Старушки прошла с большим успехом. Здесь был подорван эшелон с крупным отрядом войск СС во главе с генералом и офицерами. Прекрасно маскируясь, гастелловцы-подрывники подползли к линии и подложили под рельсы двенадцать килограммов толу. Взрывом был поврежден паровоз, а большинство вагонов разбито. От трех классных вагонов, в которых ехал немецкий командный состав, остались только обломки. Более ста пятидесяти оккупантов было, уничтожено могучим взрывом и огнем гастелловцев.

В этой операции особенно отличились подрывники: Галина Кирова, Нина Макарова, Василий Шутов, Борис Миндлин, Александр Цвирко и партизанка Рима Шершнева. Геройской смертью погиб в бою автоматчик Александр Ильичев.

Гастелловцы под командой Казимира Пущина сыграли огромную роль в рельсовой войне. За время боевых действий в тылу врага этим отрядом, а потом бригадой имени Брагина, в состав которой входили гастелловцы, было разгромлено шесть крупных немецких гарнизонов, подорвано тридцать девять военных эшелонов, уничтожено около четырех тысяч гитлеровцев.

Московские комсомольцы следили за своими посланцами, держали с ними связь и после разгрома немцев под Сталинградом прислали своим друзьям следующее письмо:

> «Партизанам-москвичам отряда имени Гастелло от комсомольцев и молодежи Москвы и Московской области.
>
> Дорогие друзья!
>
> Мы шлем вам это письмо и свои скромные подарки в те дни, когда вся наша страна, весь наш народ готовится достойно встретить славную годовщину героической Красной Армии.
>
> Блестящей победой наших войск закончилась битва за Сталинград, битва, которая не имеет равных в истории войн.
>
> Сталинград и подступы к нему стали огромным кладбищем живой силы и техники германской армии.
>
> И пусть знают немецкие бандиты, что им недолго осталось жить на советской земле. Судьба гитлеровских армий под Сталинградом — грозное предостережение

врагу. Пусть помнит проклятая немчура, что всех их ждет смерть или плен.

В суровой и напряженной обстановке проходит наша борьба против фашистских разбойников за честь, свободу и независимость нашей Родины.

Мы внимательно следим за вашими боевыми делами в тылу врага, гордимся вашей стойкостью, мужеством, упорством, умением беспощадно уничтожать немецко-фашистских негодяев.

Имя Саши Ильичева, который геройски погиб в борьбе с врагами, будет вечно жить в наших сердцах. На подвигах Саши и многих других героев-партизан мы будем воспитывать комсомольцев и молодежь в духе самоотверженной любви к своей Родине и лютой ненависти к врагу.

Уверены, что воспитанники московской организации и впредь будут по-геройски сражаться с озверелым врагом, целиком оправдают доверие комсомола.

Мы заверяем вас, что юноши и девушки, работающие в тылу, будут еще более упорно и самоотверженно трудиться для скорейшей победы над врагом, с честью выполнят обязательства, взятые в честь 25-й годовщины Красной Армии.

Комсомольцы и молодежь будут работать так, чтоб наша доблестная Красная Армия, Красный Флот, партизаны имели вооружения, боеприпасов, питания столько, сколько потребуется для полного разгрома и уничтожения немецко-фашистских выродков.

Выполняя задание, убивая немцев, уничтожая технику врага, помните, что москвичи самоотверженно работают у станков, в колхозах и совхозах, куют вместе с вами победу над заклятым врагом — немецким фашизмом.

Вдохновленные патриотическим почином тамбовских колхозников, комсомольцы и молодежь Московской области собрали на строительство танковой колонны «Московский колхозник» 25 миллионов рублей. Теперь танки «Московский колхозник» беспощадно бьют врага.

Товарищ Сталин от имени ЦК ВКП(б) поблагодарил московский комсомол за заботу о Красной Армии, и мы боевыми делами ответим на эту благодарность.

Дорогие товарищи партизаны и партизанки! Не давайте врагу ни минуты покоя, срывайте все его планы,

пускайте под откос немецкие эшелоны с войсками и грузами, бейте, уничтожайте, душите гитлеровских собак, боритесь за скорейшее освобождение нашей священной земли от поганой немчуры.

Стремительней натиск, народные мстители!
Вперед, к победе над ненавистным врагом!
Смерть немецким оккупантам!»

До половины лета 1942 года отрядами нашего соединения были уничтожены тысячи фашистских солдат и офицеров, много гитлеровских вояк было ранено. Мы пустили под откос три вражеских бронепоезда, пятьдесят восемь эшелонов с живой силой и техникой, разрушили пятнадцать железнодорожных мостов, восемьдесят шоссейных, разбили сто сорок семь автомашин, разгромили сто двадцать немецко-полицейских гарнизонов и участков, сожгли тридцать нефтебаз, нарушили работу двадцати смолокуренных заводов.

Были у нас достижения в партийно-организационной и пропагандистской работе. В соединении и в районах насчитывалось семьдесят четыре парторганизации, которые объединяли около двух тысяч коммунистов; работало девяносто шесть комсомольских организаций. В них насчитывалось больше трех тысяч человек. Во многих районах выходили печатные подпольные газеты. Позднее в типографиях Минского подпольного обкома партии наладили регулярный выпуск центральных газет «Звязда» и «Чырвоная змена».

Помню, в начале августа мы пошли осматривать островок Зыслов. С нами пошел летчик Павел Симов, который появился в лагере после ранения. Перед этим несколько дней лил дождь. Вода на болоте поднялась, пройти трудно, но у Гальчени везде были свои тропинки. Выйдя из деревни Старосек, Герасим Маркович покружил по зарослям и быстро выбрал тропинку, по которой можно было идти смело.

Он шел впереди, а мы за ним. Зеленый островок находился в центре наших основных баз и был незаметен для оккупантов. Найдется ли здесь подходящее место для будущего аэродрома — это беспокоило нас всю дорогу. Если найдется, то сразу же приступим к работе.

Гальченя на острове также шел впереди, шел уверенно, видно, хорошо знал, куда ведет. Не было такого уголка на Любанщине, которого бы Герасим Маркович не знал. Под ногами шелестела густая трава. В некоторых местах она была выше колена и обдавала нас росой, хотя солнце было уже высоко. В чаще пахло болотной сыростью, местами трудно было пролезть:

орешник, переплетаясь с березняком, стоял живой стеной, ветки лезли в глаза.

Пройдя около двух с половиной километров, Гальченя остановился, глянул на солнце и повернул вправо. Через несколько минут он вывел нас на просторную полянку и удовлетворенно сказал:

— Вот вам и аэродром. Подчистить немного, траву скосить, и считай, что готов.

Симов не удержался от смеха.

— Двухмоторный сядет — всю площадку накроет, а хвост вон на том дубе повиснет, — добродушно пошутил он.

Гальченя недоверчиво покачал головой, однако, посмотрев на столетний дуб, который возвышался на краю поляны, смутился:

— Дуб действительно будет мешать, — согласился он, — придется его выкорчевать, а площадка здесь хорошая. Ты разве не садился на таких?

— Садиться-то садился, только на других марках. Вот когда меня недавно подбили, я сел в кусты, да только подняться уж не смог.

— Сядешь и здесь, — сказал Герасим Маркович. — Сядешь и взлетишь!

— Для того чтобы взлететь на транспортном самолете, — терпеливо объяснил Симов, — нужно самое малое пять-шесть таких площадок сложить в одну. Да землю утрамбовать, вымостить камнем.

Площадка была мала для тяжелых самолетов, это ясно было и нам, но мы были очень довольны, что удалось найти на острове хотя бы такую полянку. Будто сама природа позаботилась о нас. Оставалось посмотреть, можно ли ее расширить.

— Сколько, вы думаете, тут метров? — спросил Симов Герасима Марковича.

Вместо ответа Гальченя пошел к восточной стороне полянки и оттуда начал мерять ее широкими, быстрыми шагами: «Раз, два, три, четыре…» Нам было слышно, как он, досчитав до сотни, начинал снова: «Раз, два, три, четыре…» Ноги его неслышно ступали по мягкой, пересыпанной куреслепом траве, и следы от лаптей исчезали — трава снова поднималась.

Мы шли за Гальченей.

— Метров четыреста! — громко сказал он, дойдя до конца площадки. — Но ее можно еще расширить.

Потом начал мерять Симов. Он делал шаги примерно такие же, как и Гальченя, старался перешагивать через кочки и пни, чтобы идти по прямой. Скоро летчик исчез в зарослях, и только по его голосу и треску сухих сучьев мы определяли, где он.

— Тысяча пятьсот, — услыхали мы, наконец, последний счет Симова. — Идите сюда!

Гальченя удивился:

— Разве мы эскадрильи тут будем принимать?

— Возможно, что и так!

Мы прошлись по отмеренной Симовым территории: длина около полутора километров, ширина — около километра. Почва хорошая: кое-где болотника — ее нетрудно засыпать, местами холмики — можно срезать. Хуже всего раскорчевка. Часть площади густо заросла орешником, встречались толстые сосны, березы. Выкорчевывать все это не так-то просто, но другого выхода не было.

— Будет здесь работки!.. — со вздохом заметил Долидович.

Тревога его была понятна. Для того чтобы быстро оборудовать площадку, нужно бросить сюда значительные силы, а где их возьмешь? Оккупанты наводнили районы эсэсовцами и делали попытки в опорных пунктах создать свои гарнизоны. Наши отряды беспрерывно вели боевые действия, и снять их было нельзя.

Я окинул взглядом большую, пока что еще не очень отчетливо очерченную площадь и сказал:

— Если взять людей из деревень, поговорить с ними и объяснить, что это дело очень важное, они все нам сделают.

Подошел Симов.

— Приходилось вам иметь дело с таким строительством? — спросил я его.

— Приходилось, — ответил летчик.

— Дадим вам рабочих, тягловую силу, лопаты, топоры и дадим полтора-два месяца. Справитесь?

— Нет, не справлюсь!

— Что вам еще надо? — спросил я.

— Кроме людей, мне надо еще около тысячи подвод — без камня и гравия аэродрома не построишь!

— А если мы все это сделаем: дадим транспорт и все необходимое?

— Тогда справлюсь! — уверенно ответил Симов.

Тут же мы нашли место для фиктивного аэродрома.

Когда возвращались, Долидович осторожно спросил:

— Где же мы возьмем столько людей и подвод? В отрядах свободных людей не так много, а подвод и совсем мало. Лошади у нас больше верховые.

— А наши зоны?

Долидович задумался.

— Это правда, — в раздумье произнес он, — там люди есть.

Но ведь строительство у нас необычное, необходима конспирация.

— Будет и конспирация.

Я верил, что колхозники окружающих деревень активно помогут нам. Они пойдут навстречу, как шли уже не один раз. И сами придут и доставят все, что нужно.

Мачульский начал вслух подсчитывать, сколько человек можно взять из деревень Старосеки, Загалье, Альбинск, Калиновка, Нижин, Скавшин, Сухая Миля, Убибачки и других. Он начал перечислять надежных людей из Старосек, которых можно было бы поставить во главе бригад. Перечислил по именам и насчитал больше десяти человек только из одной деревни.

Гальченя внимательно слушал, кивал одобрительно головой, а потом вдруг запротестовал:

— Одних стариков берешь, это неправильно.

— А кто там из молодых? — усмехнувшись, спросил Мачульский.

— Женщин бери, вот кого, — настаивал Герасим Маркович. — Чем плохие будут бригадиры или начальники?

На следующее утро Симов, Филиппушка и представители штаба соединения отправились в ближайшие деревни, и работа началась.

К болоту подошли люди с лопатами и топорами, подъехали подводы. Пришли все, кто мог быть полезным: пожилые мужчины и старики, женщины и подростки. Предполагалось брать на работу только здоровых и физически сильных людей, но это правило пришлось нарушить. Узнав, что партизанам нужна помощь, на работу начали собираться все колхозники. В хатах оставались только малые да совсем старые. Попробуй скажи кому-нибудь, что он не подходит для этой работы! Обидится человек, примет за оскорбление.

В Старосеках был такой случай. Набирая бригаду, Симов отвел в сторону пожилого, слабого здоровьем колхозника Антона Синицкого и посоветовал ему:

— Побудь пока дома, пусть идут те, кто поздоровее. Если не управимся, тогда позовем тебя.

Синицкий даже в лице изменился.

— А я что? — растерянно спросил он. — Мне не доверяете?

— Доверяем, — оправдывался Симов. — Только тяжеловато будет вам на земляных работах. Там ведь и день и ночь придется работать.

— Значит, не годен? — обиженно спросил Синицкий. — На разведку посылали за пятьдесят километров — был годен, фураж отрядам доставлял — годен, а тут — в сторону. Да я не хуже

другого молодого потяну! Не берете, сам приду!

Женщины, услыхав этот разговор, тоже запротестовали:

— Без него и мы не справимся, он тут у нас всему селу голова.

Подошел Корнеев и, как председатель местного Совета, порекомендовал взять Антона Синицкого на строительство.

— Таких смело бери, — сказал он Симову, — я его давно знаю. Хочешь, скажу тебе один секрет: я тут смотрю, чтобы в каждой бригаде были люди стойкие, проверенные. Сейчас они будут копать, корчевать, а пройдет время — дадим в руки оружие и пойдут воевать, бить оккупантов. В моем сельсовете можно десяток отрядов организовать.

Чтобы с самого начала обеспечить необходимые темпы работы, надо было доставить на площадку транспорт, тягловую силу, щебень, катки. Перевозить все это надо через болото, без дороги не обойтись. Начали гатить болото. На трясину насыпалась земля — ее возили, носили. Понадобилось много леса — его рубили тут же. Гать была сделана за несколько суток, и тогда островок впервые за время своего существования заселился людьми. Колхозники были из ближайших деревень, и многим можно ходить на отдых домой, но каждый считал себя мобилизованным, и на время работы люди переселились на остров. Вокруг строительства выросли шалаши и палатки.

Определенных часов отдыха не было. После небольшой передышки бригады выходили на площадку в любое время суток. Ночи стояли ясные, прохладные, и работалось еще лучше, чем днем.

В работе все шло обычным колхозным порядком: бригады имели свои участки, свои производственные задания, соревновались между собой. Посмотришь — колхоз вышел на работу! Но когда приглядишься внимательно, увидишь, что это не обычный колхоз мирного времени. Все здесь колхозники, но они не те, что были раньше. В бригадах военная дисциплина и образцовый порядок. Работают с большим напряжением, с уважением поглядывают на партизан и завидуют, что у тех есть оружие. В любой момент они отложат в сторону топор и возьмутся за винтовку.

Когда однажды мы с Мачульским пришли на остров, к нам стали подходить бригадиры. Некоторые старались походить на командиров и докладывали по-военному. Они сообщали, сколько у них людей, что уже сделано и что надо сделать. Иногда такой рапорт был похож на доклад колхозного бригадира, но колхозник стоял навытяжку, руки по швам и держался браво.

Доложив, он бегом возвращался в свою бригаду и на ходу

торопливо закуривал. В бригаде не командовал, не важничал, что он начальник, а брался за топор или лопату и работал наравне с другими.

Работа была трудоемкая, требовала много времени и силы, но люди работали с большой охотой, и площадь будущего аэродрома на глазах расширялась и преображалась.

Бригада старосековцев полудновала, когда мы подошли к ее участку. Кое-где горели небольшие костры, люди пекли картошку, поджаривали на вертелах сало. Некоторые варили что-то в чугунках. Тут же сидело несколько человек из Загалья. Антон Синицкий что-то с воодушевлением рассказывал, энергично размахивая рукой.

— Должно быть, про свою овечку… — улыбнулся Корнеев, подойдя к нам с соседнего участка.

Эта история была известна чуть ли не всей нашей зоне. Однажды Антон Синицкий привез партизанам овцу и бидон молока. Какая-то подлая душа донесла об этом гестаповцам. Синицкого схватили, начали бить и допрашивать.

— Паночки, — притворно дрожащим, жалобным голосом взмолился Антон. — Это все неправда, это вам кто-то наврал. Не одну мою овечку, а все стадо партизаны забрали. Шли недавно и забрали штук сорок. И не один бидон молока выпили, а целых восемнадцать. Каждый всего-то раза два глотнул, а восемнадцати бидонов не хватило…

Синицкий не на шутку напугал фашистов.

Увидев нас, Синицкий поспешно встал и сделал несколько шагов навстречу. Он был здесь старшим и считал своей обязанностью первым поздороваться и пригласить нас полудновать. Мы присели на пеньки.

— Ну, как идет работа? — спросил я.

Антон сообщил, что через день они закончат раскорчевку, и тогда вся бригада переключится на выравнивание площадки. Один из загальцев сказал, что раскорчевку они закончат сегодня. Синицкий недовольно посмотрел в его сторону и как бы вскользь заметил:

— Ну какой там у вас лес, кусты одни!

На это загалец спокойно ответил:

— Такой же самый, как и у вас, — наши участки рядом.

Синицкий возразил:

— Сравнил! У нас сосны, хоть на доски пили, ольха, береза.

— И у нас они есть, — ответил загалец. — Да что ты волнуешься? Кончим раньше, придем и вам поможем.

— Лучше мы вам поможем, — упрямился Синицкий.

Потом он обратился ко мне:

— Скажите, а скоро сюда прилетит самолет из нашей родной Москвы?

— Как закончим аэродром, так и прилетит.

— А можно будет тогда в Москву письмо послать?

— Думаю, что можно.

— А если бы нам всем собраться написать письмо правительству? Описать, как мы тут живем, как беспощадно бьем врага. Можно было б такое послать?

— Можно, и обязательно напишем.

Постепенно вокруг нас собрался народ. Каждому хотелось услышать что-нибудь новое про наш советский тыл, про Москву. Синицкий встал, окинул всех быстрым взглядом и сказал:

— Идемте! Сегодня и нам надо закончить раскорчевку.

Все пошли за ним следом.

На остров, другой раз всего на несколько минут, заходили командиры отрядов, комиссары, вестовые из боевых отрядов и групп. Они рассказывали колхозникам об обстановке, делились своими впечатлениями о боях, передавали наиболее важные боевые эпизоды. И колхозники жили этими новостями, работали, а мысли их были там, где шли бои, где их товарищи, односельчане и родные били фашистов.

В это время наиболее крупные боевые операции проходили в районе деревни Катка на Глущине и в близлежащих населенных пунктах: Холопеничи, Слободка и совхоз «Холопеничи». Во вражеском гарнизоне Катка насчитывалось свыше трехсот фашистов. На вооружении у них были три сорокамиллиметровые пушки, семь минометов, больше десятка станковых и ручных пулеметов, автоматы, винтовки. Деревня была обнесена окопными укреплениями.

Штаб соединения решил уничтожить этот гарнизон потому, что он находился на стыке трех районов и сковывал действия партизанских отрядов. На операцию пошли подразделения из отрядов Павловского, Храпко, Гуляева, Пакуша и Макара Бумажкова. Вышли также отряды Цикунова, Патрина. Отряд Цикунова был создан несколько месяцев назад и только теперь начал действовать как самостоятельная боевая единица. К Деревне подошло около пятисот партизан с четырьмя пушками, минометом, шестью станковыми и восемнадцатью ручными пулеметами и автоматическим оружием. Операцией руководил заместитель начальника штаба соединения Константинов.

План операции был такой: подразделения Гуляева, Пакуша, Бумажкова и отряды Цикунова и Патрина наносят главный удар по гарнизону с западной и северной стороны. Для прикрытия флангов Павловский и Храпко выставляют боевые засады у

деревни Косаричи и на дорогах, ведущих к гарнизону. Сигналом к началу боя должны служить две красные ракеты.

Перед самым наступлением разведка донесла, что противник с обозом и основным вооружением вышел из деревни Катка и двигается к деревне Хоромцы Октябрьского района. К вечеру гитлеровцы заняли Хоромцы и выставили усиленные посты и патрули. Пришлось спешно изменять план операции. Командирам отрядов и подразделении были поставлены дополнительные задачи: резервной группе, находящейся при штабе, нанести удар по противнику в деревне Хоромцы с юга; Пакушу и Патрину неожиданно ворваться в деревню с севера; Бумажкову ударить по вражескому гарнизону в совхозе имени Потапенко. У противника оставалась свободной дорога на деревню Бобровичи. Гуляеву и Цикунову было приказано разместить засады в лесу и перегородить эту дорогу.

Наступление началось утром 10 августа 1942 года. В результате стремительной атаки гитлеровцы были выбиты из деревни. Они отошли в небольшой лесок на север от Хоромцев и там укрепились.

Тем временем подразделения Павловского и Храпко форсировали реку Птичь. Внезапным ударом они разбили противника в совхозе «Холопеничи» и повели наступление на деревню Катка. Здесь оставались охранные группы вражеского гарнизона и военное имущество. Партизаны уничтожили остатки катковского гарнизона и захватили богатые трофеи. Партизаны разбили также гитлеровский гарнизон в деревне Слободка.

Бой с основными силами гитлеровцев, укрепившихся в лесу, продолжался свыше суток. Более трех десятков фашистов было убито, много ранено. Уцелевшие бежали в Глусск, оставив на поле боя почти все вооружение и боеприпасы. Несколько полицаев сдалось в плен.

Наши отряды потерь не имели, только двое партизан были ранены и то не тяжело.

Эти успехи на поле боя ободряли колхозников — строителей аэродрома, вдохновляли их на самоотверженный труд. За две недели площадь будущего аэродрома была раскорчевана. За несколько дней ее выровняли, засыпали щебнем и утрамбовали. К концу августа аэродром был готов. Оставалось только на случай налета вражеской авиации оборудовать ложный аэродром. Это могли сделать и сами партизаны. Однако строители не расходились. Однажды Филиппушка пришел в штаб и сказал:

— Мои бригады просят еще работы.

Мы посоветовались между собой и решили позволить строителям остаться на острове. Одной группе поручили

маскировку аэродрома, и она прекрасно справилась с этой задачей. Если самолеты не ожидались, на аэродроме появлялись сосны и елки, и с воздуха невозможно было установить, аэродром это или лес. Колхозники построили землянки для обслуживающего персонала и раненых бойцов, которые отправлялись в советский тыл и оборудовали ложный аэродром. Получилось, что только небольшая часть строителей вернулась в деревни, большинство осталось в партизанах. Одни вошли в команду обслуживания и хозяйственные взводы, другие получили оружие и стали в боевые ряды партизан.

С первых дней сентября 1942 года на наш аэродром начали прилетать крылатые гости из Москвы и других городов Советского Союза. Наш аэродром скоро стал известен советским людям за тысячи километров. О нем знали на Украине, в Литве, Латвии. О нем знали партизаны Польши и Чехословакии.

Сотни раненых народных мстителей Белоруссии и Украины были отправлены с этого аэродрома в советский тыл. Аэродромом пользовались на протяжении нескольких месяцев партизаны братской Украины. Однажды к нам прилетели секретарь ЦК КП(б) Украины товарищ Коротченко и начальник партизанского штаба Украины Строкач. С лесного аэродрома были вывезены в советский тыл и размещены в специальных домах тысячи детей погибших партизан и воинов Красной Армии. Отсюда мы переправили в Москву видных ученых и крупных специалистов Белоруссии, которые не успели эвакуироваться в начале войны.

Все годы войны пользовались мы зысловским аэродромом. Он служил важнейшим средством прямой связи с Большой землей для многих партизанских соединений Белоруссии.

XXIII

Как только аэродром был готов, мы стали с часу на час ожидать самолета из Москвы. Он мог появиться в любой момент. Тоска по родной советской земле была настолько сильной, что многие в нетерпеливом ожидании не спали круглые сутки. Волновались все: и те, что дежурили на аэродроме, и те, что оставались в лагере. Да и сам я был очень взволнован. С первым самолетом, который у нас приземлится, я должен буду вылететь в Москву. Центральный Комитет КП(б)Б и Центральный штаб партизанского движения вызывали меня для отчета.

Москва — любимая столица нашей Родины! Во все время суровой партизанской жизни ты была в наших сердцах. Каждую минуту, каждое мгновение мы думали о тебе, великой и могучей, неповторимо прекрасной, по-матерински ласковой и заботливой для своих сынов и дочерей, которые, не жалея жизни, защищали священную землю Советов под боевыми знаменами великого Ленина.

При воспоминании о тех днях и сегодня взволнованно бьется мое сердце. Помню одну тихую сентябрьскую ночь, такие ночи бывают часто в Белоруссии. Над головой небо будто стеклянное, и звезды кажутся особенно близкими к земле. Тишину нарушает только ветер, сдувающий с ветвей первые осенние листья. Я лежал на взгорке вблизи аэродрома, положив под себя ватную куртку. Глаза блуждали по восточному краю неба. Я ждал, что вот-вот среди множества синих звезд вспыхнут другие, летучие звезды — вестники Большой земли. Перед глазами всплывали волнующие картины Москвы — той Москвы, которую я помнил еще с мирных дней… Красная площадь, гранит Мавзолея, зубчатая стена и Спасская башня, ровные ряды молодых серебристых елей, высокие рубиновые звезды над дворцами Кремля. Сколько раз я ходил вокруг Кремля!.. И теперь, на партизанском аэродроме, мне казалось, что я снова прохожу знакомым путем, около Москвы-реки, по Каменному мосту, вблизи Боровицких ворот, около Манежа и Исторического музея. Но теперь башни Кремля вставали передо мной могучими воинами-богатырями с нахмуренным челом, несокрушимыми в бою.

Мне очень хотелось побывать в Москве. Зная, что меня вызывают, я все-таки не мог представить себе, что буду в родной столице. Легко понять, как обрадовался я, получив радиограмму. Но одно беспокоило меня: надолго ли меня вызывают? Я считал, что я не должен в такое суровое время оставлять товарищей по

борьбе. Положение наше было довольно сложным. Гитлер бросил против партизан крупные силы. Отряды нашего соединения вели жестокие непрерывные бои на всей; территории Минской, Могилевской, Полесской, Барановичской и Пинской областей. Мы наносили врагу большие потери в живой силе и технике, срывали его планы. Но со дня на день нужно было ожидать подхода новых частей противника.

Время было очень напряженное. Надо больше активизировать деятельность подпольных партийных организаций, усилить их работу среди населения, увеличить боеспособность партизанских отрядов. Я неоднократно задавал себе вопрос: можно ли хотя бы на несколько дней оставить подпольный обком и отряды в такой ответственный момент? И хорошо ли вообще уезжать при таких обстоятельствах и оставлять боевых товарищей и друзей? Мне в то время казалось, что этим я даже обижу их.

Но потом я отогнал свои сомнения. Из Центрального партизанского штаба поступил вызов, а вызов штаба — приказ. А раз есть приказ, надо собираться. Мы все — члены бюро обкома, партийные руководители, командиры отрядов — правильно оценили эту поездку в Москву: это исключительно важное событие, оно будет иметь большое значение не только для нашего соединения, но и для развития партизанского движения в Белоруссии. Каждый из нас хорошо понимал, что в Москву нужно привезти точные сведения о деятельности белорусских партизан и получить там указания о дальнейшем развертывании всенародной борьбы с врагом.

Надо было видеть, с каким волнением и старанием готовились товарищи к моей командировке в Москву! Командиры отрядов ходили озабоченные. В своих рапортах им хотелось как можно подробнее рассказать об отрядах, о партизанах-бойцах и о их боевых делах. Члены обкома партии писали об опыте партийной работы в подполье, о политической работе в отрядах и среди населения. Идешь ночью и видишь: светится огонек в лесном шалаше. Заглянешь — и удивишься: после дневных боевых операций сидит при лампе командир отряда и пишет рапорт в Москву.

Приближалось время вылета. Мы вызвали в штаб на беседу командиров и комиссаров отрядов, секретарей подпольных райкомов. Мы не думали, что я надолго задержусь в Москве. Однако всем командирам и комиссарам отрядов надо хорошо знать свои задачи на ближайшее время. Мы считали необходимым поставить перед соединением в первую очередь две важные задачи.

Одна из них такова. В охранных и экспедиционных

фашистских войсках были словацкие подразделения. Нам удалось выяснить, что многие словаки, насильно мобилизованные фашистами, не хотят воевать против нас. Словаки несли охрану на важнейших железнодорожных путях. Нашей задачей было взорвать эти мосты и парализовать движение врага. Надо было немедленно связаться со словаками, развернуть среди них агитацию и перетянуть на свою сторону. С помощью солдат и офицеров, сочувствующих нам, легче будет выполнить задачу деморализации тыла врага.

Наша разведка доносила, что многие словаки хотят перейти к партизанам, чтобы вместе бороться против немецких фашистов. Людей, сочувствующих нам, можно найти также и среди насильно мобилизованных поляков, румын, французов и даже среди немцев. Вот эту задачу мы и поставили перед партизанскими руководителями. Моим заместителям — Мачульскому, Бельскому, Бондарю и Варвашене — я посоветовал вести это дело осторожно, чтобы избежать неприятных случайностей.

Другая первоочередная задача — организация взрывов больших мостов на вражеских коммуникациях. Мы и раньше придавали этому особое значение, но в большинстве случаев наши отряды разрушали мосты только на шоссейных и грунтовых дорогах. Большие железнодорожные мосты мы не всегда отваживались взрывать: мало было подрывных средств, не хватало специалистов. Кроме того, эти мосты охранялись крупными силами гитлеровцев.

Теперь же мы были достаточно подготовлены и сильны. Мы могли наносить сильные удары по коммуникациям врага: задержать и не пустить на фронт сотни военных эшелонов с живой силой, вооружением и техникой. Прежде всего надо взорвать большой мост через реку Птичь. Он находился на стратегически важной железнодорожной линии Брест — Лукинец — Калинковичи — Гомель. Немцы перебрасывали по этой дороге свежие подкрепления в район Сталинграда. Мост охранялся батальоном гитлеровцев. Охрана стояла и на ближайших станциях. Крупные гарнизоны размещались в Петрикове и Копаткевичах. В Петрикове стояли словацкие части.

Начать подготовку к этой операции решили немедленно. Она являлась одной из наиболее важных в нашем боевом плане. Руководство операцией возлагалось на Мачульского и Бельского.

И вот в эти напряженные дни и ночи боевой подготовки пришел, наконец, долгожданный час вылета. Это было ночью 22 сентября. Над нашим островом в определенное время появился советский самолет. По условным знакам, по гулу моторов мы узнали его. Помню, от внезапно охватившей меня радости будто

электрические искры пробежали по всему телу, сердце забилось так сильно, что, казалось, слышны были его удары.

Мы зажгли факелы, показывая гостю место посадки. Самолет покружился над лесом и, приглушив мотор, пошел на снижение. Все, кто был в это время на аэродроме, молчали в волнующем ожидании. Каждый из нас видел в самолете живой привет Родины. В это мгновение для нас как будто перестали существовать и фронт и расположенные по соседству немецкие гарнизоны. Необычайно остро, живо почувствовали мы свое неразрывное единство со всем советским народом, с нашей великой, непобедимой страной.

Самолет сел. Я, Мачульский, Бельский, Бондарь, Константинов, штабные работники и партизаны, дежурные по аэродрому, направились к нему. Но из самолета никто не выходил. Летчики еще не были уверены, что попали к своим. Я назвал пароль. Один из пилотов быстро сошел на землю и пошел навстречу.

— Привет вам, товарищи! Привет из Москвы!

Мы по-братски обнялись. Летчик крепко пожал всем руки. Лицо его, простое и открытое, светилось радостью.

— Капитан Груздин.

Героя Советского Союза Груздина мы знали хорошо, хоть и встретились с ним впервые. Он не раз прилетал к нам и вместе с грузами сбрасывал письма. Капитан попросил срочно разгрузить самолет, так как намеревался вылетать немедленно.

На площадке собралось много народу. Каждому хотелось взглянуть на посланцев Большой земли, побыть с теми, кто вылетал сейчас в родную Москву, кто увидит Красную площадь, Кремль. Люди жали мне руку, обнимали. В эти пожатия они вкладывали всю душу. И я с особой силой почувствовал, какая ответственность лежит на мне: люди видели во мне своего представителя, того, кто должен доложить правительству, партии, как борются с врагом народные мстители, как велико чувство народной преданности и горячей любви к Родине. У многих товарищей были родные и близкие на Большой земле: у кого жена, у кого родители, братья, сестры. Многие из них эвакуировались и работали в различных братских республиках. Много было и знакомых в разных краях и областях необъятного Советского Союза. Я получил для них столько писем, что карманов не хватало. Я знал, что частицу сердца партизана везу любимым, дорогим людям и, когда садился в самолет, чувствовал на себе горячие взгляды своих товарищей.

Никогда не забыть этих минут!

Но пора. Мы сели. А летчиков не выпускали партизаны. Они

все подходили и засыпали их вопросами и просьбами. Самой большой просьбой было — опустить письма в московский почтовый ящик. Иные просто просили передать привет всем советским людям, которые вместе с армией и партизанами ковали победу над врагом. Каждому хотелось быть как можно ближе к Большой земле, полней и глубже почувствовать ее просторы. А она вставала перед нами необъятная, суровая в борьбе, от Мурманска до вершин Кавказа.

Наконец самолет поднялся в воздух. Со мной полетели Константинов и Бондарь. Алексею Георгиевичу необходимо было основательное лечение, рана его часто открывалась.

Я летел, и мне не верилось, что я уже далеко от своих друзей. Еще так ясно стояли передо мной партизанские шалаши, оружейные мастерские, герои-воины с красными лентами на шапках. На память приходили стихи народного поэта Янки Купалы:

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

Чувство, что и ты в какой-то степени выполнил задание Родины, наполняло сердце радостью.

Впереди трудная дорога. Над линией фронта нас сильно обстреляли. Нашему опытному летчику удалось проскочить опасную полосу, и к назначенному времени он привел самолет в Москву. Мы прилетели перед рассветом. В первый момент как-то не верилось, что фронт остался далеко позади, что мы в Москве. Это было первое утро за все время войны, которое для нас начиналось не в боевой обстановке.

Нас встретили командир авиационной части Коротков Вениамин Михайлович и начальник политотдела Карпенко Иосиф Михайлович. Я и сейчас их хорошо помню и буду помнить всю жизнь: это были первые люди, с которыми я встретился на Большой земле.

Высокий, стройный, немолодой командир части радостно пожал нам руки, глаза его блестели возбужденно и взволнованно, он улыбался сердечно и ласково. Вопросы сыпались один за другим. Боевой, опытный командир смотрел на нас, как на каких-то особенных, необыкновенных людей, хотя мы, конечно, ничего необыкновенного собой не представляли.

Наши военные друзья пригласили нас к себе, хорошо

угостили и разместили на отдых. Здесь я первый раз с начала войны смело разулся, стянул с себя верхнюю одежду — между прочим, сильно уже поношенную, — снял даже оружие, с которым не расставался ни днем ни ночью. Когда я положил кобуру на стол, мне казалось, что я делаю что-то непростительно рискованное и опасное, до того уже я, в прошлом гражданский человек, привык к оружию.

Немного отдохнув, мы переехали в гостиницу. На следующий день не успели оглядеться, как за дверями послышался сдержанный, многоголосый говор. Я открыл дверь и вижу: стоят у дверей человек десять: мужчины и женщины, штатские и военные. Стоят, переговариваются между собой и не решаются войти.

Мы пригласили их в комнату. Среди наших гостей было несколько белорусов, которые надеялись услышать что-нибудь о своих родных городах и деревнях, узнать о близких и знакомых. Остальные — москвичи: военнослужащие, работники Центрального и Белорусского партизанских штабов. Всем им хотелось познакомиться с нами, поговорить, расспросить, как мы воюем, как борются в тылу врага советские люди.

Завязался сердечный, теплый, дружеский разговор. Народу все прибавлялось. Наша небольшая комната не могла всех вместить. Одни выходили, другие приходили. Тут я убедился, что не из простого любопытства старался обо всем расспросить у нас командир авиационной части. Мне стало ясно, что люди всей страны следят за неустанной героической борьбой белорусских партизан. Между тем, находясь на оккупированной территории, мы иной раз думали, что о наших делах мало кто и знает.

Мы разговаривали бы, пожалуй, до самого вечера, если бы не приехал секретарь ЦК КП(б)Б товарищ Пономаренко. Он тепло поздоровался, расспросил о здоровье и попросил коротко проинформировать о событиях последних дней.

Внимательно выслушав мою информацию, он поднялся и, подавая на прощание руку, сказал:

— Все дела потом. Запритесь на сутки, отдохните как следует, тогда начнем работу.

Но нам не удалось осуществить его совета: гости продолжали заходить, и у нас не было почти ни одного свободного часа.

Спустя два дня мы встретились с товарищем Пономаренко в Центральном штабе партизанского движения. Беседа продолжалась три часа.

Мы хорошо знали, что делается в деревнях и городах не только Минской, но и других областей республики, и старались обо всем подробно доложить. Я рассказал о первых днях подполья, о наших поисках правильных путей в новой, еще совсем

не изведанной области работы. Были у нас и непомерные трудности и ошибки. Но мы ни одного часа не потратили на бесцельные блуждания, не порывали связи с народом, всегда были с ним и пользовались его полной поддержкой. Наша сила, источник наших успехов заключались в мудром руководстве партии.

XXIV

Под вечер того же дня мы с Константиновым приехали на прием к товарищу Ворошилову. Теплой и радостной была для нас эта встреча. С глубоким вниманием и интересом слушал Климент Ефремович рассказ о борьбе белорусского народа против гитлеровских захватчиков.

Особенно интересовался Климент Ефремович тактикой партизанской борьбы. Я доложил, как мы воюем теперь и как думаем воевать в дальнейшем. Коротко рассказал о наиболее важных и сложных операциях, проведенных партизанами в Минске и Борисове, о Старобинской, Октябрьской и Любанской операциях, о нашем рейде, а также о боевых действиях в Слуцке, Красной Слободе и в деревне Клинок.

Я приводил примеры героизма и самопожертвования трудящихся Белоруссии в борьбе с врагом, рассказал о бессмертных подвигах Фени Кононовой, Евстрата Горбачева и других отважных сынов и дочерей белорусского народа.

Задав несколько вопросов, товарищ Ворошилов попросил Константинова поделиться своими впечатлениями о деятельности белорусских партизан.

— Я хотел бы сказать лишь одно, товарищ маршал Советского Союза, — немного волнуясь, начал Константинов. — Я более года прожил среди белорусов, вместе с ними воевал, плечом к плечу с партизанами ходил в атаку на врага и от души скажу, что глубоко полюбил белорусский народ, этих мужественных свободолюбивых людей, и сегодня мне как-то грустно оттого, что я расстался с ними, хотя, может, и ненадолго. Я просил бы вас, товарищ маршал, послать меня на Белорусский фронт. Я оправдаю доверие партии и правительства.

Мы оба, я и Константинов, были в поношенной одежде. Заметив это, Климент Ефремович поинтересовался, как партизаны обеспечивают себя обмундированием. Мы рассказали, что вначале, когда круто было, партизаны мастерили себе обувь даже из лозы, научились плести теплые одеяла из сена и соломы. Теперь же у нас есть все необходимое. Наши люди инициативны. Из любого положения найдут выход. Чувство солидарности, товарищества, воспитанное у советских людей Коммунистической партией, помогает преодолевать любые трудности. С величайшим энтузиазмом во всем помогает нам население.

— Белорусские партизаны, в каких бы тяжелых условиях ни находились, ни одной минуты не чувствовали себя одинокими, — сказал я товарищу Ворошилову. — Мы все время ощущали

твердую поддержку всего советского народа, всей Советской страны. Понятно, что народная помощь намного облегчила наше положение и с одеждой и с продуктами питания.

Товарищ Ворошилов внимательно слушал, делая время от времени пометки на листке бумаги.

В вопросах и замечаниях Климента Ефремовича чувствовалось большое уважение и любовь к белорусскому народу, вера в силу его духа, в его патриотическую доблесть.

Когда в своем рассказе я упоминал названия населенных пунктов и крупных предприятий, мне не нужно было делать пояснений. Климент Ефремович хорошо знает Белоруссию, не раз бывал там до войны, постоянно следил за ее хозяйственным и культурным развитием. Он был нашим депутатом в Верховном Совете СССР.

Выслушав нас, Климент Ефремович сказал, что белорусский народ всегда был закалённым и героическим народом. Сколько раз ему приходилось преодолевать тяжелые испытания с помощью великого русского народа и совместно с ним отражать нашествия врага! И никогда не поколебался белорусский народ, всегда он был в первых рядах, мужественно боролся за свободу и независимость своей Родины.

В конце беседы Климент Ефремович сердечно поблагодарил нас и сказал:

— Партизаны — действительно несокрушимая сила. С помощью партизан Красная Армия и советский народ обязательно выйдут в этой войне победителями.

На следующий день в полдень, когда я собирался идти в штаб партизанского движения, зазвонил телефон. Я снял трубку. У телефона был товарищ Пономаренко. Из беседы я узнал, что Климент Ефремович после нашей встречи говорил с членами Политбюро ЦК ВКП(б). Все они очень интересовались нашими делами, подробно расспрашивали о белорусских партизанах, а потом было высказано пожелание принять меня в Кремле.

Трудно выразить радостное чувство, овладевшее мною. Во вражеском тылу, в тяжелые дни партизанских боев с превосходящими силами врага, в дни суровой подпольной работы мы всегда слышали могучий голос родной Коммунистической партии, это придавало нам силу и уверенность в победе. Мудрые, окрыляющие наказы партии советскому народу, армии, партизанам открывали нам ясную и четкую программу действий. Сколько раз, собравшись вместе, мы говорили о том, каким счастьем было бы побывать в Кремле, в Центральном Комитете ВКП(б), рассказать о нашей жизни, борьбе, о безграничной любви народа к славной Коммунистической партии, к нашему

Советскому правительству.

Все следующие дни у меня было какое-то особенно приподнятое, радостное настроение. Бесчисленное количество раз я пересматривал свои материалы для доклада. Старался представить себе, о чем будут говорить со мной члены Политбюро. Перед глазами вставали многие дни подполья. То, что порой на месте не замечалось, теперь ярко всплывало в памяти, становилось значительным и интересным.

Спустя несколько дней меня срочно вызвали в Центральный штаб партизанского движения. Пономаренко уже ждал меня.

— Василий Иванович, — сказал он, — члены Политбюро приглашают вас к себе.

Мы сразу же отправились в Кремль. Входим в приемную. Пономаренко берет меня за руку и тихо спрашивает:

— Очень волнуетесь? — И тут же успокаивает — Ничего, Василий Иванович, вот увидите членов Политбюро, послушаете их и сразу почувствуете себя как дома.

Через несколько минут, с трудом сдерживая волнение, я вошел в кабинет, где уже были А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин и другие члены Политбюро. Товарищ Ворошилов представил меня и попросил рассказать, как действуют в тылу врага партизаны, как живет и борется белорусский народ.

Я начал докладывать. Члены Политбюро внимательно слушали и время от времени задавали вопросы. Они интересовались всеми деталями партизанского движения и жизни народа на оккупированной фашистскими захватчиками территории. Мне стало ясно, что в Центральном Комитете партии хорошо знают о наших делах и что здесь ставятся только такие вопросы, решение которых еще более усилит партизанскую борьбу.

Из дальнейшей беседы стало ясно, что теперь партизанское движение становится одним из важнейших факторов победы над врагом, что необходимо сделать все для того, чтобы партизанская борьба развернулась еще шире и стала всенародной.

Говоря об очередных задачах партизанского движения, члены Политбюро отметили исключительную важность воспитания в народе непоколебимой веры в победу. Если у людей будет глубокая вера в несокрушимое могущество нашей державы, в непоколебимость ее политического строя, они не остановятся ни перед какими трудностями и будут творить чудеса. Была высказана мысль, что рядом с боевыми делами необходимо широко развернуть и вести среди населения непрестанную политическую работу, рассказывать людям правду о положении в Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего

советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели оккупантов, что нужно на фактах разоблачать лживую пропаганду, воспитывать в народе ненависть к фашистским захватчикам.

Мы беседовали долго. Из каждого слова членов Политбюро я делал выводы. Я понял, в частности, что совсем не обязательно в условиях всенародного партизанского движения вооружать весь народ винтовками и пушками. Это и невозможно. В руках партизана и спичка — оружие, так как ею можно поджечь склад, базу противника; для партизана вилы — оружие; косы, лопаты — оружие; железнодорожные ключи и ломы — оружие. Все средства борьбы пригодны! Необходимо создать для врага невыносимые условия на нашей земле. Не давать ему ни грамма хлеба, ни грамма мяса! Нужно, чтобы партизаны перекапывали и заваливали лесные дороги, разрушали железнодорожное полотно. Ни одной железнодорожной линии не должно остаться исправной, потому что по железным дорогам перевозятся снаряды, пушки, танки, горючее, живая сила. Танки на железнодорожных платформах и на базах легче подорвать, чем уничтожить на фронте. Бить врага всеми средствами!

…В моей памяти промелькнули картины недавнего прошлого. Минск, встревоженный нападением гитлеровской Германии на нашу землю… Центральный Комитет КП(б)Б, где собрались руководящие партийные и советские работники республики. Потом местечко Березино, где 3 июля 1941 года мы услышали суровые и правдивые слова партии: «Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом… Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

Через сотни километров, отделявшие нас от линии фронта, в глубоком вражеском тылу слышали мы набатный призыв нашей славной партии и правительства подниматься на беспощадную борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Вот группа партизан-комсомольцев собралась ночью в землянке перед уходом на ответственное и рискованное задание. Лица у народных мстителей серьезные, сосредоточенные. Молча заканчивают последние приготовления. Но вот один из хлопцев вполголоса запевает песню о партии. Знакомая, родная мелодия, знакомые, проникновенные слова! Чувствуешь, как поднимается из глубины души, растет могучая, непреодолимая сила, сила всепоглощающей любви к Родине, чувство великого братства всех советских людей. Думы только о победе, о священном долге перед народом!

Выступаешь на собрании в полусожженной, разграбленной

фашистскими оккупантами деревне. В каждом доме свое горе, своя обида и тревога, и у всех одно общее горе, одна общая тревога за судьбу Родины. Рассказываешь о положении на фронтах, об успехах партизанского движения и не овации, не рукоплескания слышишь, а чувствуешь, как учащенно бьются людские сердца. Какой лаской, любовью загораются глаза при словах о нашей партии, какая сила появляется у людей! Мы несли в народ указания партии, и они были самым могучим нашим оружием. Мы обращались к народу от имени партии, и в этом был «секрет» всех наших успехов.

В конце встречи И. В. Сталин посоветовал белорусским партизанам не ограничивать свою деятельность только сельской местностью. Партизанские руководители должны больше уделять внимания городу. В городах — крупные немецкие гарнизоны, военные базы. В городах разместились гестапо и большая часть немецкого командования. Многие города в то же время являются крупными железнодорожными узлами, основными пунктами дислокации вражеских частей.

Партизанские отряды, отдельные наши организации и подрывники должны проникать во все города и широко развертывать там разведывательную и диверсионную работу. Разрушать и сжигать узлы связи, электростанции, силовые установки, водоснабжение, склады, запасы горючего и другие объекты, которые имеют военно-экономическое значение. Всеми силами надо укреплять и расширять в городах деятельность подпольных партийных и комсомольских организаций.

На этом заседании были сформулированы основные пункты решения об усилении партизанского движения в тылу врага, о превращении его в небывалое по размаху массовое, всенародное движение. В заключение члены Политбюро попросили передать белорусскому народу привет и благодарность за мужественную борьбу и сказать от имени ЦК ВКП(б) и Советского правительства, что Красная Армия скоро придет в Белоруссию.

Эти уверенные слова были оказаны в самые тяжелые дни войны, когда фашисты бешено рвались, к Сталинграду.

После приема я поехал с товарищем Пономаренко в ЦК КП(б)Б. Мы долго сидели там, обдумывали указания Политбюро. Было ясно, что партизанское движение в Белоруссии должно вступить в новую фазу и принять еще более широкий размах.

Возвратился в гостиницу далеко за полночь. Несмотря на поздний час, в комнате было много народу. Партизанские руководители Украинской ССР, Смоленской, Витебской, Могилевской и других областей, находившиеся в то время в Москве, ждали меня. Каждому хотелось услышать о приеме в

Кремле.

Я постарался в точности передать то, что говорили члены Политбюро. С исключительным энтузиазмом встретили мои слушатели слова о скором приходе Красной Армии в Белоруссию.

Мы проговорили почти до рассвета, а когда все ушли, я долго не мог уснуть. Первый раз в своей жизни я был на таком приеме. Мне хотелось сейчас же вылететь к своим друзьям партизанам, рассказать им и трудящимся Белоруссии о встрече в Кремле, о тех мыслях и пожеланиях, которые были высказаны членами Политбюро.

Еще как следует не рассвело, когда я начал звонить П. З. Калинину — начальнику Белорусского штаба партизанского движения, чтобы попросить его ускорить мой отъезд.

Но быстро вернуться в Белоруссию мне не пришлось. Нужно было остаться на некоторое время в Москве. По поручению ЦК ВКП(б) я посещал предприятия, учреждения, встречался с рабочими и служащими. Побывал в райкомах, выступал перед партийным активом. Был у зенитчиков, охранявших Москву. Всюду рассказывал о жизни и героической борьбе белорусских партизан.

Так прошло несколько дней. Однажды мне сообщили, что товарищ Андреев просит меня зайти к нему завтра, в два часа дня.

Я приехал в ЦК ВКП(б) в точно назначенное время. Товарищ Андреев сразу же принял меня. Он высказал мысль о том, что мне полезно было бы поехать на восток страны: в Казань, Иваново, Ковров и рассказать рабочим о партизанской борьбе в тылу вражеских армий.

Я поблагодарил за доверие и через день выехал из Москвы.

Рабочие всюду принимали меня тепло, с радостью. Собрания на фабриках и заводах были исключительно многолюдными. Слушали с необычайным вниманием. Аудитория — глазом не окинуть, а тишина такая, что муха пролетит, услышишь.

Я не делал докладов, не читал лекций, а вел с людьми, теплую, задушевную беседу. Рассказывал то, что видел в тылу врага и сам пережил. Немало было случаев, когда рабочие тут же, на собраниях, писали заявления с просьбой направить их в тыл врага. Многие брали на себя обязательства еще лучше работать на Красную Армию и партизан до полного разгрома врага. Рабочие одного завода при активном участии Героя Социалистического Труда Дегтярева сделали во внеурочное время автоматы для командиров и комиссаров нашего партизанского соединения.

Среди моих слушателей были не только представители героического русского рабочего класса, но и украинцы, грузины,

татары, казахи. Достаточно было видеть лица рабочих, слезы на глазах работниц, когда я рассказывал о фашистских зверствах, чтобы понять живую силу, глубину и величие братской дружбы советских народов. В свою очередь, я с большим волнением и радостью узнавал о самоотверженном труде рабочих и служащих в трудных условиях военного времени.

В Казани был организован радиомитинг. Я обратился с призывом ко всем трудящимся Татарской автономной республики активно поддержать благородный почин Ферапонта Головатого по сбору средств на вооружение Красной Армии. Дружно отозвались патриоты Татарии на мое обращение! Много миллионов рублей внесли они на вооружение.

Позднее, когда я был уже в партизанском соединении, из Татарии мы часто получали письма и посылки. Вот что писал нам секретарь Казанского горкома партии:

«Мы рады были бы, если бы белорусские партизаны каждый месяц навещали нас. Ваши выступления на предприятиях очень много помогли нам. Рабочие каждый день вспоминают вас, становятся на трудовую вахту в честь белорусских партизан, все горят желанием снова встретиться с вами после победы. Желаем успехов в вашей героической борьбе».

Работница Ольга Сидорова, местная поэтесса, посвятила белорусским партизанам несколько стихотворений. Некоторые стихи партизаны заучивали наизусть, подбирали к ним мелодии и пели.

В конце февраля 1943 года я вернулся из своей поездки в Москву. Доложил в ЦК ВКП(б) о своих встречах с рабочими и начал собираться в Минскую область. Намеревался вылететь немедленно, но снова задержался. В Москве шла подготовка к Третьему Всеславянскому митингу. Мне поручили выступить на нем от имени партизан Минщины. Кроме меня, выступали народный поэт Белоруссии Якуб Колас, народная артистка СССР и БССР Л. П. Александровская и другие.

Перед отъездом мы снова встретились с товарищем Пономаренко. Начальник Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинин принес ориентировочный план операций по разрушению основных коммуникаций на территории Белоруссии. Это был план тех грандиозных операций, которые потом стали называться «рельсовой войной» и вошли в историю под этим названием.

— Вот одно из мероприятий, вытекающее из указаний Политбюро, — сказал товарищ Пономаренко, показывая этот план. — Обдумайте все на месте, взвесьте каждую деталь. Центральный Комитет КП(б)Б и штаб партизанского движения

твердо полагаются на вас.

Через некоторое время я нагрузил свои самолеты (мне дали несколько самолетов) и вылетел на Минщину. Как раз к этому времени вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении белорусских партизан. Мне было поручено вручить награды партизанам. Кроме других ценных грузов, я взял с собой и несколько сотен орденов и медалей.

XXV

Самолеты благополучно приземлились на нашем аэродроме. Какое радостное событие! Не так давно светлой мечтой было получить весточку из Москвы хотя бы по радио. Теперь же на острове опустилось сразу несколько самолетов. И хорошие новости привезены из родной столицы, и нужные грузы доставлены. А сколько здесь было крылатых гостей до прилета нашей эскадрильи! Сколько вывезено отсюда детей-сирот и раненых партизан! Сколько привезено сюда ценных грузов для наших отрядов! Почти каждую ночь опускались на аэродроме самолеты. Специальная аэродромная команда дежурила круглые сутки, как на большом, боевом аэродроме.

Мы прилетели домой на рассвете. Вершины деревьев слегка обозначались на фоне чистого неба, а нижние ветви и стволы были еще окутаны мраком. Была как раз соловьиная пора. Многоголосые песни разливались по лесу звонким мелодичным эхом. Могло показаться, что здесь не военный партизанский лагерь, не вражеский тыл, а мирное и живописное место отдыха.

Но достаточно было посмотреть в лицо хоть одному человеку, и становилось ясно, что жизнь здесь нелегкая.

Группа людей спешила к самолету. Первым подошел ко мне Иосиф Александрович Бельский. Он заметно похудел, лицо вытянулось, щеки впали. Вместе с Мачульским Иосиф Александрович руководил все эти месяцы деятельностью обкома и соединения. Подошли Варвашеня, Долидович, Боровик, Луферов, Сергей Жуков, начальник оперативного отдела штаба Казимир Пущин, Александр Жуковский и несколько командиров отрядов. Вокруг стояли партизаны. В предрассветном тумане трудно было всех разглядеть. Я тосковал по этим людям, как по родной семье, и теперь мне хотелось броситься каждому в объятия, пожать каждому руку.

После первых радостных приветствий меня попросили хотя бы коротко рассказать о Москве и встрече в Кремле. Времени у меня было мало, да и люди устали, и я хотел ограничиться коротким сообщением. Но скоро выяснилось, что тут несколькими словами не отделаешься. Не удовлетвори партизан сейчас же, не расскажи обо всем, что знаешь, — обидятся. Да и какое я имею право не пойти навстречу страстному желанию своих боевых товарищей? Ведь это они послали меня в Москву и от их имени говорил я с членами Политбюро.

Я сказал, что в Центральном Комитете ВКП(б) знают о героических делах белорусских партизан и члены Политбюро

шлют им свой братский, сердечный привет. Партия и правительство высоко оценили славные боевые подвиги народных мстителей: многие командиры и партизаны, а также рабочие, колхозники, работники науки и культуры, которые активно помогали партизанам, награждены орденами и медалями, некоторым присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Наказ партии — бить врага еще сильнее, еще активнее помогать Красной Армии. Чем сильнее и согласованнее будут удары с фронта и с тыла, тем скорее наша родная советская земля будет освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Когда я сказал, что члены Политбюро просили меня передать партизанам и всему белорусскому народу, что Красная Армия скоро вернется к нам, могучее «ура» прокатилось по лесу. Послышались возгласы: «Да здравствует Красная Армия!», «Смерть немецким оккупантам!»

Пока я говорил, не прерывали, слушали с огромным, напряженным вниманием, а потом посыпалось столько вопросов, что я едва успевал отвечать.

Уже совсем рассвело, а наша беседа все еще продолжалась. Редел и рассеивался туман, и я все яснее различал на площадке знакомых и близких мне партизан. Вот шагах в десяти от меня стоит и радостно улыбается наш радист Володя Февралев. Тот самый Февралев, который вначале нередко спорил со мной, ко всему относился недоверчиво, а потом искренне, по-сыновнему привязался ко мне, и мы стали друзьями. Я вспомнил, что перед моим вылетом в Москву он передал самодельный конвертик и просил переслать письмецо по заветному адресу. Я кивнул ему головой: мне приятно было, что не забыл выполнить его просьбу.

После встречи на аэродроме я сел на коня и направился в штаб соединения, чтобы скорее войти в курс дела и начать выполнять свои обязанности. Со мной порхали все штабные работники и человек десять командиров и комиссаров отрядов. Дорога в штаб лежала через деревни нашей зоны: Старосеки, Калиновка, Загалье, совхозы «Сосны», «Жалы». До штаба несколько часов хорошей езды, но приехали только под вечер. В каждой деревне приходилось надолго задерживаться. Стоило только показаться на улице, как сразу же вокруг нас собирались люди. Они окружали нас плотной толпой и просили побыть с ними хоть одну минуту и рассказать о Москве. Обычно такая «минута» тянулась два-три часа, но зато на лице у каждого светились счастье и уверенность в победе.

В деревни нашей зоны нередко проникала лживая фашистская пропаганда. В фашистских листовках писалось, что немцы окружают Москву, а в Ленинграде не осталось ни одного живого человека. И я понимал, что встретиться с человеком,

который только что прилетел из Москвы, было величайшей радостью и жизненной необходимостью для колхозников. Все, что я рассказывал, воспринималось с глубокой верой и передавалось из уст в уста. На другой день по районам разнеслась весть: «Красная Армия скоро вернется на Беларусь».

Мне пришлось почти каждый день встречаться с партизанами и населением городов и деревень. Я считал своим долгом выступать перед народом как участник приема в Москве, передавать людям наказ партии и правительства. Собрания каждый раз были многолюдными, интерес слушателей — огромный. Я чувствовал, как нелегко удовлетворить эту необыкновенную жажду людей узнать как можно более подробно о жизни в советском тылу, в Москве и Ленинграде.

Эти встречи оказали нам большую помощь. У нас появились дополнительные резервы, еще больше укрепились связь и боевое взаимодействие партизан с населением.

Как только стало известно, что я вернулся из Москвы, в штаб соединения стали собираться руководящие партийные работники, партизанские командиры, руководители подпольных групп. Первым явился секретарь ЦК ЛКСМБ Кирилл Трофимович Мазуров.

Он прилетел из Москвы несколько месяцев тому назад и работал по организации комсомольского подполья. Долгое время в соединении находился и секретарь ЦК КП(б)Б Иван Петрович Ганенко, но я его уже не застал. Планы многих важнейших операций были составлены с его помощью.

Я рассказал К. Т. Мазурову, а также областным и районным работникам комсомола о встрече с членами Политбюро. Передал им советы и директивы Климента Ефремовича и ЦК КП(б)Б, охарактеризовал очередные задачи партизан Минщины и всей Белоруссии на ближайшие месяцы.

С командирами и комиссарами бригад я встречался несколько раз подряд. Мне хотелось как можно глубже войти в их работу, присмотреться к тем людям, которых я еще мало знал. За мое отсутствие в соединении многое изменилось. Количество партизан увеличилось почти вдвое. Появились новые партизанские отряды, группы, некоторые отряды переросли в бригады. Командование соединения было против излишнего разбухания отрядов. Пусть их будет больше, но они должны быть численно небольшими. Это повышает маневренность и боеспособность отрядов. Из наиболее передовых и способных партизан, командиров взводов, рот выделились способные командиры отрядов, а старое командование возглавило бригады. Так получилось у Долидовича, Меркуля, Гуляева, Павловского,

Патрина, Розова, Покровского, Храпко, Пущина, Ливенцева. В Заславском районе успешно действовала бригада «Штурм», в Копыле — бригада Жижика и Еременко, в районе Пухович особенно выделялись подрывники Филиппских, в Гресском районе — отряды Зайца, Коляды, в Краснослободском — Тихомирова. В Червенском районе значительную часть территории контролировали партизаны во главе с Кузнецовым и Плоткиным.

Даже отряд Столярова вырос в бригаду. И вырос он как раз за счет тех людей, которых Столяров недооценивал в первые дни войны, — за счет местного населения. Проездом мне случилось побывать в лагере Столярова. Ничего похожего на то, что я видел здесь когда-то! В отрядах образцовая дисциплина и порядок, партизаны аккуратно одеты, подтянуты, во всем чувствовались боевой дух, деловитость. И самого Столярова не узнать. Это был уже не упрямый и своевольный человек, каким все знали его в первый год войны, а рассудительный, опытный командир. Партизаны уважали его.

Несколько своеобразной, но очень приятной была встреча с Николаем Николаевичем Розовым. Он примчался в штаб, раскрасневшись от быстрой верховой езды. Мы долго разговаривали. Николай Николаевич рассказывал о своей бригаде и партизанах. Говорил, он искренне и с увлечением. Мне приятно было чувствовать, что Розов стал близким человеком, настоящим боевым товарищем и другом. Однажды в дружеской беседе мы с ним вспоминали прошлое, и я спросил:

— Что у тебя было на душе и что ты думал о подпольном обкоме при первой нашей встрече?

Розов прямо и открыто посмотрел мне в глаза и сказал:

— Я верил вам, но почему-то мне казалось, что партизанским движением должны руководить военные, а не гражданские люди. Мне все казалось, что меня хотят прибрать к рукам, прижать, а потом, может быть, и выбросить. Нелегко было перебороть себя. Уже все факты были против меня, а я все еще сомневался. Постепенно я понял и убедился, что обком мне ничего плохого не желал, люди искренне хотят мне помочь и радуются каждому моему успеху. От прежних сомнений теперь уже ничего не осталось.

В числе других был награжден правительством и Николай Николаевич. Когда на другой день я от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил ему орден Красного Знамени, он в присутствии членов бюро обкома, командиров, комиссаров и партизан торжественно поклялся, что отдаст все свои силы и способности, а если надо будет — и жизнь делу великой

всенародной борьбы за свободу и независимость Родины.

Вскоре приехал в штаб Столяров. Он явился после довольно трудной и сложной операции, которая не принесла результатов. Командир бригады был утомлен. Неудача сильно взволновала его, и он долго ходил по тропинке, погруженный в свои мысли. Раскрыв планшетку, он что-то старательно нанес на карту, а потом подошел ко мне.

— Василий Иванович, — тихо сказал он, — тут у меня есть один план, сегодня ночью опять иду в бой.

Столяров объяснил сущность своего плана по разгрому крупного фашистского гарнизона в населенном пункте Белый Переезд.

— Что ж, хорошо, — согласился я. — Только справишься ли своими силами? Может, нужна помощь? Говори, обком пойдет навстречу.

— Справлюсь! — уверенно ответил комбриг. — Только вот дело одно есть у меня к вам, Василий Иванович. Давно уже собираюсь спросить, да все как-то не решаюсь. В сорок первом году я хотел вступить в партию, да война помешала. Уже и рекомендации были… Как вы думаете, Василий Иванович, могу я теперь подать заявление о приеме в кандидаты партии?

— Думаю, что можешь, — ответил я.

Столяров оживился, благодарно посмотрел мне в глаза и спросил:

— А ваша поддержка будет?

Я твердо ответил:

— Будет.

Теплые, задушевные встречи были у меня с командирами и комиссарами отрядов, дислоцированных неподалеку от аэродрома. Многим из них в торжественной, праздничной обстановке я вручил высокие правительственные награды.

Александр Иванович Долидович получил награду в своей бригаде. На лесной поляне были выстроены отряды. Новый начальник штаба соединения Григорий Гнусов читал Указ Президиума Верховного Совета СССР. Когда пришла очередь Долидовича, он твердым шагом подошел к столу, покрытому красным сукном, вытянулся и неподвижно застыл. Я протянул ему орден. Александр Иванович взял его, потом крепко пожал мне руку и взволнованно поблагодарил партию, правительство за доверие и высокую оценку его заслуг перед Родиной. В его светлых с суровинкой глазах искрилась глубокая, неподдельная радость, но чуть заметная тревога делала взгляд непривычно взволнованным.

— Я понимаю, — стараясь быть спокойным, говорил

Долидович, — я понимаю, что у меня были ошибки… С помощью областного комитета партии я преодолел их, много раз думал и передумывал все… Что ж, скажу один раз, и слово мое будет твердое: больше не допущу подобных ошибок. Как советский гражданин, член великой партии большевиков — партии Ленина никогда не отступлю от боевой партийной линии!

В такой же торжественной, праздничной обстановке я вручил ордена и медали партизанам других бригад. Вручение наград еще выше подняло боевой дух наших отрядов и увеличило их активность. К сожалению, несколько орденов и медалей остались неврученными: награжденные партизаны погибли в героической борьбе с фашистской нечистью.

В штаб стали поступать ходатайства командиров о новых награждениях. Много героических дел совершили отряды Минщины за последнее время. Все наши планы выполнены. Взять хотя бы операцию по взрыву железнодорожного моста через Птичь. Немало усилий, инициативы, энергии пришлось приложить партизанам для того, чтобы подготовить и провести эту операцию.

Мост охраняло около семисот гитлеровцев. Кроме того, большие гарнизоны стояли в Птичи, в Калинковичах, в Муляровке, Петрикове. В любую минуту они могли выступить на помощь охранным отрядам. Через каждые четыреста-пятьсот метров вдоль магистрали торчали дзоты. С тех пор как гитлеровское командование начало широкое наступление на Сталинград, железная дорога Брест — Лунинец — Калинковичи — Гомель приобрела большое стратегическое значение. По ней непрерывно шли эшелоны на фронт, и она усиленно охранялась.

Взорвать мост надо было во что бы то ни стало, Таково задание правительства, таково решение нашего штаба, таково непоколебимое желание всех партизан. Убей фашиста в Белоруссии, он не появится под Сталинградом! Белорусские партизаны хорошо знали, какую неоценимую помощь окажут они славным защитникам Сталинграда, если надолго остановят движение вражеских эшелонов на одной из важнейших магистралей.

Для взрыва моста было нужно много тола. Центральный штаб партизанского движения по нашей просьбе прислал нам около пятисот килограммов взрывчатки.

В плане операции предусматривались меры, которые обеспечивали успех нашим отрядам. Прежде всего надо было снять угрозу окружения наших штурмовых групп со стороны Петрикова и Муляровки. Там стояли словацкие части. Еще в сентябре на совещании командиров и комиссаров отрядов мы

решили развернуть соответствующую работу среди антифашистски настроенных словацких солдат и офицеров. Подпольный обком партии и штаб соединения выполнили эту задачу. Со словаками была установлена связь. Мачульский, Мазуров, Скалабан и Михайловский несколько раз ходили к словакам. Большинство личного состава словацких частей ненавидело гитлеровцев и было готово помогать партизанам. Для начала договорились, что словаки помогут партизанам взорвать железнодорожный мост через Птичь. Кроме передачи планов укреплений этого района, они обещали не оказывать сопротивления, а если их заставят выступить, то не стрелять в партизан. Командование словацких частей дало слово чести, что в назначенный час они откроют артиллерийский огонь по гитлеровскому гарнизону на станции Птичь.

Имея такую надежную поддержку, наши отряды двинулись в поход. На операцию вышло десять отрядов — Долидовича, Павловского, Макара Бумажкова, Болотникова, Патрина, Жигаря, Столярова, подрывная группа Пущина и Шимшонка, автоматчики Александра Жуковского. Для того чтобы подойти к мосту, отрядам надо было пройти немалое расстояние: большинство дислоцировалось в Любанском, Октябрьском и Глусском районах, а мост через Птичь находился на территории Петриковского района. Кроме своих районов, им надо еще пройти через Копаткевичский и Петриковский районы Полесской области.

Первый сбор был назначен в деревне Комаровичи, Копаткевичского района. Сюда приехали Мачульский, Мазуров, Бельский, штабные работники. На коротком совещании командиров и комиссаров Мачульский и Мазуров еще раз подробно объяснили задачу.

— Помните, товарищи, — сказал Мачульский в заключение, — что это правительственное задание. Мы должны обязательно выполнить его.

Двинулись дальше. Конная разведка двигалась впереди и по параллельным дорогам. Бойцы шли большими колоннами, а между колоннами — подводы со станковыми пулеметами, боеприпасами, взрывчаткой. Позади двигалось сформированное для этой операции артиллерийское подразделение.

Километров за пятнадцать от Птичи отряд Макара Бумажкова отделился и пошел в другом направлении. Этот отряд должен взорвать железнодорожное полотно на запад от моста, чтобы фашисты не подбросили подкреплений со станций Старушки и Житковичи. Отряд Патрина остался в засаде на скрещении дорог Копаткевичи — Новоселки. Пройдя еще немного, отделился и двинулся влево отряд Павловского во главе с комиссаром отряда

Маханько. Его задача: взорвать железнодорожную линию с восточной стороны моста и перерезать дорогу фашистским подкреплениям из Калинкович и Мышанки. Отряду Долидовича вместе с артиллерийским подразделением было приказано захватить станцию Птичь, отрезать от мостовых укреплений станционный гарнизон и подавить его. Отряды Болотникова и Жигаря со станковыми пулеметами, группа автоматчиков под командой Александра Жуковского и подрывная группа Пущина и Шимшонка пошли на мост. Недалеко от реки был установлен командный пункт.

Здесь стоял и отряд Столярова. Командование соединения оставило его в резерве.

Хоть и длинна осенняя ночь, но надо было спешить: немало времени прошло, пока подошли к мосту, заняли боевые позиции. Мачульский достал из полевой сумки план операции. Подошли Бельский и Мазуров. При свете фонарика, накрытого плащ-палаткой, командиры еще раз проверили, все ли учтено, продумано, не упущена ли какая-нибудь деталь. Иногда самое незначительное упущение в бою приводит к пагубным последствиям. Долго тянулись эти последние минуты перед штурмом. Вокруг тишина и темень. Белесым туманом покрыто болото и прибрежный лозняк: трудно что-нибудь разглядеть.

Мачульский прислушивался и время от времени поглядывал на часы. Время штурма приближалось, но ни Бумажкова, ни Павловского не слышно. Штурм можно было начинать только тогда, когда будет взорвана железная дорога с запада и востока от моста. Взрывы должны произойти одновременно. «А что, если с одной стороны взорвут линию, — подумал Мачульский, — а с другой нет? Гитлеровцы всполошатся, трудней тогда будет». Он взглянул на Бельского, Мазурова и почувствовал, что то же самое беспокоит и их. Втроем они решили: штурма не начинать, пока не будет взорвана линия с обеих сторон.

Было ясно, что отряды Бумажкова и Павловского запаздывают. «Может, что случилось с ними, может, не удалось добраться до железной дороги? Если через минуту-две взрывов не будет, придется послать верховых выяснить, в чем дело». И только Роман Наумович встал, чтобы отдать связным приказ, как справа от моста взлетел вверх огромный клубок пламени и вслед за тем донесся взрыв. В ту же минуту послышался взрыв и с левой стороны.

— Красную ракету! — приказал Мачульский.

Это был сигнал к штурму. Отряды двинулись к мосту, а Долидович всей силой огня ударил по станции. Сразу же поползли к мостовым фермам подрывники. Впереди — Пущин и

Шимшонок.

Гитлеровцы всполошились, но в первые минуты огонь носил беспорядочный характер — их охватила паника. Однако они скоро поняли, что главным объектом атаки партизан является мост, и сконцентрировали свой огонь на подступах к нему. Каждый метр был ими пристрелян, и подрывникам трудно было подползти к самому мосту.

Мачульский приказал Столярову выйти на помощь Долидовичу и во что бы то ни стало подавить огневые точки на станции. Бронебойки и станковые пулеметы Жигаря и Болотникова ударили по дзотам. Автоматчики Жуковского подошли к самой линии. Они вели непрерывный огонь по немцам, которые высыпали из казармы и залегли возле дороги.

— За работу! — отдал Мачульский приказ подрывникам.

В это время артиллерийский и пулеметный огонь со стороны Муляровки и Петрикова открыли словаки.

Роман Наумович в тревоге повернулся к Мазурову:

— Неужели подведут?

— Не может быть, — ответил Мазуров. — Я уверен, что они выполнят обещание.

Мачульский послал связного на правый фланг. Через две-три минуты он вернулся и доложил, что пулеметы из Муляровки бьют в сторону партизан, но пули пролетают высоко над головами.

Мазуров проследил за артиллерийским огнем и убедился, что ни один снаряд и ни одна мина не упали на позиции партизан. Часть снарядов сперва разрывалась справа от станции Птичь, а потом пушки и минометы начали бить прямо по станции.

— Пристрелялись! — радостно объявил Мазуров. — Надо им передать, чтоб так били. Белую ракету! — приказал он.

Огонь словаков помог отрядам Долидовича и Столярова заставить фашистов замолчать.

Охранные отряды продолжали бешено сопротивляться, однако подрывники прорвались к мосту. Пущин, Шимшонок и Титов быстро и ловко минировали его. Они привязывали тол к тавровым балкам, фермам, закладывали в них капсюли и детонирующим шнуром соединяли заряды друг с другом. К мосту подносились все новые и новые пакеты с толом.

— Шнуров больше давайте, шнуров! — подгонял их Пущин.

Вокруг бушевала и пенилась от пуль и взрывов вода. Подрывники были мокры и залеплены грязью. Осколки мин и пули угрожающе звенели под мостом, ударялись о железо и бетон. «Хоть бы в капсюль не попало, а то все тогда пропадет», — беспокоились подрывники. Не о себе они думали в эти минуты. Для них только одно было свято и нерушимо: выполнить задание.

Мост должен рухнуть, и тогда можно вздохнуть свободно!

Пущин быстро соединил шнурами последние заряды.

— Проверь еще раз! — кричит он Шимшонку. — Прикажи убрать раненых!

Шимшонок ловкими, умелыми руками ощупал все заряды, капсюли, шнуры. Уже близился рассвет; теперь можно было увидеть то, что раньше было скрыто от глаз.

— Порядок! — доложил Шимшонок. — Давайте сигнал к отходу.

Две белые ракеты взвились в небо. Партизаны начали отходить. Гитлеровцы тоже прекратили огонь. Только словаки по-прежнему глушили птичский гарнизон.

У моста установилась напряженная тишина. Партизаны поспешно отходили, забирая с собой раненых. Только Пущин все еще оставался на мосту. Прислонившись к балке, он нетерпеливо ожидал, пока все отойдут, следил, чтобы не остался кто-нибудь из раненых или контуженных. И когда отряды отошли на нужное расстояние, командир подрывников достал спички. Чиркнул одной спичкой — нет огня. Чиркнул другой, третьей — нет! Спички отсырели в мокром кармане! Достал зажигалку. Шаркнул ладонью раз, другой — не горит… «Вот еще беда! — в отчаянии подумал Пущин. — Где теперь возьмешь огня? Все сделали, а спички сухими сберечь не смогли. Что теперь делать?» Сразу пришло решение: ударить по капсюлю и взлететь на воздух вместе с мостом. Последний раз провел ладонью по шершавому колесику зажигалки… И вдруг — огонь!.. Какое счастье! Пущин поджег шнур и со всех ног бросился под откос.

Огромный, осветивший все вокруг столб пламени взлетел в небо. Взрыв потряс землю. Огромная масса покореженного железа и разбитого бетона обрушилась в реку.

Операция была проведена в срок и наилучшим образом. Как только отряды отошли от железной дороги, Мачульский дал радиограмму в Москву, в Центральный штаб партизанскою движения:

«Ваше задание выполнено. Мост через Птичь взорван».

Эта операция имела не только большое военное значение. Она содействовала втягиванию словацких и других национальных подразделений в открытую борьбу с гитлеровцами. В дальнейшем словаки, румыны и поляки помогали минскому соединению. Они содействовали нашим отрядам в проведении боевых операций, доставляли важные сведения, помогали выявлять провокаторов, шпионов. Многие перешли потом к партизанам и с оружием в руках боролись против гитлеровских захватчиков. Так было со словаками, стоявшими в Слуцке, румынами, несшими охранную

службу в окрестностях Минска.

Чтобы помочь героическим защитникам Сталинграда, был успешно проведен и ряд других важных операций.

Чудеса героизма и отваги проявляли партизаны в боевых операциях. Трудно описать все бои, даже самое короткое упоминание о них заняло бы немало места. Вот некоторые из них.

Командование бригады «Штурм», действовавшей в Заславском районе, разослало отряды партизан на различные операции под Минском и в самом Минске. На базах оставалось человек пятьдесят бойцов вместе с поварами и оружейными мастерами.

Комиссар бригады Федоров, секретарь партийной организации Одинцов и секретарь комсомольской организации Миша Шайбак находились при штабе бригады. Вдруг штабу донесли, что свыше шестисот гитлеровцев, вооруженных пушками, минометами и станковыми пулеметами, переправились через реку Удра и повели наступление на деревни Слобода, Слободка и Довбарово.

Комиссар бригады, посоветовавшись с секретарем партийной организации, принял смелое, рискованное, но единственно правильное решение. Он поднял на ноги всех, кто оставался на базах отрядов, сформировал две боевые группы и повел их навстречу гитлеровцам. Одну группу во главе с Одинцовым он послал в тыл противнику, а сам с другой группой засел на высотке, в кустах, недалеко от реки. Удар по гитлеровцам был таким внезапным и сильным, что вражеские подразделения не выдержали и стали отходить. С тыла их встретил Одинцов. Гитлеровцы, прижатые к реке, заметались в панике и начали бросать оружие. Загнанные на болотистый полуостровок, они бешено сопротивлялись. Федоров, умело и оперативно руководя боем, сам вел огонь из станкового пулемета. Гитлеровцы тяжело ранили партизана-коммуниста Ерастова.

— Отходи в тыл! — приказал ему Федоров.

Но Ерастов остался в строю. Осколками мины перебило руку Мише Шайбаку, и он уже не мог больше стрелять из пулемета. Наспех перевязав рану, отважный комсомолец подполз почти вплотную к позициям врага и забросал гитлеровцев гранатами.

К вечеру исход боя был решен. В этом бою фашисты только убитыми потеряли около сотни солдат и офицеров. В числе убитых был и командир вражеского батальона. Партизаны захватили две пушки, один батальонный и три ротных миномета, пять ручных пулеметов, много винтовок и три автомашины с боеприпасами.

В бою погиб смертью храбрых секретарь комсомольской

организации Миша Шайбак. Пять человек партизан было ранено.

Навсегда останутся в памяти белорусского народа беспримерные по своему героизму боевые операции, которые провели в эти дни слуцкие и копыльские партизаны. С середины лета 1942 года здесь находился секретарь Минского подпольного обкома Иван Денисович Варвашеня. Член бюро обкома Александра Игнатьевна Степанова, как известно, была командирована сюда еще раньше. Партизанское движение на Случчине и Копыльщине достигло к концу 1942 года широкого размаха. В отрядах насчитывалось около четырех тысяч человек. Партизаны имели восемь пушек, четыреста станковых и ручных пулеметов, много винтовок и автоматов. Такие командиры, как Дунаев, Еременко, Шестопалов, Межнавец, пользовались большим авторитетом и популярностью в Минском партизанском соединении. О их славных делах знала вся Беларусь.

XXV годовщина Октября в Минском партизанском соединении, как и по всей Белоруссии, отмечалась сильными ударами по оккупантам. Обком прилагал все силы, чтобы ослабить вражеское наступление на Сталинград. Отряды Случчины и Копылыцины провели несколько крупных операций по разгрому вражеских гарнизонов. В ночь с 7 на 8 ноября намечалась операция по уничтожению копыльского гарнизона.

Встретить великий праздник командование решило на своей основной базе, в Старицком лесу. Во всех отрядах приготовились слушать по радио Москву. Намечалось утром 7 ноября провести митинг, часть партизан была занята сооружением трибуны. В подпольных типографиях Слуцкого, Копыльского и Гресского райкомов партии подготавливался выпуск специальных номеров газет, посвященных великой годовщине Октября. Командиры и комиссары готовили свои праздничные приказы.

Вечером и всю ночь было тихо. Перед рассветом разведка донесла, что из Минска в Копыльский район прибыла мотопехотная часть гитлеровцев. В ее составе пять танков и свыше десятка бронемашин. Мотопехота с ходу блокировала Старицкий лес, а утром повела стремительное наступление на партизанские отряды. Вместо празднования партизанам пришлось вступить в жестокий бой. Общее руководство боем взял на себя Варвашеня.

Отрядам Дунаева, Межнавца и Шестопалова было приказано держать оборону в Старицком лесу. Крупный отряд Еременко находился в Велешинском лесу. Противник об этом не знал, а Варвашеня умело использовал это очень важное обстоятельство. Он послал приказ Еременко немедленно выступить и ударить по врагу с тыла. Неожиданный удар заставил противника

откатиться, прекратить атаки на Старицкий лес и окопаться. Тяжелый бой тянулся весь день. Фашисты несколько раз поднимались в атаку, но каждый раз откатывались, устилая поле боя трупами. С наступлением темноты отряды решительной атакой прорвали блокаду и, так как боеприпасы кончились, отошли в Лавский лес.

Гитлеровская экспедиция потерпела позорный провал. Только убитыми фашисты потеряли свыше четырехсот солдат и офицеров. Гитлеровцы с такой панической поспешностью удирали из Копыльского района, что даже не подобрали трупов своих солдат.

Бессмертной славой покрыл себя в этом бою отряд Дунаева. Отважные дунаевцы уничтожили более двухсот фашистских оккупантов, подбили танк и несколько бронемашин. Они выдержали главный натиск вражеских сил и не отступили ни на шаг! Партизаны Дунаева неоднократно подымались в атаку и в рукопашных боях уничтожали врага.

В бою смертью героя погиб Иван Николаевич Дунаев. Партизаны и население Минщины навсегда сохранили добрую, светлую память об этом замечательном человеке, отважном воине, пламенном патриоте.

Отряд Шестопалова уничтожил три вражеских танка, бронемашину и свыше сотни оккупантов. Крупная гитлеровская часть, посланная для уничтожения слуцких и копыльских партизан, была почти полностью уничтожена. Партизанам не удалось провести праздничный митинг, но праздник они отметили боевыми делами.

Группа червенских партизан под командованием члена бюро Червенского райкома партии Плоткина, перед самым праздником устроила засаду на Могилевском шоссе. Партизаны подорвали гранатами четыре автомашины с солдатами, несколько десятков гитлеровцев уничтожили пулеметным огнем. Большая колонна оккупантов, двигавшаяся из Минска на Могилев, была задержана больше чем на сутки.

Немало диверсий было произведено в Минске, Бобруйске, Борисове. По заданию отряда Градова, который действовал преимущественно в окрестностях Минска, подпольщики завода имени Мясникова Красницкий, Подобед, Глинский и Вислоух взорвали в колесном цехе два очень ценных станка. Цех вышел из строя на длительное время. Отряды Филиппских, Покровского провели ряд успешных операций по взрыву мостов и железнодорожных путей. И когда в партизанский край пришла весть о полном разгроме оккупантов под Сталинградом, каждый из участников партизанских боев испытывал двойную радость: за

нашу общую победу и за то, что хоть в малой мере и он помогал героическим защитникам Сталинграда уничтожать гитлеровские полчища и добиться великой победы.

Разгром немцев под Сталинградом вызвал еще более могучий патриотический подъем среди партизан и всего населения Белоруссии. Весть об исторической победе советского народа вдохновила наших людей на новые героические подвиги во имя любимой матери Родины. Создавались новые партизанские отряды, тысячи людей шли в леса, увеличивая армию народных мстителей.

* * *

В конце июня 1943 года съехались в штаб Минского партизанского соединения командиры и комиссары бригад, отрядов, секретари подпольных райкомов партии и комсомола, редакторы районных газет «Прибыли также секретари ЦК ЛКСМБ Михаил Зимянин и Кирилл Мазуров, редактор подпольной газеты «Звязда» Барашков. Необходимо было подробно обсудить указания ЦК ВКП(б), сделанные на приеме в Кремле, планы новых крупных операций и решения о дальнейшем развертывании партизанского движения, принятые пленумом ЦК КП(б)Б, который незадолго до этого состоялся в Москве.

Наступило лето 1943 года. Партизанское движение Минской области и во всей Белоруссии вступало в новый, еще более сложный и ответственный период.

Фронт партизанской борьбы проходил через каждый захваченный фашистами район. Народный гнев, народное возмущение неотступно преследовали гитлеровцев всюду, где бы они ни появились. Выполняя решение V пленума ЦК КП(б)Б об усилении ударов по тылам немецкой армии, партизаны всюду встречали гитлеровцев неожиданными ударами, преследовали их на каждом шагу. Отрядами и отдельными группами партизаны нападали на вражеские гарнизоны, обозы, склады, пускали под откос эшелоны, устраивали засады, убивали предателей, уничтожали гитлеровцев при всяком удобном случае. Не раз фашисты пробовали погасить пламя всенародной борьбы, не раз посылали многочисленные хорошо вооруженные экспедиции против партизан. Но народные мстители беспощадно били фашистов. Тысячи гитлеровских солдат и офицеров были уничтожены оружием советских партизан.

Подпольные партийные организации, командиры, и комиссары партизанских отрядов наряду с боевой работой

развернули и систематически вели среди населения политическую работу, рассказывали правду о Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неминуемой гибели оккупантов. Пропагандисты и агитаторы-подпольщики разоблачали лживую пропаганду, воспитывали гнев и ненависть к оккупантам. И население временно оккупированных районов Белоруссии шло за коммунистами-подпольщиками, за партизанами, ибо оно видело в лице партизан своих верных заступников, преданных сынов народа, свою опору в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Героическая Красная Армия все больше и больше разбивала бредовые планы кровавого Гитлера, который задумал покорить нашу страну, поработить народы Советского Союза. С каждым днем приближался час расплаты за все злодеяния, совершенные гитлеровцами на советской земле. В предчувствии этого часа фашистские выродки все больше лютовали. Они жгли города и села, угоняли советских людей на каторжные работы, уничтожали мирное население.

Подпольные партизанские организации в тылу врага принимали все меры к тому, чтобы спасти белорусский народ от истребления и насильственного угона в рабство в Германию. Большевики-подпольщики, партизаны и партизанки отдали много сил для того, чтобы расстроить замыслы врага, не дать ему осуществить его черное дело. Крестьяне многих районов в ответ на приказ немцев об отправке в Германию пошли в леса, к партизанам. По инициативе подпольных райкомов и межрайкомов партии в городах и деревнях были созданы отряды самообороны. На вооруженную борьбу против гитлеровцев поднимались сотни тысяч советских людей, поднялся весь белорусский народ. Партизаны громили волостные управы, отбивали эшелоны с населением, которое угонялось в Германию. Не немецко-фашистские оккупанты, а советские люди были хозяевами на временно оккупированной врагом территории.

Белорусские партизаны закалялись политически, накапливали боевой опыт, вооружались, овладевали военным мастерством, укрепляли связь с населением. Наступление советских войск на всех фронтах белорусские партизаны и партизанки поддерживали своей боевой активностью. Они помогали Красной Армии громить и уничтожать врага в тылу, нарушали его коммуникации, наносили удары по подходящим к фронту немецким частям, захватывали, контролировали и разрушали железнодорожные линии, скрещения шоссейных дорог, пускали под откос вражеские эшелоны, взрывали

железнодорожное полотно и мосты.

Красная Армия помогала партизанам военной техникой, боеприпасами, а из рядов партизан шло в армию боевое пополнение. Многие операции по разгрому врага на территории Белоруссии разрабатывались и проводились совместно.

Ни террор, ни провокации, ни лживая пропаганда врага не сломили высокого морального духа и стойкости белорусского народа. Он был непоколебим в своей железной решимости бороться до последней капли крови против фашистских угнетателей. Влияние белорусских коммунистов-подпольщиков на широкие массы населения не ослабевало ни на минуту. Центральный Комитет КП(б)Б через подпольные партийные центры, подпольные партийные организации и комиссаров партизанских отрядов сплачивал их идейно, политически, организационно.

Наша борьба показала, что Коммунистическая партия вырастила и воспитала партийных и беспартийных большевиков, людей особого склада, которые вместе, плечом к плечу воевали и проливали кровь на фронтах и в тылу врага во имя свободы и величия матери Родины.

«Белорусские партизаны, — говорил К. Е. Ворошилов на предвыборном собрании избирателей Минского избирательного округа 7 февраля 1946 года, — сыграли огромную роль в борьбе с врагом, в деле его разгрома… Белорусский народ представляет собой такой народ… который ни при каких обстоятельствах, даже если бы они были в десять раз более трудными, чем те, которые мы пережили, не пойдет в услужение к врагу, не склонит своей гордой головы перед врагом и будет с ним биться до последней капли крови. Это ценит Советский Союз, это ценит наша партия».

* * *

Белорусская партийная организация по праву гордится своими партизанами и партизанками. Борьба белорусских партизан вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из ярких ее страниц, и память о ней будет жить в веках.

Вся боевая деятельность белорусских партизан имела огромный успех потому, что во всех районах, городах и селах республики, а также в отрядах неутомимо работали подпольные партийные комитеты и первичные парторганизации, связанные с населением тысячами нитей. Коммунисты и комсомольцы были душой партизанского движения, являясь примером для всех партизан и партизанок. Они всегда находились в первых рядах

отважных борцов за дело народа.

Плодотворной была работа подпольных партизанских организаций Белоруссии и борьба белорусских партизан потому, что ими непосредственно руководил Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза.